

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. С. Елагин

**ВЛАДИМИР КРЕСТИТЕЛЬ
В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ.
ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ**

НОВОСИБИРСК
2017

УДК 94(47)(092)Владимир Креститель+ 930.2
ББК 633(2)41-8 Владимир Креститель+ 63.1(2)
Е47

Печатается по решению
Редакционно-издательского
совета
ФГБОУ ВО «НГПУ»

*Подготовлено и издано в рамках реализации Программы
стратегического развития ФГБОУ ВО «НГПУ» на 2012–2017 гг.*

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «НГПУ»

Е. И. Соловьева

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «НГПУ»
Т. Н. Троицкая;
кафедра отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «НГПУ»

Елагин, В. С.

Е47 Владимир Креститель в Повести Временных Лет. Легенды и факты :
монография / В. С. Елагин ; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб.
гос. пед. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2017. – 153 с.

ISBN 978-5-00104-140-5

В книге анализируется жизнедеятельность князя Владимира Святослави-
ча по сообщениям «Повести Временных Лет». Автор рассматривает Владимира,
анализируя сеть его жизненных циклов: Владимир – язычник, Крещение князя и
Руси; Владимир – христианин. Особенно разбирается структура летописи через
призму Библии.

Книга рассчитана на студентов исторических факультетов, а также всех
интересующихся российской историей.

**УДК 94(47)(092)Владимир Креститель+ 930.2
ББК 633(2)41-8 Владимир Креститель+ 63.1(2)**

ISBN 978-5-00104-140-5

© Елагин В. С., 2017

© Оформление. ФГБОУ ВО «НГПУ», 2017

*Светлой памяти
Екатерины Ивановны Соловьевой,
нашего Учителя*

Введение

Владимир Святославич, Владимир I, Владимир Красное Солнышко, Владимир Креститель, Владимир Святой, Владимир Равноапостольный – каких только эпитетов не удосужился один из самых известных деятелей Древнерусского государства! И все потому, что в силу исторических обстоятельств князь оказался на стыке двух эпох: языческой и христианской. Правитель, воплотивший в себе все ценности уходящего языческого мира и стремящийся приобрести новые явления христианской эпохи. Ну, а коль Владимир оказался на стыке эпох, то и его исторический портрет складывался из тех источников, что рождены под воздействием разных пластов идеологических воззрений. С одной стороны, Владимир – язычник, и его образ необычайно ярко отражается в былинном эпосе. Но сразу же надо оговориться: былинный Владимир – не реальное историческое лицо, это собирательный образ, воплотивший в себе деяния многих людей разных исторических эпох (например, в одном лице слились Владимир Святославич и Владимир Всеволодович Мономах). При этом Владимира трудно назвать основным героем легенд. Он проходит в них как бы фоном, второстепенной личностью, порой мало инициативным и легко поддающимся влиянию бо-

Портрет из «Царского титулярника», XVII век

лее сильных фигур (например, Добрыни). Владимира окружает мир богатырей, стоящих на страже рубежей Родины. Он заботится о них, лелеет и в то же время притягивает к себе их подвиги, купается в лучах их славы. Отсюда и Владимир Красное Солнышко.

Совершенно иной образ Владимира создает христианская литература. Наиболее ранним источником, близким ко времени жизни князя является «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Произведение было написано в 40-е годы XI ве-

Митрополит Иларион

ка виднейшим деятелем эпохи Ярослава Владимировича Мудрого митрополитом Иларионом.

Он одним из первых начинает создавать иной образ князя. Владимир – христианин, Владимир – просветитель земли русской, крестивший Русь и давший ей светоч христианского учения.

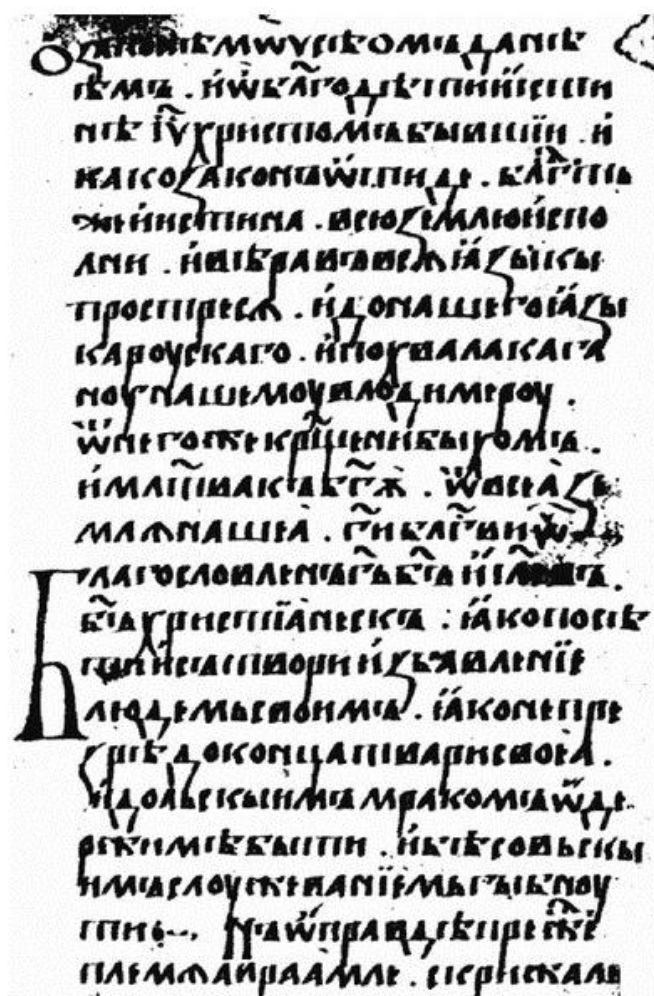
Обращаем внимание читателей, что «Слово» было создано по прошествии каких-то 30 лет после смерти князя. И еще были живы люди, знавшие и помнящие Владимира, оставившие воспоминания о нем и его деяниях. Иларион не касается жизнеописания князя Владимира. Он поет гимн эпохе! Эпохе христианской Руси, рожденной Владимиром и вскормленной временем Ярослава. Во второй части этого произведения содержится изумительный панегирик киевскому князю Владимиру Святославичу:

«Все страны, и грады, и люди
чтут и славят каждый – их учителя,
что научил их православной вере.
Похвалим же и мы, по силе нашей,
малыми похвалами великое и дивное сотворившего
нашего учителя и наставника
великого государя нашей земли Владимира,

внука старого Игоря,
сына же славного Святослава.
Те в лета своего владычества
мужеством и храбростью прославились в странах многих,
и победами, и крепостью поминаются ныне
и прославляются.

Ибо не в худой и неведомой земле владычествовали,
но в Русской,
что ведома и слышима
Всеми четырьмя концами земли» [Елагин, 2009, с. 235]

Иларион первым сравнивает Владимира «подобным Константину Великому» за то, что крестил Русь. Впервые всплывает и образ княгини Ольги как родоначальницы русского православия, сравнивая ее с матерью Константина Еленою:

«Слово о Законе и Благодати»
митрополита Илариона

«О, подобный великому Константину,
равноумный, равнохристолюбивый,
равно чтящий служителей его!..

...Он царство эллинов и римлян богу покорил, ты же – Русь.
И вот уже не только у них, но и у нас Христос царем зовется.
Он с матерью своею Еленой крест из Иерусалима принес,
по всему миру своего его разнеся, веру утвердил.
Ты же с бабкой своею Ольгой,
принеся крест из нового Иерусалима, Константина града,
по всей земле своей его поставил, утвердил веру,
ибо ты подобен ему» [Елагин, 2009, с. 242]

Одним из важнейших источников по эпохе Владимира I является «Память и похвала русскому князю Владимиру» или более пространное название «Память и похвала князю русскому Володимеру, како крестися Володимер и дети своя крести и всю землю Рускую от конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Олга преже Володимера. Списано Иаковом мнихом» [Голубинский, 1997, с. 238–245].

Этот литературный памятник структурно делится на три части (во многом самостоятельных друг от друга): 1) Похвала Владимиру; 2) Похвала Ольге и 3) Житие князя Владимира. Авторство этого произведения определяется припиской к заглавию монаху (отсюда и мниху) Иакову. Исследователи связывают это имя с монахом Киево-Печерского монастыря. В Повести Временных лет (далее – ПВЛ) под 1074 годом публикуется рассказ о том, как перед смертью Феодосий предложил на свое место Иакова. Братия его не приняла, мотивируя тем, что он не был постриженником Киево-Печерского монастыря, а пришел из монастыря, существовавшего под Переяславлем на реке Альте. Почему именно его хотел видеть своим преемником Феодосий, судить сложно. Возможно, к этому времени он был уже известен своими сочинениями. В Киево-Печерском монастыре Иаков имел возможность общаться с теми людьми, кто помнил крещение Руси, как, например, «Еремея, иже помняше крещенье земле Русьския» [ПВЛ, т. 1, с. 126], и от них получать ценные сведения об этом процессе.

«Память и Похвала» необычайно важна историку прежде всего потому, что в ней, в единственном источнике, даются точные даты.

А. А. Шахматов обратил внимание, что в летописи нет ни одной точной датировки, отмечающей светское событие до первой половины XI века [Шахматов, 2001, с. 26]. И действительно, такая датировка появляется в ПВЛ лишь под 1061 годом: «Придоша половци первое на Русьскую землю воевать; Всеволод же изиде противу им месяца февраля 82 день» [ПВЛ, т. 1, с.109]. До этого все точные даты относятся лишь к событиям церковным: кончина Ольги (11 июля 969 г.), убийство варягов-мучеников (12 июля 983 г.), освящение церкви Св. Богородицы (12 мая 996 г.), смерть Владимира (15 июля 1015 г.) и т. д. [Шахматов, 2001, с. 26–27].

Назаренко А. В. пришел к выводу, что Иаков мог пользоваться церковными записями, фиксирующими то или иное событие [Назаренко, с. 378]. Помимо этого в тексте «Памяти и Похвалы» содержатся хронологические известия, отличные от летописных: «По святом же Крещении жил блаженный князь Владимир 28 лет. На другой год после крещения ходил к порогам, на третий год Корсунь взял, на четвертый год церковь каменную Святой Богородицы заложил, в девятый год блаженный христолюбый князь Владимир десятину дал церкви Святой Богородицы от владений своих... И сел в Киеве князь Владимир на восьмой год по смерти отца своего Святослава июня месяца в 11 день год 978. Крестился князь Владимир на десятый год по убиении брата своего Ярополка...» [Голубинский, 1997, с. 245].

Интересно сопоставить все даты важнейших событий в единую таблицу, чтобы выявить явные несоответствия и определить более верные датировки.

№	События	ПВЛ	Память и похвала
1	Начало княжения Владимира в Киеве	980 г.	11 июля 978 г.
2	Крещение князя Владимира	988 г.	987 г.
3	Поход к порогам	–	988 г.
4	Взятие Корсуни	988 г.	989 г.
5	Закладка церкви Св. Богородицы	989 г.	991 г.
6	Определение десятины для церкви Св. Богородицы	996 г.	996-997 г.

Как видно из приведенной таблицы, хронология поступков Владимира сильно разнится. Хочу обратить внимание на тот факт, что «Память и Похвала» не связывает, как ПВЛ, поход на Корсунь и крещение Владимира в единое целое, а разделяет их по времени. По «Памяти и Похвале» на Корсунь Владимир идет уже крещенным. Нет в этом произведении ни «выбора вер», ни влияния на князя греческого фольклора, ни женитьбы на византийской царевне Анне – ничего такого, на что делает основной акцент ПВЛ. По мнению Иакова, решение креститься князь принял сам под влиянием своей бабки Ольги, и «разгорашеться святым Духом сердце Владимира» [Там же, с. 239].

В 80-е годы XI века создается еще одно удивительное произведение древнерусской литературы «Чтения о святых мучениках Борисе

видѣнья своиго. тако мощно
 видѣти убоикмъ. немощно бо
 срѣти убоикмъ ествѣ аамъ
 сисаго. тако мори си великы
 и не вѣрмо те видѣти ангѣла
 го ествѣба вода шеть бо на въ
 днѣ столпъ ѿ блаченъ. а вно
 щи столпъ ѿ гнѣнь то бе место
 лпъ вода шемъ днѣ но ангѣла
 ше прѣни мли вно щи в днѣ
 тако и се на шленъ щнѣ котиро
 щпо казѣ вѣаше. щмуть бо вѣ
 тий вѣи на в. щболѣ не ссли
 ангѣлъ вольвѣи на нно племе
 нникы и су повстатъ. тако рѣ
 ангѣлъ прѣтвое ю прѣидеть. и
 ангѣлъ вѣи буди стобою. :
Игуменъ сил и вѣстрѣстами
 краила. на писѣ книгы си
 лѣтописецъ на дѣясмѣ бо
 млѣ при жити. при князѣ вѣ
 лодимѣрѣ. и на тащю кму
 к вѣ вѣ амѣ вѣ времѣи
 гугуменащю. бустами краила.
 вѣ. р. л. ка. и ма иста. в.
 лѣ. а и те чте ты книгы си на.
 те буда мли вѣ млѣ вѣ рѣ. :

Лаврентьевская летопись

и Глебе». Согласно этому источнику, Владимир крестился не в 988 году, а в 987. В нем нет упоминаний о посещении князя миссионерами разных вер, ни словом не упомянут Корсуньский поход и крещение там князя Владимира.

И вот в начале XII века появляется удивительное произведение древнерусской литературы «Повесть Временных Лет». Свое название оно получило от первых строк произведения: «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда русская земля стала есть» [ПВЛ, т. 1, с. 9]. Традиционно создание ПВЛ связывалось с именем монаха Киево-Печерского монастыря Нестером. Так полагало большинство исследователей XVIII–XIX вв. Они считали ПВЛ единым, целостным произведением, рожденным одним автором, в определенное время. И только со временем ученые пришли к выводу, что ПВЛ – это летописный свод, очень сложный по своему составу, включающий в себя большое количество источников и создаваемый на протяжении длительного периода. Особенно здесь нужно отметить громадную работу, проделанную академиком А. А. Шахматовым. На рубеже XIX–XX вв. им была создана блестящая теория становления русского летописания, выявляющая состав и источники ПВЛ, авторство и т. д. Теория, во многом предопре-

*Алексей Александрович
Шахматов*

делившая направления поиска и изучения летописи и не потерявшая своего научного знания и сегодня [Шахматов, 1908].

Шахматовым А. А. была разработана блестящая схема этапов становления и написания ПВЛ. Вкратце ее можно представить следующим образом [Елагин, 2009, с. 6–26].

І этап. Летопись создается в необычайно бурный период развития страны. 30–50-е годы XI века – высший пик развития Древнерусского государства. Князь Ярослав Владимирович добился объединения Русской земли, значительно укрепил ее

внутренние устои, возвысил ее внешнеполитический статус. При помощи брачных союзов он устанавливает дипломатические отношения со многими государствами Европы, в том числе с Византией. Это время, когда христианская религия пускает прочные корни в плодородную русскую почву и получает мощнейший импульс своего развития. Это время начального осмысления места и роли Руси в системе христианского пространства. Именно тогда появляется удивительное произведение эпохи «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, возникает первый опыт осознания личности Владимира Святославича, его роли в христианизации Руси.

В 1039 году Ярослав добивается создания русской митрополии в составе Константинопольской патриархии, и на Русь приезжает митрополит – грек Феопемпт. Создание митрополии еще больше упрочило социально-политический статус государства и его правителя. Но возросшая религиозная деятельность Ярослава, направленная на возвышение роли князя Владимира, превращение его в ранг святого встретила сопротивление со стороны Византии. Тогда Ярослав идет на решительный разрыв отношений и в 1051 году: «постави Ярослав Лариона митрополитом русина в святей Софьи, собрав епископы» [ПВЛ, т. 1, с. 104]. Он без ведома Константинополя, сам назначает своего ставленника Иларионом первым русским митрополитом.

«Русская летопись родилась в той атмосфере борьбы за свою культурную и политическую самостоятельность, которая пронизывает собой всю эпоху Ярослава» [Лихачев, 1947, с. 58], – эта мысль Д. С. Лихачева лучше всего подтверждает обстановку создания первой редакции летописи. Она создается по примеру византийских хроник и болгарских летописей, причем одновременно в двух политических центрах Руси – Новгороде и Киеве. Собственно это еще не летопись, в ней нет еще хронологической разбивки по годам. Это скорее сборник рассказов о начальной истории Руси, в которую вошли исторические предания, легенды, материалы переводных хроник. По мнению А. А. Шахматова, в этот период уже существовали особые повести о крещении Ольги и древнейший вариант крещения князя Владимира, вошедшие как в первую редакцию летописи, так и в «Память и Похвалу» монаха Иакова [Шахматов, 1908, 74–80]. Здесь же появляется

как самостоятельная повесть об отце и сыне варягах-христианах. Возможно, составителем этого произведения, названного А. А. Шахматовым «Древнейшим Киевским Сводом», был сам Иларион. Одновременно в Новгороде создается собственное летописание, оформленное в 1050 году в «Древний Новгородский Свод».

II этап русского летописания падает на 60–70-е годы XI века и связывается, по А. А. Шахматову, с именем монаха Киево-Печерского монастыря Никона-Илариона. После смерти Ярослава его преемник Изяслав вынужден был пойти на уступки Византии и уступить митрополичью кафедру греку. В 1055 году митрополитом становится Ефрем. Изгнанный Иларион постригается в Киево-Печерский монастырь под именем Никона и в стенах этого монастыря продолжает начатую им работу над летописным сводом. В Киево-Печерском патерике он изображен как великий летописец, «сидящу и строащу книги» [Елагин, Шаланова, с. 98].

В монастыре Никон проводил ярко выраженную антигреческую политику, что вызвало большое неудовольство князя Изяслава и митрополита-грека. В результате он вынужден был бежать из Киева в далекую Тмуторокань, где основал новый монастырь, и скоро становится одним из авторитетнейших людей этого княжества. Никон продолжает свою любимую работу. Он собирает материалы по современной ему истории Тмуторокани, записывает легенды, сказания. Через Никона в летопись попали рассказы о князе Мстиславе Владимировиче, об отравлении Ростислава греческим котопаном (наместником). Нас в первую очередь интересует знаменитая корсуньская легенда о крещении князя Владимира Святославича. Она связывает крещение князя со взятием им Корсуни и во многом искажает ход и суть этих событий.

III этап русского летописания относится к середине 90-х годов XI века. В это время при игумене Иване в Киево-Печерском монастыре происходит создание «Второго Киево-Печерского свода», который А. А. Шахматов назвал «Начальным сводом».

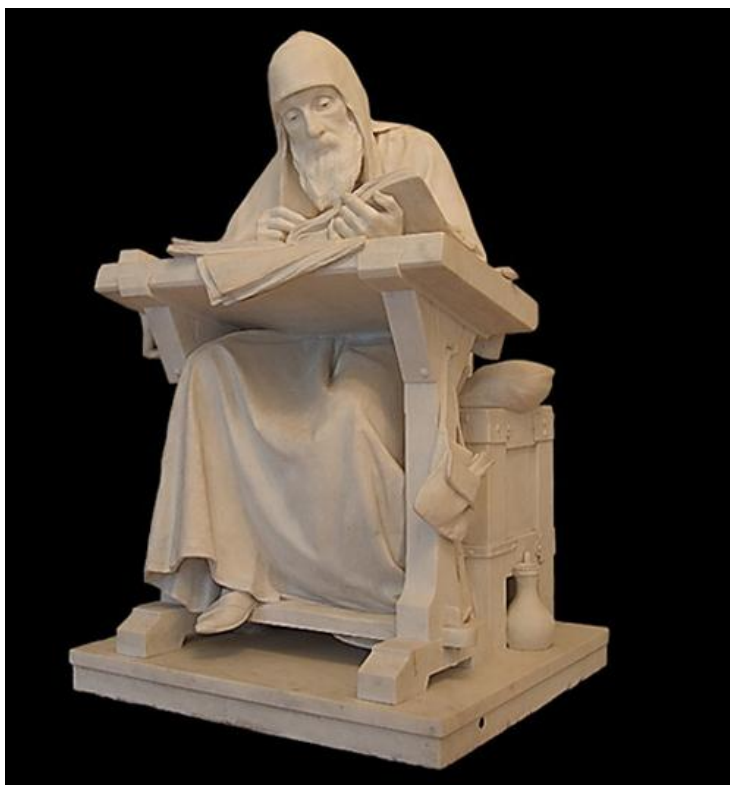
Именно в «Начальном своде» были сведены воедино в версии крещения князя Владимира: древнейшая и корсуньская. Пройдя усиленное редактирование и корректировку, она попала в летопись в том виде, что мы находим ее и сейчас.

IV этап характерен тем, что именно в это время летопись приобретает свою структуру и становится законченным произведением. Автором его является монах Киево-Печерского монастыря Нестор, имя которого читается в одном из списков летописи Хлебниковском, где есть запись «Повести временных лет Нестора черноризца». О Несторе известно, к сожалению, очень мало. Поселился он в Киево-Печерском монастыре при игумене Стефане в 1074–1078 гг., им же был посвящен в дьяконы этого же монастыря. Большинство исследователей признают за Нестором авторство произведений, написанных где-то в 1081–1088 гг., – «Житие Бориса и Глеба» и «Житие Феодосия Печерского».

В Киево-Печерском монастыре Нестор продолжил славную традицию русского летописания. Им был отредактирован «Начальный Свод», исправлен ряд рассказов, осуществлено дополнение в начальную часть летописи. Именно Нестором были включены извлечения из «Хроники Георгия Амартола», «Летописца патриарха Никифора» и ряда других.

V этап связан с событиями, произошедшими в Киеве в 1113 году. После смерти Святополка Изяславича и последующего восстания киевлян в Киев был приглашен княжить Владимир Всеволодович Мономах. Он был основным политическим противником княжеской линии Святополка, поэтому, став Великим князем, попытался изменить ситуацию. Право записывать и оформлять политическую историю государства было поручено придворному Выдубицкому монастырю и его игумену Сильвестру.

Летопись, особенно то, что касалось времени правления Святополка Изяславича, была отредактирована. Сильвестр убрал из текста летописи имя Нестора и вставил свое, тем самым как бы обозначил себя автором ПВЛ. Отредактированный текст читается в составе Лаврентьевской летописи: «Игумен Силивестр святаго Михаила написах книги си Летописец, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему в Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила в 6624 (1116), индикта 9 лета. А иже чтеть книги сия, то буди ми в молитвах» [ПСРЛ, т. 1, с. 276].

Нестор-летописец

VI этап. В 1118 году ПВЛ подверглась еще одной и последней редакции. И связано это с именем сына Владимира Мономаха – Мстиславом, который приказал усилить новгородскую направленность летописания, вставив туда ряд рассказов с новгородскими событиями.

Таким образом, мы видим, что «Повесть Временных Лет» – очень сложное по своему составу произведение, создаваемое в течение длительного времени разными авторами. Вклад их в написание ПВЛ различный, но думается, что перед Историей они все равновелики. Я предлагаю всех их объединить в единое звание Летописец (именно с большой буквы), их труд нужно знать и помнить, «помяная в молитвах», как говорил Сильвестр!

Конечно, для нашей работы потребуется привлечение и других источников, позволяющих полнее раскрыть и событийную канву произведения, и смысловую ее нагрузку.

Это, прежде всего, так называемая «Иоакимовская летопись», открытая и введенная в научный оборот В. Н. Татищевым [Татищев, 1964, т. 1, 2]. Исследователь приписывал ее создание первому новгородскому епископу Иоакиму (ум. в 1030 году). Много копий изломано историками, публицистами об оригинальности и древности этой ле-

тописи. Здесь нет возможности излагать подробную историю исследования «Иоакимовской летописи», отмечу лишь собственную позицию: В. Н. Татищев приводит ряд оригинальных известий, отсутствующих в ПВЛ или по другому трактующих то или иное событие. Так, в летописи содержатся известия о балканском походе князя Владимира на болгар, результатом которого стало крещение князя. В. Н. Татищев приводит известия о крещении первых киевских князей Аскольда, Ольги, Ярополка. В Иоакимовской летописи приведен рассказ от первого лица о крещении Новгорода и новгородцев, который В. Н. Татищев приписал лично епископу Иоакиму. В нем содержатся такие подробности, что трудно обвинять В. Н. Татищева в каком-либо подлоге. Я активно привлекаю в данной работе сообщения В. Н. Татищева, отдавая порой им предпочтение, нежели некоторым по-истинне сказочным мотивам ПВЛ.

Анализируя жизнедеятельность Владимира, особенно все то, что связано с его крещением, невозможно обойтись и без иностранных известий. Их немного. Это в основном византийские источники, арабские, западноевропейские. Они, каждый по-своему, дополняют, опровергают, конкретизируют то или иное событие ПВЛ, позволяя нарисовать более полную и, как мне кажется, более достоверную историческую картину времени князя Владимира Святославича.

Учитывая все вышесказанное, я приступаю к основной своей теме – изучение жизнедеятельности князя Владимира по «Повести Временных лет». Но прежде всего я считаю своим долгом поблагодарить своих Учителей и выразить слова глубокой признательности Екатерине Ивановне Соловьевой, памяти которой я посвящаю эту книгу, и Татьяне Николаевне Троицкой, с пожеланием ей долгих лет жизни.

Глава I. Владимир-язычник

Первое упоминание о Владимире в ПВЛ мы встречаем под 6476 (968) годом. Святослав находится в Болгарии, и в этот момент на Киев нападают печенеги: «...И затворися Волга в граде со унуки своими, Ярополком и Ольгом и Володимером в граде Киеве» [ПВЛ, т. 1, с. 47]. Из имеющегося текста можно понять, что на момент военных походов детьми Святослава занимались не его жены, а мать – Ольга. Очевидно, они еще достаточно малы, если всё за них определяет их бабушка. Судя по расположению имен, можно сделать вывод и о их старшинстве. Первенство Ярополка не вызывает сомнений, а вот кто старше – Олег или Владимир – нам предстоит задуматься. Отмечу еще одну важную деталь: внуки Ольги находятся все в одном месте под покровительством бабушки. При этом даже пока нет и намека на тот факт, кто из них законнорожденный княжич, а кто нет. Значимость этого момента мы поймем позднее.

В рассказе об окружении Киева печенегами есть много несуразиц, которые при внимательном чтении сразу же бросаются в глаза. Например, в тексте сказано, что в 968 году печенеги впервые пришли на Русскую землю. Но как же тогда воспринимать сообщение ПВЛ от 915 года: «Приидоша печенези первое на Русскую землю и сотворивше мир со Игорем, и приидоша к Дунаю» [ПВЛ, т. 1, с. 31]. Далее, в рассказе упоминается киевский юноша, так хорошо знавший печенежский язык, что мог спокойно пройти сквозь вражеское войско. Значит, контакты с печенежским миром существовали давно. Судя по тексту, Русь и печенеги были знакомы уже полста лет. Обращаю внимание еще на один эпизод. После того, как воевода Претич вывез княгиню и княжат (ничего не сказано о их матери или матерях) и опасность для них миновала, продолжала оставаться угроза городу: «И отступиша печенези от града, и не бяше льзе коня напоити: на Лыбеди печенези» [ПВЛ, т. 1, с. 48]. Вот так отступили, что еще больше обложили город! После этого Претич посылает гонцов в Болгарию к князю Святославу. Святослав, не мешкая, собирает свою дружину и устремляется на помощь Киеву. В тексте все это происходит молниеносно. На деле же это должно обернуться длительным периодом – ведь путь

от Киева до болгарского Преслава не близкий. Даже если гонцы, стремглав неслись к Святославу, загоня лошадей, и то на это ушло бы не меньше двух недель. И обратный путь дружины Святослава охватил бы еще больший промежуток времени. Получается, что на все это ушло бы не менее двух месяцев. А печенеги все это время измором держат Киев, да так сильно, что и коней нельзя напоить! Чувствуется определенная натянутость текста. Д. С. Лихачев высказал мысль, что в исторический сюжет похода печенегов на Киев уже в более позднее время вставлен эпизод из так называемого „печенежского цикла” о воеводе Претиче и юноше с уздечкой» [ПВЛ, т. 2, с. 314]. С рассказами «печенежского цикла» в ПВЛ нам еще предстоит не раз встретиться. Может быть, и весь рассказ из летописи под 968 годом скомпонован Летописцем на основе дружинных песен, в котором лишь фоном вставлен эпизод о спасении Ольги и ее внуков. Мне кажется, что это сделано для того, чтобы еще ярче выделить отчужденность Святослава от жизни Киева и его собственной семьи. Ведь не случайно киевляне бросают князю даже злобный упрек: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охавив (покинул – В. Е.)» [ПВЛ, т. 1, с. 48]. А дальше в коротком тексте звучит троекратно о необходимости защиты старой матери и своих детей. Святослав, по мнению ПВЛ, – временщик на Киевской земле, его влечет далекая Болгария. Становится понятной его фраза: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя зем-

*Княгиня Ольга на памятнике
«Тысячелетие России»
в Великом Новгороде*

ли моей...» [ПВЛ, т. 1, с. 48]. И Святослав, похоронив Ольгу и разделив землю между своими сыновьями, вновь отправляется в Болгарию и уже не возвращается в Киев.

Прежде чем перейти к летописному рассказу о разделе земли, обращу внимание на некоторые детали похорон Ольги. Княгиню хоронят по христианскому обряду: «И бе заповедала Ольга не творити трызны над собою, бе бо имущи презвутер, сей похорони блаженую Ольгу» [ПВЛ, т. 1, с. 48–49]. Еще больше конкретизирует это событие В. Н. Татищев: «И погребли ея у церква со христианы, яко заповедала сама, трызны же не повелела над собою, яко обычай неверующим во Христа, творить, был бо при ней священник, сей похоронил блаженную Ольгу» [Татищев, т. 2, с. 50]. Заметим, Святослав-язычник не препятствует соблюдению христианских обрядов. Обращаю внимание на наличие в Киеве христиан, оплакивающих княгиню и пресвитера, который совершил обряд отпевания и руководил захоронением Ольги у церкви. Вспомним, что в составе посольства Ольги в Константинополь также был священник Георгий. Может быть, это одно и то же лицо? Наличие в Киеве церкви, может быть, не одной, присутствие при княгине пресвитера, второго после епископа должностного лица в христианской церкви, существование в Киеве достаточно многочисленной прослойки христиан, оплакивающих усопшую, – все это наводит на мысль, что христианство достаточно уютно чувствует себя в этот период в Киеве. Внуки Ольги вместе со всеми оплакивают христианку-бабушку. Находясь на ее воспитании, они, может быть, и не были крещены, но, по крайней мере, жили в христианской среде, знакомы были с некоторыми обрядами, могли знать о христианских ценностях и т. д. Другими словами, они знали о христианстве как о религии. Для нас этот тезис будет важен позднее, когда будем говорить о крещении Руси.

Теперь вернемся к разделу земель князем Святославом своим сыновьям. Уж больно это напоминает библейский сюжет о разделе земель между сыновьями Ноя. А тот, в свою очередь, – сказания многих народов о том, как отец делит свое имущество между тремя сыновьями. Младший сын в них всегда в чем-то ущерблен. В русских сказках это Иванушка-дурачок. Ему достается то, от чего отказы-

ваются старшие братья. Но в итоге он оказывается и умнее своих братьев, и проворнее, и становится победителем. Библейский герой Иафет тоже младший среди своих братьев, и от него, судя по Ветхому Завету, произошли европейские народы, в том числе и Русь, за которыми, судя по контексту, будущее.

Начнем с сыновей Святослава. По летописи их у князя трое. Можно ли доверять этому известию? Ведь по византийским хроникам XI–XII веков фиксируется еще один брат Владимира – Сфенг [Левченко, с. 384]. Либо Летописец не знает об этом факте, либо сознательно искажает, подгоняя под общее число «3», столь популярное в эпосе. В русских сказках обязательно присутствуют три сына. Владимир в летописи и младший сын, и третий по счету, да к тому же еще «робичич». Ясно, что Летописец «подгоняет» основные события и действующих лиц под эпосный сценарий.

Летописи не фиксируют годы рождения сыновей Святослава. Не знают они имени или имен матерей Ярополка и Олега. Святослав в летописи – ярый язычник. Стало быть, по законам того времени он был вправе иметь несколько жен, не считая наложниц (как позднее у Владимира). В Иакимовской летописи женами Святослава указаны Преслава – княжна венгерская, и Малуша – дочь славянина Каплюши Мальца Любчанина [Татищев, т. 1, с. 372]. Остается предположить, что Преслава является матерью Ярополка и Олега, что, впрочем, не обязательно, учитывая будущую войну между братьями. На Малуше, как матери Владимира, концентрирует свое внимание ПВЛ: «В лето 6478 (970) Святослав посади Ярополка в Киеве, а Ольга в деревех (древлян – *В. Е.*). В се же время придоша людье ноугородьстии просяше князя себе: „Аще не поидете к нам, то налезем (найдем – *В. Е.*) князя себе“. И рече к ним Святослав: „А бы пошел кто к вам?“ И отпреса (отказались – *В. Е.*) Ярополк и Олег. И рече Добрыня: „Просите Володимера“. Володимер бо бе от Малуши, ключнице Ользины; сестра же бе Добрынь, отец же бе има Малък Любечанин, и бе Добрына уй (дядя – *В. Е.*) Володимеру. И реша наугородьцы Святославу: „Въдай ны Володимера“. Он же рече им: „Вото вы есть“. И пояша ноугородьцы Володимера к себе, и иде Володимер с Добрынею, уем своимь, Ноугороду» [ПВЛ, т. 1, с. 49–50].

Ну чем не сказочный сюжет о разделе земель между сыновьями! Уходящий с авансены отец делит земли между своими сыновьями. Младшему достается то, от чего отказываются старшие братья. Обращаю внимание читателей на одну деталь. Инициатором получения Новгорода является не Владимир, а его дядя Добрыня. Владимир лишь послушно выполняет все, что определяют старшие. Он неинициативен, в этом сюжете он выступает лишь неким фоном.

Отмечу важную деталь: Летописец ничего не говорит о матерях двух братьев, но почему-то считает нужным дать разъяснения по поводу матери Владимира. Именно из ПВЛ мы черпаем информацию, что Малуша – дочь Малка Любечанина, что у нее есть брат Добрыня, и что она – ключница Ольги, другими словами – рабыня. Дополнительная информация содержится в Никоновской летописи. Здесь Малуша названа Малкой. Владимир рождается в Будятине селе, куда разгневанная Ольга (за что?) ссылает беременную сноху-ключницу [ПСРЛ, т. 9, с. 35]. Летописцы не случайно делают упор на то, что Малуша – ключница, стало быть рабыня, а ее сын Владимир «робичич» – раб. Однако ярче на этот факт указывает летописный рассказ под 979 годом. На нем мы более подробно еще остановимся. Здесь только отмечу, что Владимир сватается к полоцкой княжне Рогнеде, и та гневно отвергает его притязания словами: «Не хочу розути робичича» (раба – В. Е.). Значит, действительно социальный статус матери Владимира был очень низким. Уж не за связь ли с рабыней Святослава разгневалась Ольга?

Брат Малуши – Добрыня – герой былинного эпоса, в преданиях тоже упоминается как человек низкого происхождения:

«Да три года жил Добрынюшка да конюхом,
Да три года жил Добрынюшка придверничком,
Да три года жил Добрынюшка да ключником,
Ключником Добрынюшка да замочником;
Золотой де казны да жил учетчиком...» [Рыбаков, 1963, с. 63].

Стало быть, рабом был их отец – Мал, рабами оказались и его дети. И здесь сразу же напрашивается вопрос: уж не тот ли Мал, князь земли Древлянской, сватавшийся к Ольге? Из ПВЛ известно, что Ольга

жесточайшим образом расправилась со всей верхушкой древлянского общества. И в то же время в ней ни слова не сказано о том, как был наказан «незадачливый жених». А уж на этом Летописец должен был сконцентрировать свое внимание!

В 1864 году Д. Прозоровским была высказана мысль, что отец Малуши и Добрыни Малк – одно лицо с древлянским князем Малом, которого Ольга взяла в плен и поселила в Любече. Эту же мысль в целом поддержал и развил А. А. Шахматов. Правда, он считал, что Мал лишь входил в коалицию древлянских князей и правил согласно легенде в г. Кольчеськ и звался Малком Кольчанином. Составитель ПВЛ переосмыслил это имя на Малка Любчанина [Шахматов, 2001, с. 267–268]. По законам того времени победитель получал все, чем владел побежденный. Вспомним, как говорили древляне после того, как расправились с Игорем: «Се князя убихом рускаго, поимем жену его Вольгу за князь свой Мал и Святослава, и створим ему, яко же хоцем» [ПВЛ, т. 1, с. 40]. Можно еще вспомнить легендарную битву князя Мстислава с Редедю: «Да аще одолееш ты, то возмеш именье мое, и жену мою, и дети мое, и землю мою» [ПВЛ, т. 1., с. 99]. Вот и Ольга, наказав древлян, завладела не только их землей, но и всем имуществом, в том числе и детьми.

Мы склоняемся к мысли, что князь Мал был все же казнен. А вот его дети оказались в роли «робичичей». Но это были не просто рабы-военнопленные. Это были рабы княжеского происхождения, с особым статусом. Правда, Добрыня начинал свой путь с конюха, но зато затем благодаря своему уму, смекалке стал хранителем княжеской казны и воспитателем сына Святослава. А Малуша оказалась женой Святослава. С моей точки зрения, это был своеобразный династический брак, он же дипломатический, что являлось обычной практикой раннего средневековья. Победитель становился, таким образом, правопреемником захваченного княжества. Святославу, а стало быть, и Киеву, теперь принадлежали права на древлянскую землю. В исторической науке утвердилась точка зрения, основанная на тексте Никоновской летописи о том, что Ольга разгневалась на Малушу за ее связь со Святославом. Мне кажется, здесь все поставлено «с ног на голову»:

если Малуша была рабыней, наложницей сына Ольги, то в чем ее вина, если ею овладел князь и от него она зачала ребенка?! А разгневаться и изгнать Ольга могла и наложницу, и законную жену.

Думаю, что здесь все значительно сложнее. Летописец начинает писать образ князя Владимира как язычника, в котором со временем воплотились все грехи человеческие. И первый из них читается изначально: Владимир – не только младший сын, он сын рабыни, рожденный в грехе, за этот грех отчужден, изгнан. Он – бастард, незаконно рожденный ребенок, стало быть, не имеющий права на наследство. Вот какой неприглядный изначально образ летописного Владимира!

Но попробуем взглянуть на летописный рассказ о разделе Святославом своего княжества между сыновьями с другой стороны. Оставим в стороне былинный сюжет о разделе уходящим из жизни отцом своего наследства. Претензии Ярополка на Киев, как старшего среди братьев, вполне обоснованы. Они и были реализованы Святославом. Остаются сложными для выяснения два вопроса. Первый: почему Новгород, один из главных центров формирующегося государства, оказался никому не нужным? И почему именно древлянская земля, а не, к примеру, земля кривичей, радимичей либо северян подверглась распределению? И почему изначально, без всяких вариантов, она предназначалась именно Олегу? Вопросов больше, чем ответов. Уж очень многое недоговаривает ПВЛ. А может быть, не хочет излагать так, как было с исторической действительности, а создает собственную версию, исходя из задач повествования?! Попытаемся разобраться.

Владимир-«робичич», но он не просто сын рабыни, он потомок со стороны матери правящей династии древлянской земли. Ольга в результате мести уничтожила весь цвет, всю верхушку древлянского общества, которую составляли «лучшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю» [ПВЛ, т. 1, с. 41] и силой подчинила эту землю Киеву. Логичнее было бы предположить, что Владимиру должна достаться древлянская земля – в нем кровь двух правящих династий Киева и Искоростеня. Но вот в этом-то как раз и заключалось опасение правящей верхушки Киева. Они опасались, что, назначив Владимира как

наследника двух престолов, древляне возрастят себе собственного князя и отложатся от Киева. Как позднее и произошло с сыном Владимира Ярославом и Новгородом. И чтобы избежать этого, древлянская земля была перераспределена «нейтральному» сыну Олегу. А вся история с обращением новгородцев в Святославу с просьбой дать им собственного князя – не более чем более поздняя выдумка Летописца, и сюжет ее был взят, очевидно, из былин о Добрыне. Вот почему в летописном рассказе о получении новгородцами своего князя главным героем выступает Добрыня, а не князь. И дело не только в малолетстве Владимира: Добрыня, один из главных героев русских былин, будет и дальше действовать, заслоняя Владимира, принимая за него решения. Летописцу это важно, чтобы еще раз подчеркнуть изначальную малозначимость Владимира. Он «робичич», получает в правление землю, от которой отказываются его братья. У него практически нет перспектив. И тем не менее начинается восхождение князя. Но каков долгий и тернистый этот путь, как много пришлось преодолеть Владимиру! И прежде всего, как трудно было порвать со своим языческим прошлым!

«В лето 6481 (973) года Нача княжити Ярополк» [ПВЛ, т. 1, с. 53]. Вот и все, что говорит летопись о начале княжения старшего сына Святослава. У В. Н. Татищева есть немного более пространное повествование о начале княжения Ярополка: «По смерти Святослава остался Ярополк в Киеве, а братья его по уделам, и была между ними любовь и тишина во всей Руси» [Татищев, т. 2, с. 53]. Казалось бы, ничего не предвещало беды. Святослав в это время находится в Болгарии. Братья начинают вживаться в новый образ князя-правителя выделенных им земель. И вдруг история делает крутой вираж, и в систему взаимоотношений княжичей врываются новые явления, связанные с братоубийственной войной сначала между Ярополком и Олегом, а затем Ярополком и Владимиром. А началось все с событий в Болгарии.

После поражения под Доростолом в лагере Святослава вспыхнул острый конфликт. Князь в гневе всю вину за разгром своего войска возложил на его христианскую часть. До этого в источниках нет ни слова ни о наличии в войске христианских воинов, ни о взаимоотно-

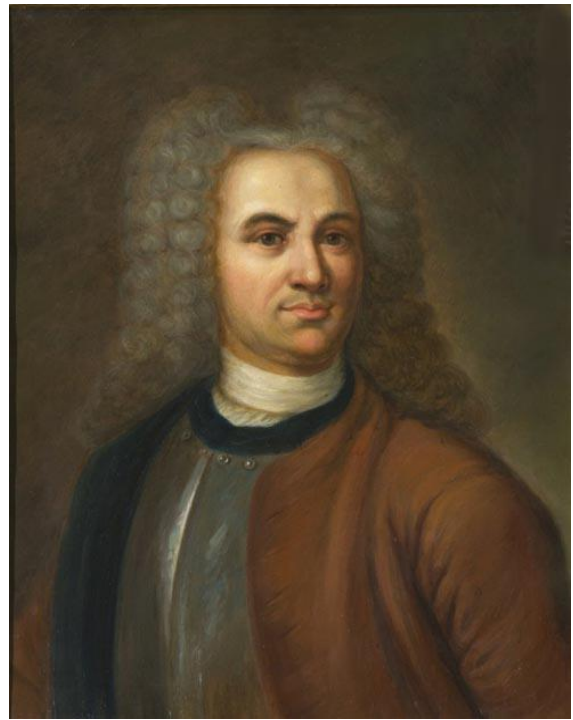

Великий князь Ярополк. Худ. В. Л. Верещагин

шениях их с языческой частью. Очевидно, до поры до времени идеологические различия уживались друг с другом. И вот такой момент настал. В Иакимовской летописи читаем: «Тогда диавол возмьте сердца вельмож нечестивых, начаша клеветати на христианы, сусчия в воинстве, якобы сие падение вой приключилось от прогневания лжебогов их христианами» [Татищев, т. 1, с. 111].

В. Н. Татищев говорит и о наличии у Святослава брата Глеба христианина – факт нигде более в источниках не встречаемый. «Он же толико разсвирепе, яко и единого брата своего Глеба не посчаде, но разными муки томя убиваше» [там же]. ПВЛ об этом событии молчит. В ней лишь есть упоминание о том, что после заключения мира с греками Святослав покидает Болгарию: «поиде в лодьях к порогом. И рече ему воевода отень (отца – В. Е.) Свеналд: „Поиди княже, на коних около, стоять бо печенези в порозех“. И не послуша его и поиде в лодьях» [ПВЛ, т. 1, с. 52]. Почему Святослав не послушался своего воеводу и разделил свое и так немногочисленное войско?

Объяснение, мне кажется, лишь одно. Следуя логике повествования В. Н. Татищева, можно предположить, что после убийства Святославом своего брата Глеба в войске произошел раскол. Часть его воинов-христиан, тяготеющих к христианству, во главе со Свенальдом покинули лагерь и бежали в Киев. Очевидно, они же принесли в Киев известие, что Святослав в отместку приказал в городе «храмы христиан разорите и сожесчи и сам вскоре поиде, хотя вся христианы изгубити» [Татищев, т. 1, с. 111].

Портрет В. Н. Татищева

Византийский император разрешил Святославу взять с собой часть воинской добычи – может быть, поэтому он возвращается на родину в ладьях. ПВЛ не обозначает, почему Святослав зимует у порогов, а не идет в Киев вдоль Днепра, хотя бы и зимой. Это бы утяжелило зимний переход, но все равно он реален, как и летний маршрут. Святослав медлит. Он с остатками своего войска зимует у днепровских порогов, переживая большие тяготы «и бе глад велик» [ПВЛ, т. 1, с. 52]. Очевидно, в Киеве Святослава не ждут. Вернее, ждут, но не за тем, чтобы он претворил в жизнь свою месть христианскому населению Киева. Киевляне во главе с Ярополком, после того как воины Свенальда рассказали, что произошло в Болгарии, решили не пускать Святослава в город. И, очевидно, Святославу стало известно об этом. Сил, чтобы штурмом отвоевать у сына свой город, у него не было, возвращаться в Болгарию было равносильно смерти. Примечательно, что печенегов на него натравили переяславцы, очевидно, тоже предупрежденные и боящиеся его языческого гнева.

Святослав оказался в западне у днепровских порогов. Ранней весной, когда воины Святослава страдали от голода, доедая последних коней, печенежский князь Куря напал на лагерь Святослава. В бою был перебит весь отряд Святослава, самого его печенеги убили

*Святослав Игоревич на памятнике
«Тысячелетие России»
в Великом Новгороде*

и в честь глубокого уважения к погибшему герою «взяша главу его, и во лбе его съделаша чашю, оковавше лоб его и пяху из него» [ПВЛ, т. 1, с. 53]. В данном случае летопись отражает языческий обычай многих народов. Поедая убитого врага-героя, победители приобретали его силу, доблесть, энергию. Так и пенежский князь Куря, убив Святослава, приобщился к его военным успехам. Правда, удалось ли потом победителю реализовать на деле все качества, полученные от Святослава, мы не знаем. Зададим еще один себе вопрос. А откуда мы узнали о случившемся? Была ли смерть Святослава именно таковой, как описывает ее ПВЛ. Приходится засомневаться в реальности, ведь описание гибели Святослава чуть ли не дословно повторяет текст из византийской «Хроники Георгия Амортола», в котором говорится, что «26 июня 811 года болгарский хан Крум, победив византийского императора Никифора I, отрубил

ему голову, насадил ее на копье, а затем приказал оковать его череп в серебро и в дни больших торжеств пил из этой чаши здравицу за своих славянских бояр» [Данилевский, 2004, с. 125]. Тут может быть два объяснения: либо изготовление чаши из черепа убитого героя было так распространено (хотя других примеров вроде нет), либо русский Летописец подгоняет события русской истории, детали которых он не знает, под общепринятые образцы. Таковым для него является «Хроника Амартола». Я думаю, что в ПВЛ срабатывает второй

вариант. Этим эпизодом Летописец завершает создание героического образа князя Святослава, князя-рыцаря, князя-воителя. Героя языческой Руси.

С моей точки зрения видится несколько иной образ князя Святослава. Мне он представляется князем-изгоем, потерявшим все: военную добычу, собственную державу, Болгарию, Переславль, который он хотел видеть центром своей земли. Как он пришел к такому трагическому концу? Мне кажется, главная беда Святослава заключается в том, что он не смог в себе переломить языческое начало, предать веру отцов и дедов. Он не смог понять изменившейся ситуации в обществе, не смог приспособиться к новым условиям. Прими он христианскую веру, и приняли бы его болгары, и стал бы он властителем громадной империи, соперничавшей с Византией. Но он этого не сделал. Так и погиб языческий герой, оставшийся в наших умах как удивительный полководец, восславивший силу русского оружия, силу духа и отваги. Его эпическое «да не посрамям земле Русские, но ляжем костьми, мертвые бо срама не имам» [ПВЛ, т. 1, с. 50] через века перекликается со словами политрука Клочкова, произнесенные в 1941 году: «Велика Россия, а отступить некуда, за нами Москва»...

В Киеве с радостью встретили известие о смерти Святослава. Свенальд, очевидно, оставаясь язычником, смог быстро войти в доверие к новому киевскому князю Ярополку и опять оказался на первых ролях. В Киеве восторжествовала христианская часть общества. Сложно сейчас судить, как сильно в это время новая религия пустила корни в русскую землю. Известия о времени княжения Ярополка очень фрагментарны. Чувствуется, что редакторская рука Летописца вычистила из текста многое, что связано с Ярополком, временем его правления. Исследователю приходится по крупицам, используя сведения других источников, восстанавливать время Ярополка и прежде всего его христианскую деятельность. А был ли он крещен и способствовал ли распространению христианского учения? Об этом Повесть Временных Лет молчит.

Прежде всего обращаем внимание, что Ярополк воспитывался вместе со своими братьями бабушкой-христианкой. Ольга, конечно же, пыталась привить своим внукам христианское учение. Почему же

они не были крещены? Наверное, сказалося то, что их отец Святослав, ярый язычник, не желал этого. А может быть, старший внук Ольги и наследник был крещен? Ведь есть же сообщение у В. Н. Татищева, что «Ярополк же бе муж кроткий и милостивый ко всем, любляше христианы и асче сам не креститься народа ради, но никому же претяше» [Татищев, т. 1, с. 111]. Здесь стоит выделить слова Иакимовской летописи о том, что сам Ярополк не крестился «народа ради», так как основная часть населения оставалась языческой. И в то же время христианская община в Киеве оказалась в привилегированном положении, что естественно вызывало недовольство у языческой части города. Ярополк вынужден был лавировать: «нелюбим есть у людей, зане христианом даде волю велику» [Татищев, т. 1, с. 112].

И все же смею утверждать, что Ярополк был крещен и проводил прохристианскую политику. Помимо сообщений Иакимовской летописи стоит упомянуть еще следующие факты. А. В. Назаренко обратил внимание на то, что в «Памяти и Похвале» Иакова Мниха содержится дата смерти Ярополка – 11 июня 978 года, приуроченная к воскресенью Владимира. «И седе в Киеве князь Володимер ... месяца июня в 11, в лето 6486 (978). Крести же ся князи Володимер в десятое лето по убьении брата своего Ярополка» [Назаренко, с. 378]. Такая точная дата могла быть взята только из церковных записей. Смерть язычника, пусть даже и князя, навряд ли могла быть зафиксирована. Стоит еще отметить сообщение ПВЛ от 1044 года, когда князь Ярослав приказал откопать захороненных Ярополка и Олега и крестил их останки: «Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица» [ПВЛ, т. 1, с. 104]. Факт сам по себе беспрецедентный. Но давайте задумаемся: если люди Ярослава обнаружили останки захороненных князей, значит, они не были сожжены по языческому обряду, а были захоронены как христиане. Значит, Ярослав помнил о христианском начале своих дядей, современники знали месторасположения их погребений и вторично воздали почести, похоронив их уже во храме. Этот эпизод имеет аналогии в библейском мире, когда Христос крестил умерших Адама и Еву, тем самым вызволил их из ада.

О Ярополке-христианине говорят еще два факта. Один изложен в ПВЛ под 980 годом. В нем говорится о том, что после того, как Владимир захватил Киев, он взял себе в жены Ярополкову жену, гречанку, да к тому же еще бывшую монашку [ПВЛ, т. 1, с. 56]. Иоакимовская летопись добавляет, что «по убиении Ярополка взял Владимир к себе жену Ярополкову грекиню, бывшую прежде черницею, которую Святослав, в пленя и для красоты лица ея, дал Ярополку в жену» [Татищев, т. 2, с. 56]. Это сообщение можно трактовать двояко. С одной стороны, как попытку Святослава унижить христианскую веру. Захватив монахиню, давшую, возможно, обет безбрачия, он символически отдает ее сыну, чтобы показать, что христианский бог не так уж могуществен. С другой стороны, христианину-Ярополку брак с греческой христианкой был очень выгоден, так как приобщал славянского правителя к христианским ценностям. Как бы то ни было, эпизод с женитьбой Ярополка на плененной гречанке позволяет зафиксировать еще один штрих к портрету князя-христианина.

И еще более убедительным является сообщение «Генеалогии Вельфов», в котором приводится экскурс о семействе графа «Куно из Энингена» [Древняя Русь..., с. 309-311]. По этому источнику женой самого графа была дочь императора Оттона Великого. У самого графа было четверо дочерей, одна из которых была выдана за «короля Руси». По мнению А. В. Назаренко, «королем Руси» мог быть Ярополк Святославич, и его брак с внучкой знаменитого германского императора приходится на 70–80-е годы X века [там же, с. 310]. Поставим вопрос: мог ли величественный христианский император отдать внучку в жены князю-язычнику? Ответ, конечно, однозначный. Брак мог совершаться лишь с правителем, равнозначным по религиозным воззрениям. Но тогда возникает вопрос: а куда девалась жена Ярополка – гречанка, бывшая монахиня? Ответ может быть лишь на стадии предположения: либо она к этому времени умерла, либо была отстранена в силу каких-то обстоятельств. Но не исключен вариант наличия у раннехристианских правителей нескольких жен [Никитин, с. ...240].

Я подвожу к пониманию того, что в Киеве при Ярополке христианская религия медленно, но верно внедрялась в жизнь.

По иному складывалась ситуация в Новгороде. У Владимира, может быть, и сохранилась от бабушки тяга, привязанность к христианству, но быстро выветрилась в большой языческой, многоэтичной среде Новгорода. Можно сказать, новгородцы сами воспитали себе князя, князя-язычника. О времени его правления в Новгороде мы ничего не знаем – летописи об этом молчат. Вновь Владимир появляется на исторической арене в связи с начавшейся братоусобной войной.

Понять мотивы вражды Ярополка с Олегом, а затем и Владимиром необычайно сложно. ПВЛ под 975 годом дает такое объяснение: «В лето 6483. Лов деюще Свеналдичю, именем Лют; ишед бо ис Киева гна по звери в лесе. И узре и Олег, и рече: „Кто се есть? И реша ему: „Свеналдичь”. И захав уби и, бе бо ловы дея Олег. И о том бысть межю ими ненависть, Ярополку на Олега, и молвяше всегда Ярополку Свеналд: „Поиди на брат свой и прими волость его”, хотя отомстити сыну своему» [ПВЛ, т. 1, с. 53]. Летописец причину начавшейся войны объясняет нарушением сыном Свенальда Лютом границ охотничьих угодий. И все же возникают многие сомнения. Прежде всего удивительно, что Олег не признал сына могущественного Свенальда. И почему убийство Люта вызывает ненависть между Ярополком и Олегом? И здесь летописец на первый план выдвигает Свенальда. Он инициатор войны. Мстя за сына, он приводит к широкомасштабной, братоубийственной войне. По летописи война началась через год. Это не очень-то логично. По идее, военные действия должны были начаться сразу же, пока не прошла острая боль по погибшему сыну, пока еще не начала забываться обида за нарушенные княжеские права. И все же: «В лето 6485 (977 г.) Поиде Ярополк на Олга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олег, и ополчистася. Ратившемися полками, победи Ярополк Ольга. Побегъшу же Ольгу с вои своими в град, рекомый Вручий, бяше черес гроблю мост ко вратом градным, теснячеся друг друга пихаху в гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху людѣи мнози, и удавиша кони человеци. И въшед Ярополк в град Ольгов, перея власть его, и посла искать брата своего; и искавъше его не обретоша. И рече един деревлянин: „Аз видех, яко вчера спехнуша с мосту”. И посла Ярополк искать брата, и вла-

Убийство Ярополка. Худ. Б. А. Чориков

чиша трупье из гробли от утра и до полудне, и налезоша и Ольга высподи трупья, вынесоша и положиша и на ковер. И приде Ярополк, над нем плакася, и рече Свеналду: „Вижь, сего ты еси хотел”» [ПВЛ, т. 1, с. 53]. Необычайно целостный и ярко художественно оформленный отрывок ПВЛ. Летописец не просто описал произошедшие события, которые случились за сотню лет до него и если и были где зафиксированы детали случившегося, то они сохранились очень фрагментарно и туманно. Он изложил собственное понимание того, что и как произошло. Отсюда и плачь Ярополка по убитому брату, и гневный упрек инициатору бойни Свенальду. Летописец выгораживает Ярополка, стараясь возложить всю ответственность на княжеского воеводу. И за всем этим звучит нравоучительная нота о тяготах и последствиях братоубийственной войны. Тема – одна из главных в «Повести», которая пройдет красной строкой через все произведения как назидание князьям живущим и будущим.

А что же Владимир? Летописец вновь добавляет черный штрих в его образ. Узнав о случившемся, он испугался и в страхе бежал из Новгорода: «убоявся бежа за море» [ПВЛ, т. 1, с. 54]. Летопись не сообщает о военных действиях Ярополка против Владимира. Узнав о бегстве брата, киевский князь просто направляет в Новгород своих посадников, и, казалось, распря завершена. Ярополк становится единодержавцем «и бе володея един на Руси» [ПВЛ, т. 1, с. 54].

Но не тут то было. Три года (по летописи) о Владимире на Руси не было ничего слышно. И вот: «В лето 6488 (980 г.) Приде Володимер с варяги Ноугороду и рече посадником Ярополчим: Идите к брату моему и рцете ему: Володимер ти идетъ на тя, пристраивайся противу битися. И седе в Новегороде» [там же]. Летописец практически повторяет слова, якобы произносимые отцом Владимира Святославом. Идя в очередной поход, он предупреждал противника: «Иду на вы». Вот и Владимир бросает гордый вызов своему брату. Теперь уже он инициатор войны. Месть за брата уходит на второй план, теперь уже главное – борьба за господство на Руси.

В тексте ПВЛ от «седе в Новгороде» до «поиде на Ярополка» [ПВЛ, т. 1, с. 54] читается явная вставка, разрывающая целостное повествование о вражде братьев. В ней неожиданно речь идет о сватовстве Владимира к полоцкой княгине Рогнеде. Предоставим слово Летописцу: «И посла ко Рогъволоду Полотъску, глагола: „Хочю пояти дщерь твою собе в жене“. Он же рече дщери своей: „Хочеши ли за Володимера?“ Она же рече: „Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю“. Бе бо Рогъволод пришел и-за морья, имяше власть свою в Полотъске, а туры Турове, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и поведаша ему всю речь Рогънедину, дщери Рогъволоже, князя полотъского. Володимер же собра вои многи варяги и словени, чудь и кривичи, и поиде на Рогъволда. В се же время хотячу Рогънедь вести за Ярополка. И приде Володимер на Полотеск и уби Рогъволодь и сына его два и дъчерь его поя жене» [ПВЛ, т. 1, с. 54]. Рассказ Летописца еще раз теряет логику повествования, разрываясь пояснением о самом Рогволде и Туры. Судя по тексту, они иноземцы, пришедшие «из-за моря» и владеющие один полоцкой зем-

*Сваты Владимира Святославича у Рогволода.
Миниатюра Радзивиловской летописи. XV век*

лей, другой – туровской. Это дает основания видеть в них варягов-скандинавов. В то же время имя Рогволод означает «владеть рогом», «обладать властью» и Рогнеда – «рожденная для власти», что явно обозначает их местное происхождение. На славянские корни указывает и свадебный обычай разувания жениха как знак покорности невесты, неизвестный в скандинавских кругах. Для нашей работы не столь важно, каковы скандинавские или славянские корни Рогнеды. Для нас важно, что Рогволд и его Полоцкая земля были реальной силой, с которой считались и Владимир и Ярополк. Судя по тексту, Рогнеде поступило предложение о браке и от Ярополка. Значит, братья искали не только семейного счастья, но и военно-династического союза, как это было распространено в средневековье. Предпочтение было явно в пользу киевского князя. Стало быть, захват Полоцка должен укладываться в рамки разгоревшейся братоубийственной войны. Оставлять в тылу союзника твоего противника – явное нарушение всех стратегических норм ведения войны. Можно заключить, что поход на Полоцк нельзя считать причиной отказа невесты.

Сватовство и захват в жены Рогнеды описаны у летописца в лучших традициях эпоса. По законам сказочного развития жених должен силой «поять» себе жену. Но этому, как правило, предшествует сватов-

*Покушение Рогнеды на Владимира.
Миниатюра Радзивилловской летописи. XV век*

ство, отвергаемое невестой. Начинается борьба за невесту, в ходе которой должен присутствовать еще один претендент (в ПВЛ это Ярополк). По законам эпоса сказочный герой силой захватывает себе невесту и убивает ее отца и братьев. То же и в ПВЛ. В Лаврентьевской летописи под 1128 годом этот эпизод описан еще ярче и злее: «и Добрыня ... повеле Володимеру быти с нею перед отцем ея и матерью. Потом отца ея уби, а саму поя жене...» [ПСРЛ, т. 1, стб. 300]. Другими словами, Добрыня приказал Владимиру изнасиловать Рогнеду на глазах ее родителей, а потом предать смерти ее отца. И финалом сказанного повествования является захват власти «царства» (в ПВЛ захват Полоцка и затем Киева). Летописный рассказ о поездке дяди Владимира Добрыни за Рогнедой находит аналогии в былине о «Дунае-Свате». И трудно сейчас судить, что в нем истина, но одно ясно, что сказочный сюжет здесь явно превалирует. Рогнеда представлена как военный трофей, захваченный силой. В Лаврентьевской летописи есть продолжение этой трагической истории: «и нарекоша ей имя Горислава» [там же].

От Рогнеды у Владимира рождается сын Изяслав. Затем, когда у Владимира появляются еще жены, Рогнеда становится нелюбимой и начинает мстить мужу. Однажды, когда князь, придя к ней, заснул, она попыталась его зарезать. Но Владимир проснулся и успел перехва-

*Покушение Рогнеды на Владимира.
Гравюра Б. А. Чорикова*

*«Владимир и Рогнеда. Худ. Лосенко А. П.
1770 г.*

тить ее руку с ножом. Здесь Рогнеда вспомнила ему все: и захват Полоцка, и убийство отца, но главное «и се ныне не любиши мене и с младенцем сим» [там же]. Разгневанный Владимир приказал жене надеть царские одежды и готовиться к смерти. Рогнеда все исполнила, но подговорила своего сына Изяслава встать с мечом на защиту матери. Это ввергло Владимира в шок, и он не смог казнить свою жену. Но в наказание он изгнал Рогнеду со своим первенцем из Киева и поселил их в полоцкой земле, в городе, получившем название Изяславль. И очень многозначительным является финал этого повествования: «и оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославли внуков» [ПСРЛ, т. 1, стб. 301]. Статья 1128 года Лаврентьевской летописи пытается найти причину вражды потомков Ярослава и Изяслава. Судя по ПВЛ, у Рогнеды после Изяслава родилось еще три сына: Мстислав, Ярослав и Всеволод [ПВЛ, т. 1, с. 56]. В разгоревшейся междоусобной войне, разыгравшейся после смерти Владимира, победу одержал Ярослав. Он стал «самовластьцем Русьстей земли» [ПВЛ, т. 1, с. 101]. Ему не удалось покорить Полоцкую землю, где сложилась своя линия наследства князей: Изяслав, Брячислав, Всеслав. Они не подчинялись Киеву и вели

*Владимир хочет покарать Рогнеду, но на ее защиту встает Изяслав.
Миниатюра Радзивиловской летописи. XV век*

свое происхождение даже не от Владимира, а от Рогнеды и Рогволода, «роговоложи внуци».

ПВЛ не датирует женитьбу Владимира на Рогнеде, помещая это событие под условным 980 годом. В. Н. Татищев называет 975 год: «Сего же году (по счислению) женился князь Владимир новгородский на Рогнеде, княжне полоцкой, о котором Нестор в 980-м по причине войны его с Ярополком написал» [Татищев, т. 2, с. 53]. Правда ниже, под 980 годом, он помещает рассказ, синхронный с ПВЛ. Но при этом историк в ссылке к статье отмечает, что более верным должен был быть 975 год: «Ярослав от сея Рогнеды третий сын в 1016 году был 38, при кончине его в 1054 году 76 лет стар был. И потому Ярослав родился 978, а Вышеслав, первый сын его по малой мере 976. Брак же Владимиров 975 или 976, с которого может и злоба с Ярополком произошла, а не убийство Ольгово, которому Ярополк не был виновен» [Татищев, т. 2, с. 226].

Летописец явно не жалеет черных красок, описывая Владимира язычника. Он жестоко мстит Рогнеде за ее отказ выйти за него замуж. Более того, он насилует полоцкую княжну на глазах ее родителей, затем убивает ее отца и двух братьев и силой заставляет стать его женой. Страшный образ будущего правителя рисует Летописец!

Война Владимира с Ярополком помещена в ПВЛ под 980 годом. Я сознательно привел рассуждения В. Н. Татищева о времени женитьбы Владимира на Рогнеде, чтобы показать всю условность хронологии летописи. Создается впечатление, что Летописец просто «разбрасывает» события по годам, подгоняя их друг под друга. Для него не столь важна последовательность событий, сколько попытка переосмыслить на свой лад все произошедшее.

Итак, Владимир с многочисленным войском осаждает Киев, «и не може Ярополк стати противу и затворися в Киеве с людьми своими и с Блудом» [ПВЛ, т. 1, с. 54]. Обращаем внимание, что здесь на передний план повествования выходит Блуд – воевода Ярополка. Его роль примерно такая же, как и Свенальда. Владимир, не сумев взять город штурмом, решается на подлость. Ему удается подкупить Блуда, склонить его на свою сторону и ценой предательства устранить Ярополка. И дальше уже Блуд – главное действующее лицо. Ярополк же, напротив, становится малоинициативным, послушным лживым словам и действиям предателя. Летописец вкладывает в уста Владимира явно те слова, которые хотел слышать сам: «Аще убью брата своего, имети ты хочю во отца место, и многу честь возьмешь от мене: не яз бо почал братью бити, но он» [там же]. Летописец пытается выгородить князя, перекидывая всю вину за братоубийство на воеводу.

Блуду удастся убедить князя покинуть верный ему Киев и бежать в город-крепость Родню, в устье реки Рось. Вообще-то это странно: если (судя по ПВЛ) киевляне верны Ярополку, возможностей оборонить Киев, победить противника значительно больше, чем в маленьком городе, где и гарнизон-то малочислен и укрепления слабее. Не случайно, когда Ярополк бежит в Родню, Владимир осаждает этот город «и бе глад велик в нем, и есть притча и до сего дне: беда аки в Родне» [ПВЛ, т. 1, с. 55]. Очевидно, причины, заставившие князя Ярополка покинуть Киев, совершенно другие и более весомые. Летописец не помнит о них либо не хочет придавать им огласку. Мне видится, что главной причиной, побудившей князя бросить Киев, было недовольство частью киевлян его прохристианской политикой. Вспомним слова Иакимовской летописи: «Ярополк не любим есть у людей, зане

христианом даде волю велику» [Татищев, т. 1, с. 112]. Вот эта языческая часть Киева и выгоняет из города своего князя. В городе произошел своеобразный переворот, и Владимир-язычник вступил на киевский престол.

Но этим сделано всего лишь полдела. Взойдя в Киев, Владимир не обезопасил бы себя, не обезвредив своего брата. И здесь снова в ПВЛ главная роль отводится Блуду. Он уговаривает Ярополка подчиниться воле Владимира, обещая ему жизнь и милость нового киевского князя. А сам в это время шлет Владимиру послания: «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тебе Ярополка, и пристрой убити и» [там же]. Стало быть, не только устранения от киевского престола желали заговорщики, но и физического устранения Ярополка. И они добиваются этого. Поверив Блуду, Ярополк решается вступить с Владимиром в переговоры, надеясь на его милость: «что ми не вдаси, то яз приму» [там же]. Некто Варяжка, очевидно, один из воинов, оставшихся верным князю, пытается отговорить Ярополка. «И не послуша его», князь отказывается бежать к печенегам, как советует Варяжка, и с ними начать новый этап борьбы с Владимиром. Как это созвучно с последующими событиями борьбы Ярослава со Святополком! И Ярополк, Борис и Глеб отказываются вести борьбу со своими братьями и в итоге погибают. Братья станут первыми русскими князьями-святými, страстотерпцами, а деяния Ярополка канут в Лету, забудутся и Летописец вычеркнет их из своего повествования.

Преступление совершилось. Не успел Ярополк открыть двери в хоромы, где находился Владимир, как два варяга пронзили его мечами. Блуд же заблаговременно захлопнул двери, чтобы не успели войти люди Ярополка. Очевидно, и они были перебиты.

Владимир становится братоубийцей. Летописец добавляет еще один штрих и в без того уже неприглядный языческий портрет князя. Но и этого ему мало. В рассказ о гибели Ярополка он вставляет сюжет о захвате Владимиром жены убитого: «Володимер же залеже жену братьню грекиню, и бе непраздна (беременна), от нея же родися Святополк» [ПВЛ, т. 1, с. 55-56]. Это тем более удивительно, что несколькими страницами ранее Летописец уже говорит о Ярополковой жене: «У Ярополка же жена грекиня бе, и бяше была черницею; бе бо привел

ю отец его Святослав, и вдаю за Ярополка, красоты ради лица ея» [ПВЛ, т. 1, с. 53].

Вот это дублирование вызывает массу вопросов. Для чего Летописцу понадобилось дважды упоминать об одном и том же сюжете? Возможно, это получилось чисто машинально, а может быть, для того, чтобы усилить еще одну линию греховности – Святополка Окаянного [ПВЛ, т. 1, с. 55-56].

Владимир берет в жены жену побежденного и убитого брата, да к тому же уже беременную будущим Святополком. С одной стороны, Владимир по-язычески поступает правильно: еще раз отметим, что по законам тогдашнего времени победитель получает все: и наследство побежденного, и его жен, детей. Вот и Владимир-победитель получает все ярополково наследство, в том числе и жену, и еще не родившегося ребенка. Но если смотреть на этот сюжет по-христиански, то Владимир – грешник, разрушающий нормы христианской морали. На это и указывает дальнейший текст: «От греховнаго бо корени зол плод бывает. Поне же бе была мати его черницею, и второе, Володимер залеже ю не по браку, прелюбодейчичь бысть убо. Темь и отец его не любяше, бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера» [ПВЛ, т. 1, с. 56]. Летописец прямо делает упор на греховность Владимира. Но в этом сюжете на первый план выходит и греховность сына «грекени» – Святополка. Он сын двух отцов, и грехи Владимира перекадываются и на него. Вот как закручен сюжет! Говоря о низких нравственных качествах Владимира-язычника, Летописец подготавливает читателя к пониманию и будущей оценки Святополка, Святополка-Окаянного.

Итак, через клятвопреступление, через братоубийство Владимир становится киевским князем. Но и это еще не все. Летописец явно добавляет черных красок, описывая его начальные действия на киевском столе. Прежде всего, он вероломно изгоняет из города варягов, благодаря которым он победил в этой войне. Варяжские воины считают Киев своей добычей «се град наш» [ПВЛ, т. 1, с. 56] и требуют выкуп по 2 гривны с человека. Владимир медлит, то ли собирая дань, то ли набирая верных себе людей, готовых дать отпор наемникам-захватчикам. Наконец, терпение варягов лопнуло, они поняли, что князь

их попросту обманул. Очевидно, к этому времени Владимир собрал вокруг себя достаточное количество верных ему людей. И варяги, судя по ПВЛ, запросились в Константинополь, надеясь в византийской столице найти более теплый прием. Но их опередил Владимир: он спешно посылает гонцов к императору, предупреждая его о приближении варягов. Более того, просил Владимир Василия II расселить варягов по разным местам и ни в коем случае не отправлять их обратно в Киев: «Се идути к тебе варязи, не мози их держати в граде, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разнo, а семо не пушай ни единого» [ПВЛ, т. 1, с. 56]. К эпизоду о присылке в Константинополь варяжского войска мы еще вернемся. Здесь важно отметить, что Летописец основной упор делает на вероломный способ избавления от военной силы, которая позволила Владимиру захватить Киев. Еще один штрих к портрету князя-язычника: вероломство и обман – главные его союзники.

Освободившись от варягов, Владимир приступил к так называемой «языческой реформе»: «И нача княжити Володимир в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хърса, Дажьбога и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху им, наричающе я боги, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бесом и оскверняху землю требы своими» [ПВЛ,

Пантеон Владимира в представлении древнерусского книжника

т. 1, с. 56]. Восприятие этой «языческой реформы» в исторической литературе чаще всего трактуется как попытка князя Владимира реформировать языческую веру, создать общерусский языческий пантеон, приспособить ее под изменившиеся условия. Мне же эти события видятся как языческий переворот в Киеве, истребление христианского мира, поддерживавшего Ярополка. Вот почему, судя по тексту летописей, Владимир безболезненно захватывает Киев, при этом его поддерживает большая часть киевлян-язычников.

Языческая вера вновь восторжествовала в Киеве. И как в подтверждение этого Летописец вводит в текст еще один сюжет о гибели отца и сына – варягов-христиан. Рассказ достаточно целостен и самостоятелен и чувствуется его явная вставка в существовавший текст.

После похода на ятвягов Владимир: «иде Киеву и творяше требу кумиром с людьми своими» [ПВЛ, т. 1, с. 58]. Летописец обращает внимание читателя, что Владимир после победоносного похода на ятвягов осуществил, очевидно, благодарственное жертвоприношение кумирам, языческим богам-идолам. Боги требовали человеческих жертвоприношений. Выбор жертвы решался жребием: «мечем жребий на отрока и девицу, на него же падеть, того зарежем богом» [там же]. Случайно, а может преднамеренно, выбор пал на сына варяга-христианина, пришедшего в Киев из Греции: «и бе у него сын красен лицом и душею» [там же]. Когда депутация киевлян подошла к дому варяга и объявила ему о случившемся, тот стал активно защищать своего сына. Главным его аргументом в разгоревшемся споре стал тезис о том, что языческие боги не настоящие, не истинные: «не суть то боги, но древо; днесь есть, а утро изъгнееть; не ядять бо, ни пьють, ни молвят, но суть делани руками в дереве. А бог есть един, ему же служат гръци и кланяются, иже створил небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и дал есть ему жити на земли. А си бози что сделаша? Сами делани суть. Не дам сына своего бесом» [там же]. Неприступность христианина, его аргументы о сути языческих богов взбудоражили языческую толпу. «Они же, взявше оружие» окружили двор варяга. Отец и сын стояли в сенях, пытаясь остановить разъяренных язычников, и «посекоша сени под нима, и тако побиша я» [там же]. Правда в

*Убийство Федора варяга и сына его Иоанна.
Миниатюра Радзивиловской летописи. XV век*

тексте не говорится, были ли принесены отец и сын в жертву богам: «и не свесть никтоже, где положиша я» – и никто не знает, где их положили. Летописец уточняет, что все это произошло, потому что киевляне были еще язычниками: «бе бо тогда человеци невеголоси и погани» [там же]. А далее он говорит о радости дьявола, думавшего, что навечно на Руси он получил себе жилище, «не ведый, яко близь погибель хотеше быти ему» [ПВЛ, т. 1, с. 59]. Летописец исподволь начинает подготавливать читателя к крещению Руси. Дьявол думал погубить весь род христианский, но прогнан был честным крестом.

Но до этого еще далеко. А пока апофеоз князя-язычника. Летописец вновь не жалеет черных красок в описании образа Владимира. Он наделен всеми человеческими пороками. Особенно летописец обращает внимание на его страсть к прелюбодеянию. В тексте ПВЛ помещен удивительный отрывок, призванный, по мнению Летописца, очернить языческую сторону жизни князя: «Бе же Володимер побужен похотью женскою, и быша ему водимыя: Рогънедь, юже посади на Лыбеди, иде же ныне стоит сельце Предъславино, от нея же роди 4 сына: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекине – Святополка; от чехине – Вышеслава; а от другое – Святослава

и Мьстислава; а от болгарыни – Бориса и Глеба; а наложницъ бе у него 300 Вышегороде, а 200 в Белегороде, а 200 на Берестове в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бе несуть блуда, приводя к собе мужьски жены и девице растьяля. Бе бо женолюбець яко же и Соломан: бе бо рече, у Соломана жен 700, а наложницъ 300» [ПВЛ, т. 1, с. 56, 57]. И так, у Владимира только законных жен (по ПВЛ) пять, еще два гарема в 500 наложниц, да бесчисленное количество совращенных женщин и девиц – чем не сексуальный маньяк! Эту ли сторону человеческого характера хотел подчеркнуть автор? Очевидно, нет. Владимир – грешник, но «по неведению истинного закона». Недаром далее в тексте дается сравнение его с Соломоном. И тот и другой – язычники, Соломон умирает в языческом неведении. А Владимир, в результате крещения, получил спасение: «Мудр же бе (Соломон), и наконец погибе; се же бе невеголос (язычник), а наконец обрете спасенье» [ПВЛ, т. 1, с. 57]. Летописец этим рассказом как бы подготавливает читателя к чудесному преобразению своего героя.

А пока восторжествовал Владимир-язычник. Он единолично владеет всей Русской землей, он покоряет, отринувшие было, племенные союзы вятичей, радимичей, активно вмешивается в польские дела, захватывая Перемышль, Червень и другие города. Возродилась и языческая вера, став основой государственной политики киевского князя. Казалось бы, Владимир достиг пика своего могущества. Но проходит всего лишь несколько лет (по ПВЛ – 8), и князь начинает искать замену старой веры на новую. Зачем, почему? Что двигает Владимиром? На эти и еще многие вопросы летопись молчит.

Можно много рассуждать о том, что заставило князя Владимира изменить вере отцов и дедов, прийти к новой, неизведанной, мало понятной для язычника христианской вере. Русские церковники XI–XII веков, рассуждая о причинах, побудивших князя принять новую веру, на первый план выдвигают внутреннее преобразование князя. В «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона автор одним из первых задает этот вопрос. А ведь прошло со времени событий каких-то 50–60 лет:

«Как уверовал?
Как возгорелся ты любовью Христовой?
Какой вселился в тебя разум,
выше разума земных мудрецов,
чтоб невидимого возлюбить
и на небесное подвигнуться?
Как взыскал Христа,
Как предался ему?» [Елагин, 2009, с. 239]

Иларион видит ответ в чудесном преображении князя, посланного озарением от Святого Духа. Митрополита не интересует само крещение князя Владимира. Не знает Иларион и «выбора веры», не знаком он и с «Греческим Философом», не упоминает ни о взятии Корсуни, ни о женитьбе Владимира на греческой царевне Анне.

В «Памяти и похвале русскому князю Владимиру» монаха Иакова крещение Владимира приписывается благотворному влиянию Ольги, в результате которого «разгорашеться Святым Духом сердце Владимира, хотя святого крещения. Видя же Бог хотение сердца его, провидя доброту его и призри с небесе милостию Своею и щедротами и просвети сердце князю русския земли Володимеру приати святое крещение» [Голубинский, 1997, с. 239].

В «Чтениях о святых мучениках Борисе и Глебе», созданном в 80-е годы XI века, обращение Владимира в христианство так же приписывается божественному озарению: «...сему Владимиру явление Божие быти ему крестьянину (христианину – *В. Е.*) створися».

Очень оригинальную трактовку приобщения Владимира-язычника к христианству дал Е. Е. Голубинский. Он обращает внимание на миссионерскую роль жен-христианок. И действительно, к этому времени Владимир был женат на бывшей монахини-гречанке, от которой, не исключено, шло определенное влияние, на двух чехинях и болгарке – тоже христианках. Е. Е. Голубинский пишет: «Женщинам вообще усвоится весьма немаловажная роль в распространении христианства в Европе. Обращение франкского короля Хлодвига приписывается его супруге, бургундской Клотильде. Обращение англо-сакского короля Этельберта – его супруге, франкской принцессе Берте.

Обращение современных Владимиру венгерских королей Гейзы и Ваика (Стефана) приписывается их супругам: сестре польского короля Адельгейде и сестре императора Гизлле. Чехиням, супругам Владимира, кто бы они ни были, конечно, было известно о поведении и об успехе Домбровки в Польше» [Голубинский, 1997, с. 153]. Здесь речь идет о дочери чешского короля Болеслава, под влиянием которой крестился польский король Мечислав. Далее Е. Е. Голубинский рассуждает о том, что одна из жен-чехинь могла быть родственницей Домбровке: «В сем последнем случае княжне младшей естественно было видеть как бы свое призвание в том, что удалось сделать княжне старшей» [там же].

На самом деле все было значительно сложнее. В X веке в Европе идет усиленный процесс христианизации вчерашних языческих государств. Активную роль в этом играют два мощных христианских центра: Рим и Константинополь. Каждый из них стремится присоединить к себе все большее число народов и государств. Исторически складываются западнохристианский и восточнохристианский миры, противоборствующие друг против друга, втягивающие в орбиту своей борьбы другие страны. На западе от славянского мира возникает Священная Римская империя германского короля Оттона I как наследница Великой Римской империи. В сферу влияния Рима постепенно попадают многие государства Центральной и Северной Европы. Славянский мир становится объектом пристального внимания византийской церкви. Этому в значительной степени способствовало создание письменности, ставшей важнейшим инструментом миссионерской деятельности среди славян. Творцами славянской азбуки являются братья Кирилл и Мефодий. Зародившись в Великой Моравии, славянская грамота быстро проникла в Болгарию, а затем стала распространяться по Руси. Именно распространение славянской письменности стало основой проникновения восточнохристианской религии. Летописец с гордостью восклицает: «яже прозвася грамота словенская, яже грамота есть в Руси и в болгарех дунайских» [ПВЛ, т. 1, с. 21]. В 864 году болгарский царь Борис I официально признает христианство государственной религией. Его правление стало временем расцвета I Болгарского царства. Болгарская церковь получает

статус архиепископства, и с этого момента начинается ее активное участие в распространении христианства у восточных славян. Этому способствовали многие факторы: общность славянского менталитета, тесные торговые и культурные связи, а главное – общность языка. Зададимся вопросом: кого легче поймет древний славянин в разговоре о незнакомом ему боге: проповедников, говорящих на латыни или на греческом языке, или болгарина? Ответ однозначен – болгарина. Я, конечно, упрощаю, говоря о трудностях миссионерской деятельности, их было множество. Но когда речь идет на одном языке, собеседник становится ближе и понятливее.

И через Болгарию восточнославянская церковь начинает проникать на Русь. Константинопольский патриарх Фотий в своем «Окружном послании», датированного 866-867 гг., отмечает, что какие-то группы росов приняли крещение после неудачного нападения на Константинополь. В послании к восточным епископам Фотий говорит: «Не только болгары обратились к христианству, но и тот народ, о котором много и часто говорится и который превосходит других грубостью и зверством, т. е. так называемые русские. Поработив соседние народы и через то чрезмерно возгордившись, они подняли руку на ромейскую империю. Но теперь и они переменили эллинскую и безбожную веру, в которой, прежде всего, содержались, на чистое христианское учение, вошедши в число преданных нам и друзей, хотя незадолго перед тем грабили нас и обнаруживали необузданную дерзость. И в них возгорелась такая жажда веры и ревность, что они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды» [цит. по Левченко, с. 77]. У Константина Багрянородного крещение Руси произошло во времена правления Василия I Македонянина (867–886 гг.). Император склонил к дружбе «народ русский, воинственный и языческий, раздавал ему одежды золотые, серебряные и шелковые, и, установив с ними дружбу и соглашение, уговорил принять крещение» [там же, с. 78]. Необходимо еще отменить церковный устав Льва VI со списком митрополий, подчиненных константинопольскому патриарху, где Русь обозначена на 61 месте [там же, с. 82].

Очевидно, в конце IX века в Киеве сформировалась христианская община. На это указывает ряд косвенных данных. Это прежде всего

краткий рассказ о княжении в Киеве Аскольда и Дира. Олег хитростью выманивает правителей из города и убивает их. Странно, что на смерть своих князей жители Киева никак не прореагировали. Они принимают захватчика Олега спокойно, без сопротивления. Но при этом Летописец отмечает, что киевляне хоронят своих князей «и погребоша и на горе, еже ся ныне заветь Угорьское, кде ныне Ольмин двор; на той могиле поставил Ольма церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною» [ПВЛ, т. 1, с. 20]. Из этого сообщения можно понять, что на момент написания текста (конец XI в.) киевляне помнили об убитом князе, знали место его погребения. Если бы Аскольд был язычником, то навряд ли в честь него, на его могиле Олма воздвиг бы церковь.

Мне кажется, что захват Олегом Киева в 882 году можно оценить как языческий переворот. Олегу открыла ворота Киева та часть жителей, которые оставались верны старой вере и были недовольны возросшим влиянием христианской общины. На данном этапе христианство потерпело поражение. Здесь уместно вспомнить и договоры Олега с греками, в которых нет даже упоминания о каких-либо христианских чертах общества [ПВЛ, т. 1, с. 24–29].

Но проходит каких-то 30-40 лет, и в договоре Игоря с греками фиксируется уже другая ситуация. Дружина Игоря как бы разделена на две части: языческая ее часть клянется Перуном, «а хрестеяную Русь водиша роте в церкви святого Ильи, яже есть над Ручаем, конец Пасынъче беседы: се бо бе сборная церкви» [ПВЛ, т. 1, с. 39]. Давайте прокомментируем это. В войске Игоря существуют как язычники, так и христиане. Их пребывание в дружине читается мирно, без всяких катаклизмов. Они свободны в отправлении своих религиозных культов. Христиане приносят клятву в соборной церкви Св. Ильи, Летописец даже указывает ее местонахождение в Киеве. Соборная – значит, главная. Значит, к этому времени в городе существует уже не одна, а несколько церквей. Значит, и христианская община уже достаточно многочисленная! Отметим, что и Игорь, оставаясь язычником, не препятствует христианам, а даже где-то благоволит, позволяя им свободно существовать.

Откуда же у киевского князя появилось такое спокойное отношение к христианскому миру? Ответ появляется неожиданным: от его жены Ольги.

Образ Ольги в Повести Временных Лет один из самых ярких и в то же время самых загадочных. «В лето 6411 (903 г.)Игореви же възрастьшу, и хожаше по Ользе и слушаша его, и приведоша ему жену от Пскова, именовем Олгу» [ПВЛ, т. 1, с. 23]. Суть этой статьи в том, что повзрослевший Игорь во всем слушался Олега и тот привел ему жену из Пскова. Из «Первой Новгородской летописи» уже читается несколько измененный текст. В ней уже сам Игорь «приведе себе жену от Плескова, именовем Олгу» [НПЛ, с. 107].

Здесь уже Псков изменен на Плесков. В Иакимовской летописи Ольга, «жена из Изборска», сначала называлась Прекрасой, затем изменилось ее имя на имя князя Олега – Ольга [Татищев, т. 1, с. 111]. Собственно вот и вся первичная информация о «Проматери русского христианства». В ПВЛ ничего не говорится ни о ее происхождении, ни о ее социальном статусе. Даже возраст и тот определить сложно. Хотя, если пользоваться летописной хронологией (очень условной), можно предположить, что на момент свадьбы ей было где-то 12–15 лет, значит, родилась она (опять же по версии ПВЛ) в 90-е годы IX века. В ПВЛ рождение Ольги ассоциируется со Псковом, но судя по археологическим данным, в этот период Псков еще не существовал.

В более поздних источниках и прежде всего в «Житии», написанном по указанию митрополита Макария в середине XVI века, появляется явно выдуманная конкретизация. Игорь охотился в лесах под Псковом и ему понадобилось переправиться через реку Великую. Вдруг он увидел челн, на котором находился юноша. Когда челн подплыл к князю, вместо юноши Игорь увидел красавицу-девицу, которая и стала переправлять его через реку. Игорь моментально воспылал к девушке страстными чувствами, но юная красавица, проявив мудрость, несколькими словами охладила страсть молодого князя. Игорю запомнилась эта девушка и по приезду в Киев он попросил Олега привести ее в жены. Что и случилось. Ясно, что в «Житии св. Ольги» нет ничего правдивого. Его автор явно подгоняет раннюю био-

графию княгини к житию св. Елены, матери Константина, крестившего Римскую империю. Та была дочерью стационарного зрителя, тоже перевозила людей и отличалась красотой и мудростью.

Снова вернемся к месту рождения Ольги. Псков-Пльсков. Название происходит от глагола «плескаться». Таких наименований в славянской топонимике много. Обращаю внимание читателя на сообщение «Нового владимирского летописца» – летописи малоизвестной широкому читателю. В ней содержится информация, что «Игоря же Олег жени в Болгарех, поят за него княжну именем Олгу, и бе мудра велми» [цит. по: Никитин, с. 210]. Значит, если следовать этой логике, то Псков – это Пльсков (нынешняя Плиска), древняя столица Первого Болгарского царства, а Ольга происходит из знатного болгарского рода. Выяснить обстоятельства женитьбы Игоря на Ольге сейчас уже вряд ли возможно. Ряд исследователей считает, что Ольга происходит из семейства царя Симеона (дочь, сестра?) и, естественно, должна была быть крещенной уже в детстве. Возможно, и христианское имя она получила Елена. Попав на Русь, очевидно не без участия Олега, она получила и новое имя – Ольга. Вместе с ней в Киев должно было прибыть большое посольство, в состав которого входили и церковнослужители, которые предприняли много усилий для христианизации Руси. Конечно, все выше сказанное можно отнести к разряду предположений. Но, с другой стороны, больше нет веских аргументов в пользу того, что именно в середине X века происходит взлет христианского влияния в Киеве, значительно укрепляется религиозная община. В ПВЛ все, что связано с Ольгой, ее сыном Святославом, необычайно запутано, а порой и просто искажено. Так, рождение Святослава ПВЛ относит где-то к 940–942 гг. На момент смерти Игоря он представлен маленьким мальчиком, за которого все делает его мать. Вместе с тем у В. Н. Татищева мы встречаем известие о рождении Святослава в 920 году [Татищев, т. 2, с. 40]. Там же есть упоминание, что в 40-е года X века он самостоятельно правит в Новгороде. На это указывает и византийский источник: «в Немогарде ... сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии» [Константин, с. 44, 45].

Со смертью Игоря ситуация в Киеве должна была поменяться. Логично предположить, что его место должен был занять его старший сын Святослав. Ведь, судя по Иакимовской летописи, он взрослый человек, способный самостоятельно принимать решения. Но он язычник, возвращенный на далеком Севере, он впитал в себя не только все качества воина, так ярко описанные в ПВЛ, но и сохранил верность старой религии. Значит, придя в Киев, он и его дружина должны были отстранить от власти тех приверженцев христианской веры, что пустили корни во времена правления Игоря и Ольги. А этого, ох, как не хотелось представителям греческой веры! Возник конфликт – конфликт власти, идеологических интересов. Ольга, по всей видимости, была очень влиятельной особой. Ее религиозное начало позволило избежать погребального костра вместе со своим мужем-язычником. Она становится лидером христианской общины в Киеве, которая, защищая свои интересы, все сделала для того, чтобы не пустить Святослава в Киев и не отдать власть язычникам.

А что же Святослав? Очевидно, он в меньшей мере политик. Он воин, рыцарь, для которого военные походы, сражения составляют смысл жизни. Наверное, прав Летописец, давая такую яркую оценку образу князя: «Князю Святославу възрастѣшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардус (барс), войны многи творяще. Ходя воз по собе не возяше, ни котъла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подъклад постлав и седло в головах; такоже и прочии вои его все бяху. И посылаше к странам, глаголя: «Хочу на вы ити» [ПВЛ, т. 1, с. 46].

Его удел – война. Можно сказать, что киевляне спроваживают Святослава в завоевательные походы, отправляя его то в одну сторону, то в другую. И если его восточные походы носят явно грабительский характер, то балканская война видится мне несколько в ином свете.

В Болгарии после смерти царя Симеона складывается очень сложная внутривосточная обстановка. В период междуцарствия разгорается, по существу, гражданская война, подогреваемая агрессивными действиями Византии, и страна раскололась на ее западные и вос-

*Встреча Святослава с Иоанном Цимисхием.
Худ. К. Лебедев*

точные части. В этой ситуации необычайную активность проявляет Святослав. Если бы он преследовал те же цели, что и Аскольд, Олег, Игорь, то отправился бы грабить и разорять эти земли. Нет, Святослав целенаправленно отправляется на завоевание Болгарии. Он крови Симеона, он один из законных наследников этого царства. Святослав претендует на болгарский престол! Как по-другому объяснить его слова в летописи: «Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то *есть середа земли моей* (выделение автора – В. Е.), яко ту вся благая сходятся: от грек злато, поволоки, вина и оwoщеве различные, из Чех же, из Угорь серебро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челядь» [ПВЛ, т. 1, с. 48]. И, отправляясь в свой последний балканский поход, он окончательно прощается с Русью, делит свою державу среди сыновей и надеется полностью стать правителем своего болгарского удела. Но это у него не получается. Почему?

Главная причина мне видится в следующем. Во время первого похода ему открывают ворота 80 болгарских городов и «седе князю в Переяславци, емля дань на грецех» [ПВЛ, т. 1, с. 47]. Он захваты-

вает восточную часть Болгарии, жители городов добровольно подчиняются его власти, видя в нем законного наследника. Святослав столицей своего государства делает город Переяславец. Он получает дань – откуп от Византии, при этом летопись ничего не говорит о самих болгарях. Святослав – хозяин болгарской земли! Представляете, каким бы могло стать русско-болгарское царство Святослава! Но этого не произошло. Киевского князя ждал неминуемый крах. И причина этого видится мне в одном: Святослав – ярый язычник. Он ни при каких условиях не хочет и не может изменить своей вере. А Болгария – христианская страна с уже сложившимися религиозными стереотипами. Святославу, чтобы полностью утвердиться в Болгарии, стать окончательно своим, достаточно было принять крещение и обратить на свою сторону христианскую часть населения Болгарии и Руси. Вот какая бы тогда возникла держава! Но Святослав не уловил этого чуткого момента и трагически погибает язычником, воином-героем, воином-изгоем.

Владимир иной. Он ловко улавливает особенности международной обстановки, произошедшие изменения социальной сферы общества, требующие и изменения в идеологии. «Париж стоит мессы», – в свое время воскликнул Генрих IV, предав ради королевского престола веру своих соплеменников. Так же поступает и Владимир. И судя по ПВЛ, он приступает к выбору новой религии.

Глава 2. Выбор веры

Начинается новый акт повествования под названием «Выбор веры».

Итак: «В лето 6494 (986 год) Придоша болгары веры бохъмиче, глаголюще, яко „Ты князь еси мудр и смыслен, не веси закона; но веруй в закон наш и поклонися Бохъмиту“. И рече Володимерь: „Како есть вера ваша?“ Они же реша: „Веруем богу, а Бохмит ны учить, глаголя: обрезать уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, а по смерти же, рече, со женами похоть творити блудную. Дасть Бохмитъ комуждо по семидесят жен красных, исбереть едину красну, и всех красоту възложить на едину, та будеть ему жена. Зде же, рече, достоить блуд творити всяк. На семь свете аще будеть кто убог то и там, и иная многа леть, ея же не льзе псати срама ради“» [ПВЛ, т. 1, с. 59–60]. Я сознательно привел полностью текст исламского миссионера. Теперь давайте представим на минуту: вы проповедник, пытаетесь убедить князя и его людей в истинности своей веры с тем, чтобы он понял, что она самая лучшая и ее нужно сразу же принять. Для этого вы, очевидно, расскажите об особенностях веры, изложите содержание Корана, подробно остановитесь на обрядности и принципах богослужения и т. д. Но ничего этого в тексте нет! Создается впечатление, что миссионером является человек, сам мало понимающий в особенностях мусульманской веры. Он даже не упоминает Аллаха, а все сводит к закону Бохъмита (Мухаммеда). Чем он мог прельстить язычника? Запретами на употребление свинины и отказом вина? А уж обряд обрезания и вовсе мог оттолкнуть несведущего человека. Так в свою веру людей не заманишь! Единственное положительное, на что мог польститься испытуемый, так это возможность «блуд творити всяк». Ведь, вспомним, что в ПВЛ Владимир-язычник представлен как отъявленный развратник. Я думаю, у читателя сложилось твердое убеждение, что слова, якобы произнесенные мусульманским проповедником, не принадлежат ему самому. А кому же? Летописцу-христианину, писавшему этот текст где-то в конце XI века и желавшего тем самым унизить в глазах читателей мусульманскую веру, вызвать даже отвращение к ней!

Великий князь Владимир избирает религию. Худ. И. Эггинк. 1822 г.

Но что удивительно, судя по контексту ПВЛ, Владимиру эта вера поначалу понравилась, «бо сам любя жены и блуженье многое, послушаше сладко» [ПВЛ, т. 1, с. 60]. Его не смущает обрезание, отказ от свинины. Но камнем преткновения становится отказ от вина: «...а о питьи отнудь, река: „Руси есть веселье питье, не можем бес того быти”» [там же]. Вот уж эта роковая фраза, ставшая синонимом извечного пьянства моего народа! Хотя если вдуматься и не судить поверхностно, о самом извечном пьянстве здесь и речи нет. С одной стороны, питье ради веселья – какой народ от этого откажется!? Но суть отказа от запрета на питье лежит глубже. Владимир – язычник. В былинах о князе Владимире дружинные пиры занимают заметное место. И смысл в них не в поголовном пьянстве – дружинные пиры играют роль сплочения князя и его воинов. Князь и дружина составляют единое целое. Князь не может существовать без дружины, а дружина – без князя. Вспомним, как отец Владимира дает отказ Ольге креститься: «А дружина моа сему смеяться начнуть» [ПВЛ, т. 1, с. 46]. Таков же и Владимир. Он заботится о дружине, живет ее интересами, потакает ей в слабостях. Вспомним еще эпизод из ПВЛ, где дружинники отказались есть деревянными ложками. Владимир моментально приказал

взять из своей казны золото и серебро и отлить из них ложки, мотивируя это тем, что «сребромъ и златом не имам налести (не смогу добыть) дружины, а дружиною налезу сребро и злато, яко же дед мой и отец мой доискася дружиною злата и сребра» [ПВЛ, т. 1, с. 86]. На дружинных пирах проходит и обряд посвящения в дружинники, в члены воинского братства. Кульминацией этого момента является распитие вина из общей чаши, которая называется братина. Каждый из воинов, в том числе и из новообращенных, делал себе надрез на запястье и капал в чашу с вином несколько капель своей крови. Чаша ходила по кругу, каждый отпивал из нее по глотку. Выпив из братины, воины становились братьями по крови, членами единого братства – дружины. Мог ли князь Владимир отказаться от этого языческого обряда? Ответ однозначен – конечно же, нет. Мусульманство, судя по тексту ПВЛ, на этом этапе было отвергнуто.

«Потом же придоша немьци от Рима, глаголюще: „Придохом послании от папежа” и реша ему: „Рекл ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вера ваша не яко вера наша; вера бо наша свет есть, кланяемся богу, иже сотворил небо и землю, звезды, месяц и всяко дыханье, а бози ваши древо суть” Володимер же рече: „Кака заповедь ваша?” Они же реша: „Пощение по силе”, „Аще кто пьеть или ясть, то все во славу божью”, рече учитель наш Павел» [ПВЛ, т. 1, с. 60]. Уважаемый читатель, ты что-нибудь понял? Поставь себя на место язычника Владимира. Проповедники западной ветви христианства, то что с середины XI века будет называться католичество, даже не удосужились изложить основные догматы своей веры. Ссылка на бога, который создал и землю, и небо, неуместна, так как этот показатель есть и в любой языческой вере. А на вопрос Владимира о христианских заповедях звучит вообще чисто примитивный гастрономический ответ. Конечно, в таком контексте миссионерского диалога быть не могло (да и был ли он на самом деле?) В тексте это не что иное, как выдумка летописца с целью унижить, обезличить и католическую веру.

И уж совсем непонятным и трудно объяснимым выглядит ответ Владимира: «Рече же Володимер немцем: „Идите опять, яко отци наши сего не прияли суть”» [ПВЛ, т. 1, с. 60]. Владимир отрицает западно-христианскую веру, не разобравшись в ее сути, ссылаясь на то, что она

была отвергнута отцами. Но какие это отцы? Отец и дед Владимира были отъявленными язычниками. Очевидно, речь идет не об отцах биологических, а о прошедшем «отнем» времени. Остается время княгини Ольги, при которой отношения с христианским миром были достаточно осязаемы. И дело не только в поездке Ольги в Царьград, так ярко описанной в ПВЛ, но и ее контакты с западнохристианским миром. В Повести эти эпизоды жизни Ольги пропущены, а вот в немецких источниках сохранились известия, что киевская княгиня отправила посольство к германскому королю Оттону I с просьбой прислать на Русь епископа и священника: «В лето от Воплощения Господня 959-е ... Послы Елены (христианское имя Ольги – *В. Е.*), королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников ... 960. Король отпраздновал Рождество Господне во Франкфурте, где Либуций из обители святого Альбана посвящается епископы для народов ругов достопочтенным архиепископом Адальдагом ... 961 Король отпраздновал Рождество Господни в Регенсбурге ... Либуций, отправлению которого в прошлом году помешали какие-то задержка, умер 15 февраля сего года. На должности его сменил, по совету и ходатайству архиепископа Вильгельма Адальберт из обители святого Максимиана в Трире, хотя и ждал от архиепископа лучшего и ничего никогда перед ним не провинился, должен был отправиться на чужбину. С почестями назначив его (епископом) для народа ругов, благочестивейший король по обыкновенному своему милосердию, снабдив его всем, в чем тот нуждался ... 962 ... В этом же году Адальберт, назначенный епископом к ругам, вернулся, не сумев преуспеть ни в чем из того, ради чего он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий. На обратном пути некоторые из его (спутников) были убиты, сам же он, после больших лишений, едва спасся» [Древняя Русь..., с. 303–304].

Этот отрывок, взятый из «Продолжения хроники Регинона Прюмского», ярко свидетельствует о том, что киевская княгиня Ольга, «королева ругов», достаточно активно после своего посещения Константинополя искала связей и с западнохристианским миром. Разногла-

сия в христианской церкви между Римом и Константинополем к этому времени были уже достаточно серьезными. Ольга стремилась не только установить в своей стране церковную организацию, но и извлечь политическую выгоду из этих разногласий. Вот и понятны ее контакты сначала с Царьградом, затем с Римом. Переговоры Ольги в Константинополе о церковном устройстве на Руси по какой-то причине зашли в тупик. И Ольга в отместку посылает послов к германскому королю, чтобы устроить русскую церковь по западнохристианскому образцу. Ее предложение нашло горячий отклик, и на Русь был назначен епископ Либуций, а после его смерти Адальберт. Замечу, что судя по «Продолжению хроники...», от посольства Ольги до назначения Адальберта проходит три года. Что в это время происходит на Руси, мы не знаем. Может быть, Ольга терпеливо ждет ответа и готовится принять главу русской церкви от римского Папы? Но логичнее предположить, что за это время ситуация изменилась, и Ольга охладела в своих контактах с Западом. Поэтому и поездка Адальберта на Русь закончилась крахом. А ведь вновь обращенный епископ Руси ехал не один, а вместе с многочисленными священнослужителями, атрибутами церкви и всем тем, посредством чего на Руси была бы установлена римская церковная иерархия. И можно лишь предположить, как изменилась бы история Руси, не умри епископ Либуций и прибуди он вовремя к княгине Ольге. Русь стала бы католической страной! Но в истории не бывает сослагательного наклонения! Западнохристианские миссионеры и их религия, судя по тексту ПВЛ, были отвергнуты.

«Се слышавше жидове козарьстии придоша, рекуше: „Слышахом, яко приходиша болгаре и хрестеяне, учаща тя каждо вере своей. Хрестеяне бо веруют, его же мы распяхом, а мы веруем единому богу Аврамову, Исакову, Яковлю”. И рече Володимеръ: „Что есть закон вашь?” Они же реша: „Обрезатися, свинины не ясти, ни заячины, субботу хранити”» [ПВЛ, т. 1, с. 60]. На авансцене «Повести» появляются проповедники-евреи из Хазарии. Но как убога их позиция! Собственно, чем хотели завлечь хазарские миссионеры князя Владимира? Обрезанием и запретом на свинину и зайчатину. Но ведь это уже было. Разве в этом суть иудейской веры? Летописец, составляя диалог евреев с Вла-

дмиром, не оставляет им никаких шансов. Более того, Владимир, судя по дальнейшему тексту, просто издевается над ними, задавая каверзные вопросы. «Он же рече: „То где есть земля ваша?“ Они же реша: „В Ерусалиме“. Он же рече: „То тамо ли (точно ли) есть?“ Они же реша: „Разгневался бог на отци наша, и расточи (рессеял) ны по странам грех ради наших, и предана бысть земля наша хрестеяном”» [ПВЛ, т. 1, с. 60]. Что, разве Владимир не знал, где находится иудейская Хазария? Это государство имело многолетний опыт общения со славянскими племенами, начиная от покорения южнославянских народов (так называемое «хазарское иго») до установления тесных торговых отношений. Хазарские миссионеры достаточно активно осваивали соседние регионы. Но ПВЛ, наверное, сознательно, упускает важный момент русско-хазарских отношений. В 965 году отец Владимира Святослав нанес сокрушительный удар по Хазарскому Каганату, в результате чего он распался и от бывшей Хазарской империи не осталось и следа. Все это, бесспорно, знал Владимир, задавая подобные вопросы. И уж совсем сокрушительным является финал беседы с иудеями: «То како вы иных учите, а сами отвержени от бога и расточени? Аще бы бог любил вас и закон ваш, то бысте расточени по чюжим землям. Еда (или) и нам тоже мыслите прияти?» [ПВЛ, т. 1, с. 60].

Обращаю внимание еще на одно обстоятельство. Иудейские послы говорят, что их землю бог отдал христианам. Но ведь Иерусалим был захвачен крестоносцами (т. е. христианами) в 1099 году. Стало быть, этот текст мог появиться в ПВЛ не ранее начала XII века. Отсюда следует вывод, что весь «живой» диалог Владимира с хазарскими послами также не более, чем выдумка Летописца. В равной степени как и две предыдущие. «Неужели проповедники магометанские могли приходить к Владимиру затем, чтобы держать пред ним возможно срамные речи и таким образом доказать, что вера их есть самая срамная в мире? Неужели проповедники еврейские приходили затем, чтобы сказать, что Евреи суть народ, Богом отверженный? Неужели проповедники папские только и могли сказать то, что влагает им в уста повесть», – восклицал в свое время Е. Е. Голубинский [Голубинский, 1997, с. 112]. С какой же целью совершает это действие Летописец?

Мне кажется, можно ответить однозначно: принижая все веры, даже где-то сознательно унижая их, автор ПВЛ подготавливает читателя к следующему, главному, с его точки зрения, этапу – проповеди греческого миссионера. И далее в тексте следует обширный рассказ, получивший условное название «Речь философа» [ПВЛ, т. 1, с. 60–74].

В Киев прибывает греческий проповедник, «Философ», преследующий своей целью убедить князя Владимира принять восточно-христианскую веру. Для начала он разоблачает всех предшествующих миссионеров в лживости их вер. Летописец вкладывает в уста Философа еще более жесткие аргументы, бичующие мусульман, евреев и западных христиан. Исламская вера «оскверняет небо и землю ... творящая беззаконья и скверны дающие. Си бо омывают оходы своя в рот вливають, и по браде мажутся, поминають Бохмита. Тако же и жены их творять ту же скверну и ино пуще: от совокупленья мужьска и женьска вкушають» [ПВЛ, т. 1, с. 61]. Владимир ужаснулся от услышанного: «Нечисто есть дело» [там же].

*Беседа Владимира с греческим философом.
Радзивилловская летопись*

Прошелся Философ и по проповедникам Рима. С одной стороны, «их же вера малом с нами разъвращена», т. е. мало отличается. А с другой стороны, все его претензии коснулись лишь обряда причащения опресноками, пресным хлебом, «си же того не творять, суть не исправили веры» [там же].

Далее Владимир задает вопрос: правда ли, что немцы и греки веруют в того бога, которого евреи распяли? «Въистину в того веруем», – следует ответ. Владимир втягивается в диалог и обозначает главный для себя вопрос: «„То что ради сниде (сошел) бог на землю и страсть такову прях?“ Отвещав же философ, рече: „Аще хочеши послушати, да скажу ти из начала, чьсо ради сниде бог на землю“» [там же]. И грек начинает излагать историю Ветхого Завета, пророчества, земную жизнь Христа и заканчивает картиной Страшного суда. На ней изображены праведники, с радостью идущие в рай, и грешники, ожидающие мучения в аду. Очевидно, финал речи Философа с изображением Страшного суда на иконе, вышитой на ткани, должен был эмоционально «добить» князя и полностью утвердить его в восточнохристианской вере!

Достаточно внимательно перечитать «Речь Философа», чтобы стало ясно, что этот текст искусственно вставлен в повествование ПВЛ. Исследователь «Речи Философа» А. С. Львов отмечал, что это произведение «составлено человеком с большой эрудицией, свободно владеющим многими текстами Старого и Нового Заветов, поскольку в основной части «Речь Философа» представляет или весьма умело подобранный пересказ, или весьма умело проведенное выборочное цитирование так называемых церковных книг» [Львов, с. 335]. Академик А. А. Шахматов, крупнейший знаток древнерусского летописания, считал «Речь Философа» заимствованной из болгарских источников и первоначально обращенной к болгарскому царю Борису [Шахматов, 2001, с. 114]. Д. С. Лихачев справедливо полагал, что «Речь Философа» лишь внешне «прикреплена к Владимиру» [ПВЛ, т. 2, с. 330] и принадлежит к жанру произведений о крещении царя-язычника греческим проповедником. По мнению А. С. Львова, данное произведение было первоначально написано на греческом языке, затем было пере-

ведено в Моравии на старославянский язык и через Болгарию попало на Русь [Львов, с. 394]. Отсюда необходимо сделать вывод, что и «Речь Философа» оказалась искусственной вставкой не только в текст ПВЛ, но и в русскую историю.

Казалось бы, после такой речи, после картины Страшного суда Владимир должен был непременно креститься по византийскому образцу, стать христианином. Но он этого не совершает. Более того, на предложение грека-философа креститься следует совсем неопределенный ответ: «Пожду и еще мало, хотя испытать о всех верах» [ПВЛ, т. 1, с. 74]. Вот здесь, мне кажется, Летописец явно переусердствовал. Выходит, что все предыдущее испытание вер ничего не значит, проповедники трудились зря. В чем же состояло новое желание испытания всех вер?

На следующий год (судя по ПВЛ: «В лето 6495 (987) Владимир созывает «боляры своя и старци градские» [ПВЛ, т. 1, с. 74] на совет. Он говорит им о посещении Киева миссионеров разных вер (странно, как будто они были в абсолютном неведении), о их желаниях склонить его к принятию собственной веры: «Суть же хитро сказующе, и чюдно слышати их» [там же]. Создается впечатление, что Владимир запутался в этом обилии религиозных чувств, во всех проповедях и ищет совета, помощи у своего ближайшего окружения. И следует мудрый совет: «Веси (знай – *В. Е.*), княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить» [там же]. Они предлагают князю отправить уже собственную делегацию в разные страны для нового испытания вер: «испытай кождо их службу, и кто како служить богу» [там же].

Судя по дальнейшему тексту ПВЛ, русские послы побывали в Волжской Булгарии, в Германии (или Риме), в Византии. Непонятно только, почему из этого списка выбыла Хазария. Или потому, что она к этому времени была разгромлена и уже не имела былой административной и религиозной структуры. Либо Летописец уже сознательно исключает ее из списка претендентов и сознательно исключает иудейскую веру для распространения на Руси.

В тексте летописи послы киевского князя совершили это путешествие в разные страны в течение короткого промежутка времени.

Но ведь достаточно посмотреть на историческую карту, чтобы определить, что в условиях X века этот путь занял бы не один год. Летописца это не волнует, он сконцентрировал свой рассказ в кратковременный отрезок. Также лаконичен он и в описании того, что увидели послы, какие особенности служб им запомнились у мусульман: «Видеша скверньная дела и кланянье в ропати (поклонение в мечети – В. Е.)» [там же]. И дальше: «Придоша в немци и съглядаваше церковную службу их» [там же]. Вот и все, что дает нам Летописец из посещения мусульманской и западнохристианской служб. Для чего он так поступает? Да для того, чтобы еще ярче читался текст о посещении послами Константинополя и воспринимался тот эффект, что произвела на них христианская служба! Русских послов по ПВЛ встречают на высшем уровне. Их принимает сам царь, хотя в это время в Константинополе правили два императора Василий и Константин, которые позднее появляются в тексте. Их встречает сам патриарх и лично проводит для послов праздничную службу: «Они же во изуменьи бывше, удивившися, похвалиша службу их» [ПВЛ, т. 1, с. 75]. С этим пафосом послы возвращаются на родину и предстают перед Владимиром.

Еще раз обращаю внимание читателя, что знакомство послов с мусульманской и западнохристианской служб в ПВЛ проходит серым фоном, подчеркивая пышность и красоту службы в Константинополе. А может быть, и все эти посольства Летописец выдумал? Да нет, он их просто литературно переработал. Русь и арабский мир к этому времени уже достаточно активно контактировали друг с другом. Торговые связи открывали для народов и неведомый им доселе духовный мир. В Киеве существовал мусульманский квартал, где жили и торговали купцы из арабского мира. И уж, конечно, имелась мечеть, где арабы, болгары совершали свою службу. В одном арабском сочинении XIII века Мухаммеда-аль-Ауфи говорится о русском посольстве в Хорезм с целью изучения и принятия ислама. «Хорезмшах тепло принял русских послов и отправил на Русь одного из имамов, после чего жители ее сделались мусульманами» [Древняя Русь..., с. 234]. Я сейчас не задаюсь целью выявить, что содержит рассказ аль-Ауфи: истину или выдумки. Я констатирую лишь возможность обра-

щения князя Руси к восточной религии и возможность обмена посольствами с мусульманским миром.

Такие же религиозные контакты, бесспорно, существовали у Руси и с западнохристианской религией. Помимо перечисленного выше сообщения из хроники Регинона Прюмского о назначении на Русь во времена Ольги епископом Адальберта, мы встречаем в Никоновской летописи сообщения о тесных контактах Рима и Киева как во времена Ярополка, так и во времена Владимира. Вот выдержки из этой летописи: «В лето 6487 (979 год) ... приидоша послы к Ярополку из Рима от папы» [ПСРЛ, т. 9, с. 39]; «В лето 6496 (988 год) ... приходиша послы из Рима от папы и мощи святых принесоша к Володимеру» [там же, с. 57]. Не закончились эти контакты и после крещения князя Владимира: «В лето 6499 (991 год) ... придоша к Володимеру послы из Рима от папы, с любовью и с честью». «В лето 6502 (992 год) ... послы Володимеровы приидоша в Киев, иже ходиша в Рим к папе» [там же, с. 65]. «В лето 6508 (1000 год) ... придоша послы от папы Римскаго и от королей Чезьских и Угорских» [там же, с. 68]. «В лето 6509 (1001 год) ... посла Володимер гостей своих, аки в послех, в Рим, а других во Иерусатим, и в Египет и в Вавилон, съглядати земель их и обычаев их» [там же, с. 68].

Я привел эту информацию, чтобы еще раз подчеркнуть, что рассказ из ПВЛ о посольствах Владимира в разные страны есть не что иное, как литературное осмысление, выдумка Летописца, призванная очернить другие веры и возвеличить греческую.

Торжеством, победой восточнохристианской религии над остальными должен был служить заключительный отрывок рассказа о выборе веры. Пришедшие послы докладывают Владимиру и его окружению о своих чувствах, впечатлении от посещения различных служб. В мечети, по их словам, молящиеся «стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядять семо и онамо, яко бешен и несть веселья в них, но печаль и смрад велик. Несть добре закон их» [ПВЛ, т. 1, с. 75]. У немцев послы не увидели красоты в служеньи: «...и видехом в храмах многи службы творяще, а красоты не видехом никоеяже» [там же]. И, наконец, побывав у греков, посетив их храмы, они изумились красоте

и величию их службы, и как приговор звучит их тезис: «На небе ли есмы были, ли на земли» [там же].

Кажется, что выбор сделан, все аргументы в пользу византийской веры раскрыты. Тем более, что на этом настаивает и ближайшее окружение князя, аргументируя в пользу греческой веры тем, что ее приняла и Ольга: «яже бе мудрейши всех человек» [там же]. Остается только определить с местом крещения: «Владимеръ рече: „Где крещенье примем?“ Они же рекоша: „Где ти любо” [там же]. И за этим должно последовать крещение Владимира и его окружения. Но вместо этого, совершенно не объясняя причин, Летописец отправляет Владимира походом на Корсунь, и дальше в тексте следует удивительный рассказ, получивший от исследователей условное название «Корсуньская легенда».

Глава 3. Корсуньская легенда

Итак, в лето 6496 (988 год) «...иде Володимер с вои на Корсунь, град гречьский» [ПВЛ, т. 1, с. 75]. Корсунь – это древнерусское название города Херсонес, важного политического и торгового центра Византии в Крыму. Весь летописный рассказ о взятии Корсуни четко распадается на две части: поход и взятие города и крещение князя Владимира. Создается впечатление, когда читаешь этот рассказ, что его автором был либо участник похода, либо лицо, соучаствующее с другой стороны и сохранившее яркие детали военного действия. В ПВЛ не говорится о времени начала осады города, дополняется это сообщением В. Н. Татищева о начале военных действий весной этого года. Он же указывает и цель этого похода: «тамо просить у царя в жены себе сестру их» [Татищев, т. 2, с. 60], чего нет в ПВЛ. Естественно, военная операция могла начаться лишь тогда, когда Днепр освободится ото льда, и можно будет на ладьях спуститься из Киева вниз по реке, а оттуда вдоль крымского берега доплыть до Корсуни. Мы не знаем численность русского войска, его состав, можно лишь догадываться о технической оснащённости дружины. «И ста Володимер об он пол города в лимени, дали града стрелище едино» [ПВЛ, т. 1, с. 75]. Эти слова летописи Д. С. Лихачев перевел следующим образом: «И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии

Поход Владимира на Корсунь. Худ. Н. Рерих. 1900 г.

*Поход Владимира на Корсунь.
Миниатюра из Родзивиловской летописи*

полета стрелы от города» [ПВЛ, т. 2, с. 274]. «На той стороне», очевидно, это глазами человека, оказавшегося в осадном городе. Здесь начинает проступать образ автора, сочинившего этот рассказ, человека, оказавшегося в это время в осажденном городе.

Занять пристань и расположить свое войско в недоступном для полета со стен города стрел – это было разумно и вполне объяснимо. Этим самым Владимир блокировал город, ликвидируя возможные поставки продовольствия горожанам морем. Корсунь был хорошо укреплен, жители его имели многолетний опыт ведения осадных действий, поэтому взять город «наскоком» Владимир не смог. И у князя осталась одна возможность – захватить город измором, окружив его плотным кольцом вдоль всего периметра. Жители Корсуни несколько раз предпринимали попытку вылазки: «боряхуся крепко из града» [там же], однако все эти действия не дали результата. Владимир посылает горожанам грозное предупреждение: «Аще ся не вдасте (не сдадитесь), имам стояти и за 3 лета» [ПВЛ, т. 1, с. 76]. Конечно, Владимир не собирался стоять у Корсуни три года, для него важно было закончить военные действия до наступления зимы, а эта фраза не более, чем литературная гипербола, примененная Летописцем. Обращаю внимание на

тот факт, что Владимир обещает креститься, если Бог поможет ему взять город. Опять торг с Богом.

Владимир предпринимает различные уловки с целью захвата города. Очевидец военных действий оставил нам сообщение о попытке русских войск «присыпу сыпати к граду» [там же], т. е. насыпать к крепостной стене землю, чтобы по ней можно было бы ворваться в город. Но горожане разгадали этот замысел: они подкопали со своей стороны крепостную стену, вытаскивали насыпаемую землю и ссыпали ее в центре города. Владимир был в недоумении: «Воини же присыпаху боле, а Володимер стояше» [там же]. И здесь в ход событий вмешался случай. Корсунянин, которого Летописец знает по имени Анастас, желая помочь Владимиру и выслужиться, а стало быть, предать жителей города, посылает с крепостной стены во вражеский лагерь стрелу, на которой написано: «Кладязи (колодцы), яже суть за тобою от въстока, ис того вода идетъ по трубе, копав переими» (перекопай, перехвати) [там же]. Трудно сказать, так ли все это было на самом деле. Уместился бы текст послания на стреле, или к ней было привязано это сообщение, или все это выдумка более позднего времени? Важно отметить, что подобный метод предупреждения противника при помощи стрелы был широко распространен в мировой практике. Владимир обрадовался этому посланию. Он приказал перекопать трубы в указанном месте. Ликвидировав поставку воды в город, нападавшие вынудили изнемогавших от жажды жителей сдаться. Владимир вошел в город победителем.

Зададимся вопросом: почему Анастас стал помогать Владимиру? Ответ видится один. Очевидно, в городе Анастас, как потом выясняется, священник, был не одинок. Вероятно, существовала группа людей, которая была недовольна существующей властью и хотела любым способом ее ликвидировать. Часть жителей, и прежде всего духовенство, было недовольно тем, что Корсунь встала на позиции Варды Фоки (об этом мы расскажем немного позднее), и они приветствовали вступление в город союзника византийских императоров.

Источники молчат, как действовал киевский князь в захваченном городе. Конечно же, какое-то разорение и разграбление города

Руины Херсонеса

было – это неотъемлемая часть любой войны. Владимир восстановил в городе законную власть византийских императоров, а всех противников наказал. Но об этом Летописец не считает нужным говорить. Он сразу же переходит к главному, с его точки зрения, событию – сватовству Владимира к византийской царевне, его женитьбе на ней и последовавшему крещению князя. Впрочем, все по порядку.

Захватив город, Владимир посылает свое посольство в Константинополь: «Се град ваю (ваш) славный взях, слышу же се, яко сестру имата девою, да аще ее не вдаста (не отдадите) за мя, створю Граду вашему, якоже и сему створих» [там же]. Как будто Владимир только во взятом городе узнает о существовании у византийских императоров незамужней сестры! И почему, не видя ее, не зная о ней ничего, сразу требует ее себе в жены, в противном случае угрожая сделать с Константинополем то же, что и с Корсунью. Странно, что и при этом Владимир совершенно забывает свою клятву, данную Богу о крещении, если он завоюет город.

Сюжет в ПВЛ необычайно заостряется. Сильно опечалились императоры требованию князя Владимира. Чтобы избежать позора – выдать свою сестру за язычника – они пытаются найти контраргумент: «Не достоить хрестьяном за поганя (за язычников) даяти. Аще ся крестиши, то се получишь и царство небесное примеши, и с нами единовенник будеши» [там же]. Как похож этот сюжет с крещением княжны Ольги в Константинополе византийским императором и пат-

риархом! Ответное посольство отправляется из Константинополя в Корсунь, чтобы сообщить Владимиру о решении императоров. Здесь их уже ожидает Владимир. Узнав о предложении императоров, он отправляет в Царьград свое (или старое) посольство с известием, что он готов креститься, т. к. уже испытал их церковный закон и ему очень нравится их вера. Последний козырь у императоров был выбит! Но им предстояло самое сложное: уговорить свою багрянородную сестру выйти за северного варвара. А к Владимиру послали свое посольство с предложением: «Крестися, и тогда после (пошлем) сестру свою к тебе» [там же]. Ну и терпение у Владимира! Он вновь посылает ответное посольство из Корсуни в Константинополь с предложением прислать сестру и крестить его самого: «Да пришедъше с сестрою вашею крестятъ мя» [там же]. К этому времени братья-императоры еще не уговорили свою сестру, но, когда прибыло и это посольство, деваться было некуда: «Она же не хотяше ити: „Яко в полон, – рече, – иду, лучше бо ми сде умрети“» [там же]. Анна даже отдает предпочтение смерти, нежели замужество за Владимира: «И одва ю принудиша (и едва ее принудили)», – восклицает Летописец. Анна взошла на корабль, вместе с ней должна была отправиться достаточно большое количество сопровождающих, в том числе и духовных лиц. Попрощавшись с родными, городом, образом жизни, Анна с плачем поплыла в Корсунь, на встречу неведомому. В Корсуне Анну торжественно встречало все население города. Ей отдали царские почести и разместили вместе с ее людьми в отдельном дворце – «царицыной палате». Встречал ли ее сам Владимир – неизвестно. Наконец-то мы добрались до финала сватовства! Но прежде сделаем еще одно отступление.

Давайте снова вернемся к посольствам Владимира и византийских императоров. Сегодняшних средств связи в те времена не было. Единственным способом доставить послание были гонцы. Добраться из Корсуни в Константинополь можно было только морским путем. Давайте смоделируем ситуацию. Расстояние от Крыма вдоль побережья Болгарии в столицу Византии составляет около 600 км. Это расстояние корабли могли преодолеть дней за 8–10. Надо учитывать и то время, когда посольства находились на суше, ожидая решения

той или иной стороны. По ПВЛ три раза Владимир отправляет послов и три раза (вместе с приездом Анны) византийцы отправляют свое посольство в Корсунь. Так вот только по очень скромным подсчетам обмен посольствами в том виде, как он изложен в Повести, составляет 1,5–2 месяца. Конечно, это нереально, учитывая сложную военно-политическую обстановку в Византии. Да и Владимир ждет все это время в Корсунь. Я подвожу читателя к мысли, что все эти сюжеты с обменом посольствами осуществлялись только под пером Летописца. На бумаге все это выглядит гладко, а в жизни нереально.

Исследователи уже неоднократно отмечали мифологичность летописного сюжета сватовства Владимира к Анне. Он удивительным образом похож и на сватовство к Рогнеде, только здесь в роли отца невесты выступают братья. И в первом, и во втором случаях Летописец вспоминает языческий сюжет о завоевании непокорной невесты, так широко распространенный в среде индоевропейских народов. Все это позволяет утверждать, что эта часть «корсуньской легенды» сама является легендой, выдумкой Летописца, вставленной в контекст летописи в конце XI века, когда и оформилась сама легенда.

И вновь вернемся к летописи. Казалось бы, никаких преград для крещения Владимира нет! Он получил все, что желал, в том числе и царскую невесту. Но, судя по тексту летописи, князь и здесь не торопится креститься. Летописцу нужно чудо! И оно совершается. Судя по всему, за дело берется сам Бог: сколько можно испытывать веру! Он посылает на Владимира слепоту. Прибывшая царица советует князю креститься, чтобы избавиться от болезни. Владимир вновь начинает торговаться с Богом: «Си слышав Володимер, рече: „Да аще истина будеть, то поистине велик бог будеть хрестеянеск”» [там же, с. 77]. Только после этого слепой князь приказывает крестить себя. «Епископ же корсуньский с попы царицины, огласив, крести Володимира. Яко възложи руку на нь, абье прозре. Видив же се Володимер напрасно ицеленье, и прослави бога, рек: „Топерво уведех бога истиньнаго”» [там же]. Моментально после крещения князь прозревает. Я хочу отметить, что Летописец даже не пытается описать сам процесс крещения Владимира, как нам этого бы хотелось. Он акцентирует вни-

Крещение князя. Владимира. Фреска работы В. М. Васнецова в киевском Владимирском соборе. Конец 1880-х гг.

мание на широко известном в агиографической литературе чуде о прозрение человека в результате крещения, уводит читателя от реальности в мир христианской мифологии. Как-то неуместной выглядит и фраза о том, что только сейчас Владимир познал истинного бога!

«Се же видевшие дружина его, мнози крестяшася» [там же]. Летописец говорит о крещении дружинников князя, при этом приводит четкие историко-топографические ориентиры: «Крести же ся в церкви святого Василья, и есть церкви та стоящи в Корсуне граде на месте посреди града, идеже торг деють корсуняне; полата же Володимеря с края церкви стоять и до сего дне (до времени написания «Корсуньской легенды»), а царица полата за олтарем» [там же]. Такое известие мог сохранить лишь корсунянин, хорошо знающий город, участ-

вовавший в этих событиях и являющийся, очевидно, автором этого повествования.

Ну, а что же Анна? О ней Летописец вроде бы даже забывает. Как-то мимоходом отмечается такой важный акт, как венчание Владимира с Анной: «По крещеньи же приведе царицу на браченье» [там же]. Вот и все. О таком грандиозном событии, как женитьба вчерашнего языческого князя на «багрянородной» византийской принцессе, сказано так скупо. Ведь Владимир – северный варвар, входил в императорскую семью, становился шурином Василия и Константина, становился частью провизантийского христианского мира, и обо всем этом всего два слова. В тексте даже «царица» не названа по имени! Остается только догадываться о причине такой скупости источника. На ум приходит несколько доводов. Довод первый: Анна оказалась такой «красавицей», что Владимир, очень разборчивый в женщинах, ужаснулся и постарался поскорее забыть об этом событии. Могло такое быть? А почему нет. Довод второй: Владимир добился главного. Ему в меньшей степени нужна была новая жена. Он женился на багрянородном титуле, он породнился с царственной семьей и сам стал одним из избранных. Много позже один из его потомков Великий князь Иван III женится не столько на женщине по имени Зоя Палеолог, сколько на символе погибшей Византии. Так и Владимир. Он сам становится царем, базилевсом.

Как эта часть ПВЛ созвучна с той, где говорится о крещении Ольги в Константинополе, где она «переключала» (перехитрила) византийского императора и патриарха.

Далее в ПВЛ следует текст, вообще абсолютно не связанный с текущими событиями. На страницах летописи вновь появляется некий проповедник, который якобы внушает Владимиру правильность выбранной веры. Основной темой проповеди является неприятие учения от «латинян», т. е. католиков. С корсуньскими событиями этот текст явно не связан и указывает на более позднюю вставку в текст какого-то учения конца XI века, когда уже осуществился раскол христианской церкви.

Руины Херсонеса и собор Св. Владимира

«(Володимер же посем поем после взял) царицю, и Настаса, и попы корсуньски, с мощами святого Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себе» [ПВЛ, т. 1, с. 80]. Владимир, судя по летописи, выступает победителем. Нет, он не упрашивал гордую Византию о приобщении его к христианской вере, он завоевал это право. На правах же победителя он благосклонно отдает грекам Корсунь в «вено» – выкуп за невесту, свадебный подарок князя. Владимир не как бедный родственник вошел в императорскую семью, а с гордо поднятой головой, как властелин ситуации. В честь этого важного события киевский князь приказал построить церковь в центре города.

В тексте не случайно упоминается Анастас и «попы корсуньские». Они реальные лица. Анастас помогает Владимиру захватить Корсунь и становится в дальнейшем главной действующей фигурой в последующей христианизации Руси. Ему Владимир поручает Десятинную церковь, он вплоть до времени Ярослава руководит русской церковью. В процессе становления новой религии требовался большой штат церковнослужителей. Сюда вошло то духовенство, что прибыло с Анной из Константинополя и местное корсуньское. Мощи святых, церковную утварь Владимир забирает не как военную добычу, а как необходимый атрибут в предстоящем крещении Руси.

Легкую насмешку вызывает у летописца сообщение о взятии с собой двух медных идолов и четырех медных коней, которые «и ныне стоять за святою Богородицею». Корсунь, как один из древнейших греческих городов-полисов, конечно же, был украшен и в христианское время античными фигурами. Их качество исполнения, совершенство форм не могли не поразить вчерашнего язычника.

Для чего и почему в ПВЛ появился рассказ о крещении князя Владимира именно в Корсуне? Очевидно, прежде всего потому, чтобы убедить всех, что чудесное крещение произошло именно в этом городе, что именно корсунскому духовенству обязан князь своему крещению, приписать себе всю пальму первенства христианизации Руси. И, мне кажется, навязать обществу свою версию крещения Владимира. Недаром в ПВЛ автор этого сюжета гневно отвергает все другие версии крещения Владимира, бытовавшие в то время: «Се же не сведуще право (не знающие истины), глаголють, яко крестилъся естъ в Киеве, инии же реша: в Василеве, друзии же инако скажутъ» [там же]. Кому было выгодно создать версию крещения князя Владимира в Корсуне и утвердить ее в дальнейшем в общественном сознании? Вывод, мне кажется, однозначен: Анастасу и его окружению. Человек, предавший своих сограждан, втершийся в доверие к князю и ставший его главной опорой в христианизации Руси. Именно Анастаса и его ближайших сподвижников заберет Владимир с собой в Киев и отдаст в их руки руководство русской церковью. Разве могли они допустить, чтобы такое мероприятие, как крещение киевского князя прошло мимо них, что совершилось не в Корсуне, а в другом месте, и они были бы не при деле?! И в результате всего вышеизложенного я прихожу к выводу, что эпизод с крещением князя Владимира в Корсуне выдуман этими людьми и искусственно вставлен в текст ПВЛ. А как же было, с моей точки зрения, на самом деле? Попробуем разобраться.

Глава 4. Русь, Византия, Болгария в конце X века и крещение Владимира

Понять обстоятельство крещения князя Владимира можно лишь на фоне анализа событий, происходивших на Руси, Балканском полуострове, Византийской империи в период 80–90-х годов X века. Начать необходимо со времени смерти в 976 году византийского императора Иоанна Цимисхия. Империя в результате этого впала в тяжелую и продолжительную гражданскую войну. Наследовали Цимисхию два сына императора Романа II Василий и Константин. На момент воцарения им было соответственно девятнадцать и семнадцать лет. Собственно соправителями они были с 963 года. Но после трагической гибели отца вследствие их малолетства опекунами императоров стали последовательно Никифор Фока и Иоанн Цимисхий, захватившие

*Василий II, коронуемый ангелами.
Миниатюра псалтыри Василия II*

престол. Но ни один, ни другой не были царской крови и формально выполняли роль опекунов при малолетних наследниках. И вот теперь настал их черед. Но и здесь получилось не сразу. После смерти Цимисхия власть в Константинополе узурпировал паракимомен (глава правительства империи) евнух Василий. Командующим войсками при Цимисхии был Варда Склир – талантливый полководец, пользующийся большой популярностью в народе. Борясь за власть, паракимомен Василий сместил Варду Склира с должности главнокомандующего и назначил его стратигом фемы Анатолик в Малой Азии (наместником военно-административного округа). Это явно оскорбило полководца и, пользуясь своим значительным влиянием и обладая большими ресурсами в Малой Азии, он поднял восстание против центральной власти. В 976 году Варда Склир провозгласил себя императором. За короткий срок ему удалось подчинить практически всю Малую Азию. Ускоренными темпами Склир продвигался к Константинополю, намереваясь захватить столицу. Сил, а главное военного опыта, у императоров не было, и они прибегли к очень неординарному шагу: вызволили из заточения злейшего врага Склира Варду Фоку. При императоре Цимисхии Варда Фока, племянник покойного императора Никифора, предпринял попытку государственного переворота, но был разбит верными императору войсками под руководством Варды Склира. Фока был пострижен в монахи и сослан на остров Хиос в один из тамошних монастырей, но обиду и ненависть к Склиру сохранил на всю жизнь.

Сбросив монашескую рясу, Варда Фока собрал верные императорам и ему войска, и началась затяжная борьба двух противников, охватившая чуть ли не всю Малую Азию. Дважды Варда Фока терпел поражения, но каждый раз избегал окончательного разгрома и уходил от преследователей. Помощь пришла к нему от грузинского князя Давида, который прислал Варде Фоке 12-ти тысячное армяно-грузинское войско. С его участием Фока в решающем сражении на реке Галис разгромил войска Варды Склира. Побезденный бежал в Багдад, где арабский халиф, не желая портить отношения с Византией, заключил его в темницу. Варда Фока после этой победы удостоился

триумфа в Константинополе, но вскоре был удален из столицы тем же паракимоменом Василием, боящимся конкурентов. Он был назначен наместником фемы (военно-административный округ) Антиохии в Малой Азии.

Казалось бы, ситуация в Византийской империи стабилизировалась. Но здесь опять резко обострились болгаро-византийские отношения. После покорения Цимисхием в 973 году болгарское государство потеряло свою независимость. Как символ покорности скипетр болгарских царей был возложен в Софийском соборе города Константинополя, а болгарский царь Борис был низведен до титула магистра, а его младший брат Роман по приказу императора был оскотлен [Присёлков, с. 17]. Но на этом борьба не закончилась. На западе Болгарии вспыхнуло восстание, которым руководили сыновья одного из князей македонской династии Николая – Давид, Моисей, Аарон и Самуил. Цимисхию удалось на время покорить восставших, но после его смерти восстание вспыхнуло с новой силой. В кратчайший срок были освобождены не только западные провинции, но и земли, ранее захваченные Византией. Образовалось новое болгарское государство македонской династии, которым стал править младший из братьев Самуил. В то же время была восстановлена независимость болгарской церкви и возродилась болгарская патриархия.

Воспользовавшись тем, что основные силы империи были брошены на подавление Варды Склира и находились в Малой Азии, болгарские войска активизировали свою деятельность и к 980 году захватили Дунайскую Болгарию и практически восстановили былые границы Первого Болгарского царства. В 986 году византийский император Василий II (будущий Василий-Болгаробоец), к этому времени освободившийся от навязчивой опеки евнуха Василия, лично повел войска на покорение Болгарии. Но первый его самостоятельный военный поход закончился крахом. В начале его войска окружили город Средец (Софию), но подоспевшие болгарские войска вынудили его снять осаду и отступить в горы. Там в узком ущелье Траяновы Врата византийское войско было окружено и фактически полностью уничтожено. Василию с небольшой горсткой воинов удалось вырваться из

окружения и бежать в Константинополь. Ободренные успехом, войска Самуила отвоевали всю восточную Болгарию, захватили город Фессалоники, а также крупнейший порт на Адриатике – Диррахию.

Сложившейся на Балканах ситуацией воспользовался киевский князь. Обратимся вновь к Повести Временных лет. В ней под 6494 (985 годом) говорится о походе Владимира на болгар: «Иде Володимер на Болгары с Добрынею, с уем дядей своим, в лодьях, а торьки берегом приведе на коних: и победи болгары. Рече Добрына Володимеру: „Съглядах колодник и суть вси в сапозех. Сим дани нам не даяти, пойдем искать лапотников”. И сотвори мир Володимер с болгары, и роте заходиша межю себе, и реша болгаре: „Толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонуть”. И приде Володимер Киеву» [ПВЛ, т. 1, с. 59]. Рассказ летописи в общем-то малоинформативен. В нем так же автор, помимо реального похода на болгар, вставляет эпические фольклорные сюжеты. Так, Добрыня, увидев, что пленные все обуты в сапоги, предлагает князю, что лучше идти завоевывать людей, обутых в лапти, почему-то считая, что те дадут больше дани. И, конечно же, клятва болгар, клявшихся, что мир будет до тех пор, когда камень начнет плавать, а хмель тонуть, стала со временем поговоркой.

Первый вопрос, который возникает: на каких болгар идет войной Владимир – на волжских или балканских. В летописи об этом не говорится. В исторической литературе существуют две противоположные версии. Одни авторы считают, что поход был предпринят на волжских булгар, другие – что Владимир продолжил политику своего отца и воевал на Балканах. С моей точки зрения, поход на Волгу (в том виде, как он описан) маловероятен. На ладьях из Киева на Волгу не пройдешь: для этого надо подниматься вверх по Днепру, затем совершать невероятно трудный переход (волоком ладьей) в акваторию Оки. Данный район во времена Владимира еще был неславянизирован и заселен враждебными финно-угорскими племенами. Да и как могли по берегу сопровождать войско в ладьях Владимира кочевые торки, преодолевая непроходимые лесные дебри. Это только легендарный Илья Муромец мог «дорогой неезженной» преодолеть

это расстояние и попасть из Мурома в Киев. Между тем походы киевских дружин в ладьях в сопровождении конных отрядов, идущих вдоль берега на Балканский полуостров, известны еще со времен Аскольда и Дира. Здесь достаточно вспомнить, что Святослав, отступая после поражения от Цимисхия, основное свое войско отправил на Русь в ладьях, а Свенальд отступал конно.

Интересное известие встречаем у В. Н. Татищева. Он пишет: «Владимир, собрав воинство великое и Добрыню, вуюя своего, призвав с новгородцы, пошел на болгары и сербы в лодиах по Днепру, а конная войска русские, торков, волынян и червенских послал прямо на землю Болгарскую, объявив им многие их нарушения прежних отца его и брата договоров и причиненные подданным его обиды, требуя от них награждения. Болгары же, не хотя платить онаго, но совокупившись со сербы, вооружились противо ему. И по жестоком сражении победил Владимир болгаров и сербов и поплени земли их, но по прозьбе их учинил мир с ними и возвратился со славою в Киев, взятое же разделил на войско и отпустил в дома их» [Татищев, т. 2, с. 57-58]. В данном рассказе содержится такая конкретная детализация похода, что подвергать ее сомнению не приходится и я склонен более доверять сообщениям В. Н. Татищева, нежели ПВЛ.

Сопоставляя источники, прихожу к убеждению, что князь Владимир осуществил победоносный поход именно на Балканы, причем лично командуя войсками. И в этом есть определенная историческая логика. После чувствительного поражения Святослава и последующей за этим братоубийственной войны на Руси влияние Киева на Балканах резко снизилось, если не сказать, что пропало совсем. Честолюбивый Владимир, став властелином Руси, не забыл о планах отца утвердиться на Балканах. Он помнит, что в нем болгарская кровь, что он также может быть наследником болгарского царства. И, судя по Татищеву, Владимир предпринял грандиозный поход в Болгарию. Этому способствовала и внешнеполитическая ситуация. В 985 году Василий II начинает войну с болгарами. Вполне логично предположить, что Владимир избрал этот момент, чтобы вновь утвердиться на Балканах. А вот на чьей стороне воевал Владимир, кто были его союзни-

ками и противниками в этой войне, сказать трудно. Русские источники, бесспорно, говорят о войне с болгарами, но в союзе ли с Василием? Если был союз русских с византийцами против Самуила, то вряд ли греки потерпели бы сокрушительное поражение у Траяновых Врат, да и Яхья Антиохийский называет русов врагами империи («а они его враги»). Значит, в союзе с Самуилом? Но почему тогда все русские источники говорят о победе над болгарами? Можно лишь предположить, что, вступив в борьбу в момент болгаро-византийской войны, Владимир действовал сам по себе. Объектом его притязания была Дунайская Болгария, бывшая ранее покоренной Святославом. И в 90-е годы на этой территории проживали как союзники руссов, сдавшие во времена Святослава ему 80 городов, так и значительная часть, выступавшая за союз с Византией. Вот, очевидно, против вторых и выступал Владимир, покорив их и став на время врагом Империи.

В Иакимовской летописи мы находим важное известие о крещении князя Владимира во время его болгарского похода: «...иде Владимир на болгары и, победя их, мир учини и *прият кресчение сам и сыновья его, и всю землю Русскую крести* (выделено автором – В. Е.). Царь же болгарский Симеон присла иерей учени и книги довольны» [Татищев, т. 1., с. 112]. В. Н. Татищев безусловно ошибается, назвав болгарского царя Самуила Симеоном. И тем не менее к этому известию в рамках нашего исследования надо внимательно присмотреться. Крещение Владимира, по Иакимовской летописи, произошло в Болгарии и от болгарской церкви, в результате заключенного мирного договора. Именно в славянской, болгарской среде встретил Владимир единомышленников, способных крестить его самого и его народ. Текст договора, условия, прописанные в нем, обстоятельства крещения Владимира история не сохранила. И все же этому сообщению, мне кажется, надо верить. Византийский поэт Иоанн Геометр в эпиграмме «Против болгар» явно намекает, что между болгарами и Русью был заключен антивизантийский союз [Пашуто, с. 73].

По обычаям того времени дипломатический союз скреплялся династическим браком. И действительно, в перечне детей Владимира в ПВЛ под 980 годом читается: «...а от болгарыни – Бориса и Глеба»

[ПВЛ, т. 1, с. 57]. В ПВЛ четко отмечается рождение братьев от болгарыни, неизвестной нам по имени. На это же указывает и Иакимовская летопись: «Болгарыня, от нея Борис, нареченный отцем на великое княжение, был в Ростове; Глеб муромский; оба убиты от Святополка 1015-ого» [Татищев, т. 1, с. 373]. Литература борисоглебовского цикла также отмечает, что братья рождены от болгарыни. Более того, все произведения этого цикла утверждают, что братья рождены от матери царских кровей. Логично предположить, что Владимир, заключив мирный договор с Самуилом, скрепил его династическим союзом с родственницей (сестрой, дочерью (?)) болгарского царя. Возможно, ее звали Анна, так же, как и греческую царевну. М. Д. Присёлков обратил внимание, что владимировы сыновья Борис и Глеб носили христианские имена Роман и Давид. Борис получил христианское имя в честь болгарского царя Романа, а Глеб в честь основателя македонской династии Давида [Присёлков, с. 28].

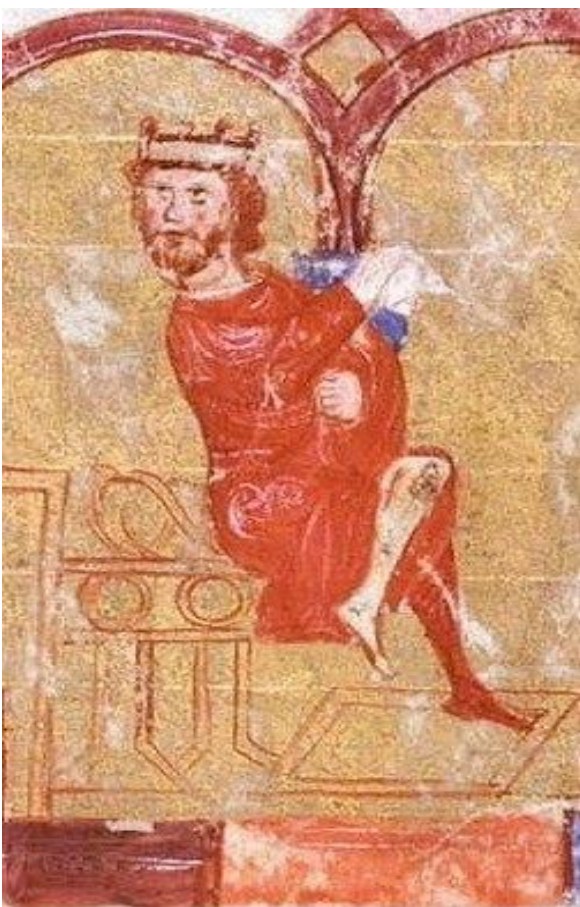
Судя по ПВЛ и Иакимовской летописи, Владимир после удачных военных действий, крещенный и с болгарской царевной Анной возвратился в Киев.

А между тем ситуация для византийских императоров еще более усложнилась после того, как против них поднял мятеж теперь уже Варда Фока. Полководец пользовался большой популярностью в войсках и активно поддерживался малоазиатской аристократией. Византия вновь оказалась на грани раскола. Узнав о разгроме войск Василия II болгарскими, багдадский халиф выпустил из плена Варду Склира, дав ему войско, состоящее из армян, курдов, арабов. С его помощью халиф надеялся создать противовес Византийской империи на границах с арабским халифатом. Противники вновь сошлись на поле брани. Но Варда Фока изменил тактику: вместо военных действий он предложил Склиру союз против Василия II и раздел сфер влияния. Разгромив войска императора, он надеялся и поделить империю: Варде Фоке доставалась бы ее европейская часть, Варде Склиру – ее азиатская. Противники на переговорах согласились на такое решение, но во время второй встречи вероломство Варды Фоки выплеснулось наружу: он, воспользовавшись тем, что Склир прибыл с малым отрядом, арестовал своего

несостоявшегося союзника и заключил его в одну из малоазиатских крепостей. Одержав первую победу, Варда Фока стремительно реализует свои планы. Уже 8 сентября 987 года он был провозглашен малоазиатской аристократией византийским императором. Развивая успех, Варда Фока стремительно продвигается к Константинополю, и к началу 988 года его войска вышли к Мраморному морю, захватив город Хрисополь, расположенный как раз напротив Константинополя.

Положение византийских императоров оказалось критическим. Верных Константинополю сил становилось все меньше и меньше, войска переходили на сторону Варды Фоки. Спасти династию могла только внешняя сила. В этой ситуации Василий II проявил себя очень деятельным правителем. Он не опустил рук, а стал лихорадочно искать выходы из создавшегося положения. Император отправляет посольство к каирскому халифу, надеясь на его помощь, а самое главное – обращается за военной помощью к Владимиру Святославичу. И здесь мы

*Василий Болгаробойца
из хроники Иоанна Скилицы*

отправляем читателя к самому ценному источнику, объясняющему сложившуюся ситуацию, – к известиям Яхья Антиохийского. Полное его имя: Яхья ибн Саид ибн Яхья аль Антаки. Родился он где-то в 70-е годы X века в Египте. В начале XI века Яхья переселяется в Антиохию и принимает христианство. Врач по образованию, Яхья становится одним из самых компетентных писателей своего времени. Он оставил описание византийской истории от смерти Иоанна Цимисхия в 973 году до 1031 года. Для нас наиболее важными являются события с 986 по 989 годы.

Яхья ничего не знает о взятии Корсуни Владимиром и о крещении

в ней киевского князя. Для него главным было описать события, произошедшие в Византийской империи, и возвеличить творца побед – Василия II. Он пишет: «и стало опасным дело его, и был им озабочен царь Василий по причине силы его (Варды Фоки) войск и победы его над ним. И истощились его богатства и побудила его нужда послать к царю русов, – а они его враги, – чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении. И согласился он на это. И заключили они между собой договор о свойстве, и женился царь русов на сестре царя Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий. И не причисляли себя русы тогда ни к какому закону и не признавали ни какой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, и они крестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране русов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска также и соединились с войсками греков, которые были у царя Василия, и отправились все вместе на борьбу с Вардою Фокою морем и сушей в Хрисополь. И победили они Фоку, и завладел царь Василий приморскою областью, и захватил все суда, которые были в руках Фоки» [Древняя Русь..., 2001, с. 232].

Давайте внимательно разберем основные положения процитированного выше источника. Яхья прямо говорит о критическом положении византийских императоров. В силу сложившейся ситуации Василий II решается на крайний шаг: обратиться за помощью к своему врагу – киевскому князю. Владимир соглашается, но ставит условие: заключение военного союза должно быть закреплено женитьбой его на сестре императоров. Это был вызов, гордый вызов! Владимир хочет породниться с византийскими императорами, стать их шурином! Знали ли в Византии, что киевский князь уже крестился в Болгарии и привез оттуда себе жену? По-видимому, нет, иначе бы в тексте по-другому ставился вопрос о крещении князя и его страны. Яхья не конкретизирует: когда и каким путем отправляют Анну к Владимиру, это нам предстоит додумать.

Когда же и куда отправляют византийские императоры своих послов с мольбой о помощи? Вероятно, это произошло весной 988 го-

да, когда войска Варды Фоки подошли к Константинополю. И отправлено было это посольство в Киев, где в это время князь Владимир праздновал свою балканскую победу. В «Повести» под 986 годом содержится повествование о выборе веры князем Владимиром, где среди прочих присутствуют и греческие миссионеры. Правда, в тексте ничего не сказано о дипломатических переговорах и просьбе Византии военной помощи, как, впрочем, и о многом другом.

В странном положении оказался Владимир. Ведь он заключил договор с Самуилом, мог заключить договор с Вардой Фокой и победоносно войти в Константинополь. Но он выбирает еще один союз с действующими, легитимными, как мы бы сейчас сказали, императорами. И в этом была, очевидно, своя логика. Поколения русских князей, на-

Константин VII Багрянородный

чиная с Аскольда, добивались признания надменной Византией Русского государства из северного «варварского» мира. И вдруг с мольбой о помощи, с поклоном в Киев прибывает византийское посольство, готовое на любые условия, лишь бы спасти империю константинопольских правителей. И самое главное, Владимир мог диктовать условия. Суть переговоров сводилась к следующим факторам. Владимир оказывает военную помощь. В ответ на это византийские императоры отдают Владимиру в жены их сестру, тем самым, включая его в родственный круг. И вторым условием было крещение самого князя и его народа. Маловероятно, чтобы сами греки, отправляясь к киевскому князю, предлагали ему в качестве отступного женитьбу на их царевне. Скорее всего,

это было условие Владимира, условие жесткое и доселе неприемлемое для Византии. Чванливость империи по отношению к «варварскому» миру складывалась столетиями. Константин Багрянородный в своем поучении «Об управлении империей» прямо негодует от возможности династического брака представителя царского дома с «варварами»: «Если когда-либо народ какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, т. е. либо дочь его получить в жены, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жены или сыну Василевса, должно тебе отклонить эту их неразумную просьбу» [Константин, с. 59]. Незадолго до описываемых событий император Никифор Фока с гневом отверг предложение германского императора Оттона I выдать замуж за его сына византийскую царевну: «Неслыханное дело, чтобы багрянородная дочь багрянородного императора могла быть выдана за иноземца». И вдруг такое требование северного варвара! Вряд ли византийская делегация могла самостоятельно, без совета с Василием, решить этот вопрос. В Византию были отправлены гонцы, чтобы получить заключение императоров. Сама Анна категорически отказывалась выйти замуж за Владимира. Покинуть Константинополь, чтобы связать свою жизнь с северной варварской страной, выйти замуж за язычника, у которого к этому времени было уже несколько жен, – все это казалось для нее ужасом. Арабский писатель Абу Шуджа, сглаживая чувства, лишь приводит некоторые доводы Анны: «... Он (Владимир – *В. Е.*) предложил им отдать ему в жены их сестру, но та отказалась по той причине, что жених разнится с нею верою; переговоры закончились тем, что царь русов принял христианство. Союз был заключен и принцесса отдана ему» [Поппэ, с. 248]. Еще острее вторит этому сообщению ПВЛ. Летопись передает слова Анны, якобы ею сказанные после того, как братья ее уговорили: «Она же не хотяще ити: „Яко в полон – рече – иду, лучше бы ми сде умрети”» [ПВЛ, т. 1, с. 76].

О самой Анне мы практически ничего не знаем. Есть лишь сообщение византийского автора Скилицы о ее рождении. Оно последовало сразу же после смерти ее отца Романа II: «Его власть наследуют дети его Василий и Константин вместе с матерью Феофано, родившей

ему за два дня до смерти и дочь, которую назвала Анной» [Древняя Русь..., с. 110]. Роман II умер 15 марта 963 года, значит, Анна родилась 13 марта. На момент описываемых переговоров Анне было 23 года, что для невесты уже достаточно солидный возраст. Но Владимира это не волновало, да он и не видел ни разу свою невесту! Он стремился породниться с Византией, стать шурином византийских императоров и тем самым войти в этот мир избранных.

Сразу же после заключения союзнического договора Владимир стал готовить свои войска в новый поход. Может быть, с этим эпизодом связан сюжет в ПВЛ об отправке в Константинополь варяжского корпуса после завоевания Киева? Поход мог начаться не ранее апреля 988 года, после того, как Днепр освободится полностью ото льда. По «Памяти и Похвале» Владимир крестился в 987 году, что согласуется с нашими рассуждениями о крещении князя в Болгарии. Тогда становятся понятными слова монаха Иакова: «На другое лето по крещении к порогам ходи, на третье лето Корсунь город взя» [Голубинский, 1997, с. 245]. Ранней весной 988 года, заключив договор с Византией о военной помощи, Владимир отправил свои войска на борьбу с противниками византийских императоров. Дойдя до порогов, он разделил свое войско на две части: одна отправилась в Константинополь, а другая, которую Владимир возглавлял сам, на завоевание взбунтовавшейся Корсуни.

Помимо Яхья Антиохийского о разгроме Варды Фоки императором Василием II и русскими войсками сообщают и византийские источники, но они очень скупы на описание произошедших событий. Так, Кедрин сообщает, что «император Василий много убеждал патриция Дельфину, соучастника в бунте В. Фоки, отступить от Хрисополя и не мог убедить. Изготовив ночью суда и посадив на них руссов – ибо он успел призвать их на помощь и сделать их князя своим зятем, женив его на сестре своей Анне, неожиданно переправляется с ними. И, напав на врагов, легко овладевает последними» [Карташев, с. 115]. Почти дословный текст встречается у Зонары и Михаила Пселла.

Для нас здесь важнейшим сообщением является то, что византийские и арабские авторы считали, что на момент сражения у Хри-

сополя Владимир уже был женат на Анне и, особо отмечаю, что женитьба на Анне у них никак не связана со взятием Корсуни. Это еще один раз отвергает Корсунскую версию женитьбы.

Итак, русские войска прибыли вовремя. Василий, соединяя верные ему войска с прибывшим русским корпусом морем и сушей стремительным походом оказался около Хрисополя. Мятежники были разгромлены. После этой победы Василий II возвратился в Константинополь, чтобы перегруппировать свои войска и подготовить их к новому походу. В апреле 989 года в битве при Абидосе войска Варды Фоки потерпели сокрушительное поражение, а сам Варда погиб. Но на этом военные действия не были прекращены. Василий II двинул свои войска против восставших Склира и сына Варды Льва и разгромил их. После этого последовали военные действия против болгар, которые к этому времени разорили византийские земли вплоть до Солуни. В марте 990 года войско Василия II добились победы и над ними. Все это время в составе войска византийского императора активную роль играют посланные Владимиром русские войска.

Армянский историк, автор «Всеобщей истории» Степанос Таронаци по прозвищу Асохик («говорун») сообщает, что в 1000 году византийский император Василий II с войсками, состоящими из греков, русских и грузин пошел в Иверетию, чтобы подчинить ее. Дело в том, что умерший иверийский князь Давид Куропалат завещал Василию свою страну, но надо было силой подавить сепаратистские тенденции местной аристократии: «В самый день отъезда последнего в греческом лагере произошла сильная схватка из-за ничтожной причины. Князья и вассалы куропилата Давида, прибывшие туда, стояли недалеко от греческого лагеря. Из пехотного отряда Рузов (Русов – *В. Е.*) какой-то из воинов нес сено для свой лошади. Подошел к нему один из Иверийцев (грузин – *В. Е.*) и отнял у него сено. Тогда прибежал к Рузу на помощь другой Руз. Ивериец кликнул к своим, которые, прибежав, убили первого Руза. Тогда весь народ Рузов, бывший там, поднялся на бой: их было 6000 человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя рузов в то время, когда он выдал сестру свою замуж за последнего. В это же самое время Рузы уверовали во Христа» [Василевский, с. 91].

Численность русского войска Асохик определил в 6000 человек. Значит ли, что это составляет общую численность посланных Владимиром русских войск. Скорее всего, нет. За прошедшее время, участвуя во всех сражениях, русские войска несомненно несли определенные потери, и 6000 человек – это то, что осталось от первоначального военного соединения. Важно отметить, что и десятилетие после подавления восстания Варды Фоки русские выступали как верные союзники, выполняющие условия договора и играющие одну из главных ролей в военных мероприятиях византийских императоров.

Летопись не дает нам ответа на вопрос: на чьей стороне в этот момент находилась Корсунь – на стороне Василия II или Варды Фоки? В контексте ПВЛ, так вроде бы город был на стороне официальной византийской власти. Тогда возникает несуразица. Выходит, что Владимир отправляет свои войска на помощь византийскому императору и параллельно с этим идет против него, захватывая Корсунь. Первый исследователь хроники Яхья Антиохийского барон В. Р. Розен дал такое объяснение: «Возможен только один ответ: Корсунь была взята с целью принудить Василия к исполнению какого-нибудь или каких-нибудь существенных условий договора» [цит. по: Пресняков, 2014, с. 148]. А дальше барон рассуждает, что византийцы, избавившись от опасности при помощи русского войска, проявили коварство. Они отказались выполнять условия союзнического договора и выдавать замуж за северного варвара свою сестру. И тогда Владимир предпринимает поход на Корсунь, захватывает этот город и силой заставляет греков отдать в жены Анну. Вот эта позиция исследователя на долгие годы стала генеральной линией объяснения и причин похода, и крещения Владимира, и его женитьбы на Анне. Историки, публицисты, писатели по-разному пытались ответить на самый острый вопрос: а почему Владимир идет походом на Корсунь, а не на Константинополь? Ведь дорога проторена, в Византии находятся русские войска, и именно там легче наказать строптивых императоров.

Объяснение появилось в трудах польского историка А. Поппэ [Поппэ, с. 240–286]. Он пошел от обратного: «поход Владимира на Херсонес был направлен не против Византийской империи, а, напротив,

имел целью поддержать законного византийского императора, шурина Владимира, и был направлен на подавление мятежа» [Поппэ, с. 252]. А далее исследователь приводит веские аргументы в пользу того, что на момент кризиса Византийской империи Корсунь оказалась на стороне Варды Фоки. Владимир, верный союзническому договору, подавил восстание мятежников и восстановил власть Византии в городе, а по ПВЛ отдал его «в вено» своим новым родственникам. Мне представляется, что точка зрения А. Поппэ очень аргументирована и логически выдержана, и я полностью ее поддерживаю.

Исходя из этого, предлагаю сделать некоторые предварительные выводы и восстановить цепь событий, связанных с крещением Владимира Святославича. В 986 году киевский князь заключает мирный договор с Болгарией, скрепленный женитьбой Владимира на болгарской царевне Анне. Здесь же, на болгарской земле, в 986 или 987 году он принимает крещение и возвращается на Русь. В начале 988 года мятежные войска Варды Фоки подходят к Константинополю. Над византийскими императорами нависает смертельная угроза, и они в спешном порядке отправляют послов в Киев. Владимир заключает военный союз и с Византией. По условиям договора Василий II и Константин VIII отдают в жены свою сестру Анну Владимиру, а тот оказывает военную помощь Византии. Уже летом 988 года русские войска прибывают в Константинополь, и с их помощью Василий II одерживает первую победу над мятежниками. А 13 апреля 989 года в битве при Абидосе были окончательно разбиты войска Варды Фоки. Русский военный гарнизон и далее будет присутствовать в составе армии византийских императоров, подавляя остатки мятежа и выполняя свои союзнические обязательства. Владимир Святославович по заключенному договору идет походом на мятежную Корсунь и к лету 989 года захватывает ее. Туда же прибывает византийская Анна, и в освобожденном городе осуществляется их венчание. После этого киевский князь в 990 году вместе с новой женой, корсуньскими попами возвращается в родной город и осуществляет крещение киевлян. Таким мне видится ход событий.

По существу, я отвергаю «корсуньскую версию» крещения Владимира. Но тогда надо ответить на вопрос: почему она утвердилась

в общественном сознании, и сегодня, как и сотни лет назад, излагается лишь летописная версия крещения князя и его людей? Чтобы на него ответить, надо снова вернуться к тексту ПВЛ и истории исследования летописи. «Се же не вседуше право (не знающие истины) глаголют, яко крестился есть в Киеве, инии же реша: в Василеве; друзии же инако скажутъ» [ПВЛ, т. 1, с. 77] – Летописец, обращаясь к своему невидимому оппоненту, всячески пытается убедить его в истинности именно корсуньской версии крещения князя. Но ведь он проговаривается, что существуют и другие варианты. Значит, на момент включения в летопись этого текста существовало, по крайней мере, три версии места и обстоятельств крещения Владимира. Снова зададим вопрос: кому было выгодно отстаивать «корсуньскую легенду»? Ответ лежит на поверхности: Анастасу-корсунянину и пришедшим с ним в Киев попам. Анастас стал главой Десятинной церкви, корсуньские попы – ее служителями. Они как никто другой лучше соответствовали желанию князя укрепить веру, а стало быть, и собственное положение. А стало быть, главной их задачей стало убедить общественное мнение о своей сопричастности к этому грандиозному проекту. Так и родилась «корсуньская легенда».

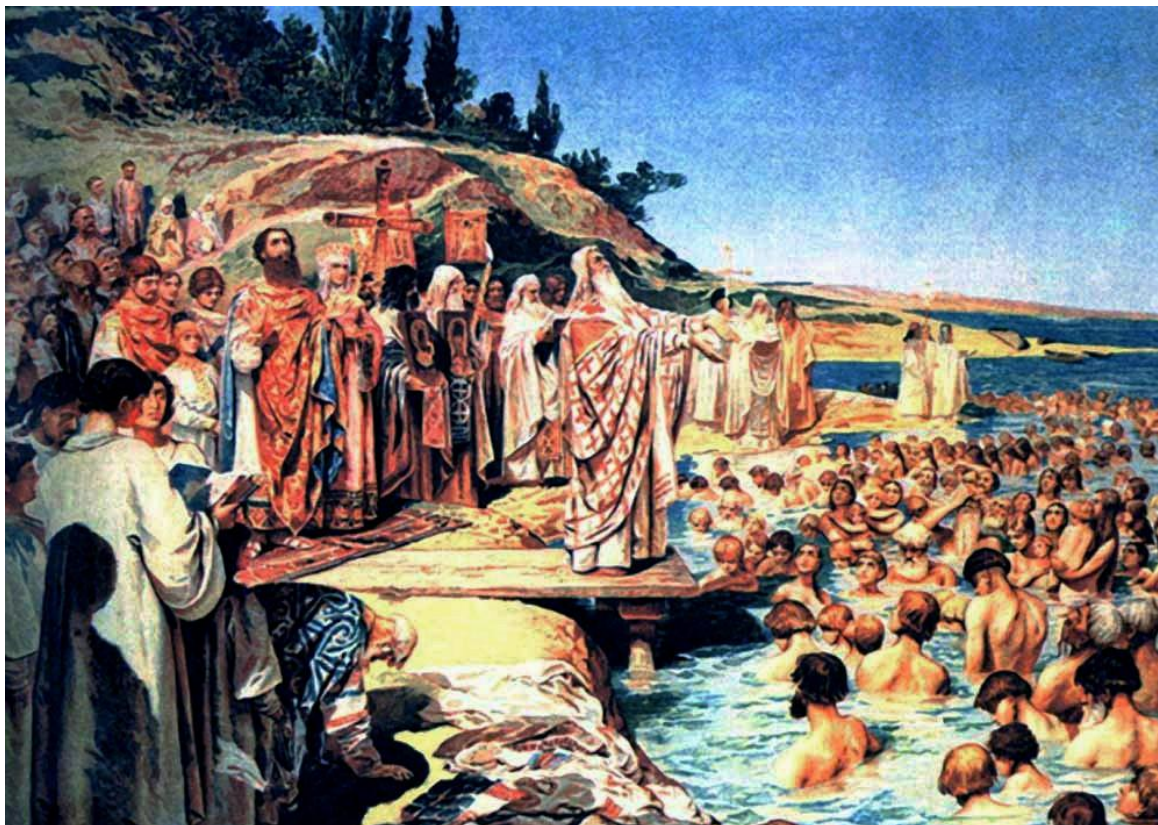
А. А. Шахматов считал, что к концу XI века получили распространение два сказания о крещении князя Владимира. Первоначальные их тексты до нас не дошли. В одном из них утверждалось, что Владимир крестился в Киеве после испытания вер и посещения греческого философа, что соответствует византийской традиции, когда крещение язычников происходит сразу же после проповеди, в другом была отражена «корсуньская легенда». В 90-е годы XI века они в переработанном виде вошли в русскую летопись. Но это была уже явно литературная переработка. Летописец создавал собственную версию, порой уже плохо сопоставимую с реальными событиями. Он изъяс практически все, что говорило бы о крещении Руси до Владимира, по своему пересмотрел различные версии крещения Ольги и Владимира. Поэтому до нас дошла Повесть, состоящая из хаотичного напластования различных источников, порой мало сопоставимых друг с другом.

Глава 5. Владимир-христианин

Летом 990 года Владимир возвратился в Киев [Рапов, 1984]. Теперь предстоял акт необычайно важный и чрезвычайно трудный – крестить киевлян, весь русский народ, сделать христианскую веру официальной. Предстояло разрушить вековые традиции народа, кардинально изменить менталитет людей. Словом, необычайно трудная и опасная работа. В «Повести Временных Лет» фиксируется первый акт этого драматического действия – свержение языческих богов: «повеле кумиры испроврещи (опрокинуть), овы исещи (изрубить), а другия огневи предати» [ПВЛ, т. 1, с. 80]. Особенно досталось деревянному изваянию Перуну: «повеле привязати коневы к хвосту и влещи (волочить) с горы по Боричеву на Ручей, 12 мужа пристави тети (колотить) жезльемь» [там же]. Летописец тут поясняет, что дело не в дереве, которое нечувствительное, а в людях. Их столько лет отмазывал бес, а сейчас оказался бессилён: «Вчера чтимь от человек, а днесь поругаем» [там же]. Сцена эта, конечно же, драматическая, прежде всего своей кощунственностью. Такое демонстративное надругательство над языческими богами, которым поклонялись из поколения в поколение, не могло пройти мирно. Истинные язычники не могли спокойно смотреть, как издеваются над их богами, и оказывали должное сопротивление. Княжеская власть подавляла их гнев силой, посредством массового принуждения. Летописец, правда, об этом молчит, лишь обмолвившись, что люди плакали, видя издевательства, осуществляемые над Перуном.

Владимир приказал сбросить Перуна в Днепр и сплавить его по течению: «Аще кде пристанеть, вы отривайте его от берега; дондеже пороги проидеть, то тогда охобитесь его» [там же]. За порогами идола выбросило на берег, и это место с тех пор называется Перуновой отмелью.

По меткому замечанию Петрухина В. А., здесь приведен «этикетный мотив», связанный с поруганием и взятый из хроники Георгия Амортала [Петрухин, 2002, с. 188]. Он же замечает, что пускать по воде в фольклорной традиции означает отправить на тот свет [там же, с. 187]. Исходя из этого можно предположить, что весь сюжет о ниспро-

Лебедев К. В. Крещение киевлян

вержении языческих богов описан не как реальное событие, а как некий символ прощания Руси с языческим миром. Тогда становится понятным фантастическое сопровождение плывущего Перуна до днепровских порогов. Символ заключается в том, что язычество изгоняется за пределы Руси.

Но это был лишь первый акт под названием «крещение киевлян». Совершив надругательство над языческими богами, Владимир приказывает всем жителям Киева: «...богат ли, ли убог, или нищ, ли работник» – на завтра явиться к Днепру для крещения. По тексту ПВЛ, киевские люди, еще не пережившие кошмара низвержения их богов, с радостью восприняли этот приказ: «се слышавше людье, с радостью идяху, радующиеся и глаголюще: „Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли”» [ПВЛ, т. 1, с. 80-81]. Это идиллическое настроение, однако, пропадает, когда между строк читается угроза князя: если кто не придет, тот будет ему врагом. Ничего себе – добровольность! Вот так случайно Летописец оговаривается и сразу же нарушается вся красочная картина крещения киевлян.

Но на этом драматизм события не заканчивается. Он раскручивается еще больше. На следующее утро всех жителей города согнали на берега Днепра: «и снидеса бесщисла людей. Влезоша в воду и стояху овы по шие, а друзии до персий, младии же по перси от берега, друзии же младенцы держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху» [ПВЛ, т. 1, с. 81]. Вот бы оказаться на машине времени и взглянуть на это событие! Дружинники сгоняют народ, как стадо в воду; здесь и старые, и молодые, и дети. Шум, крики, плач, радостные возгласы, церковное пение – все слилось в единую какофонию. На высоком берегу Днепра стоит Владимир и его ближайшее окружение. Все наблюдают за происходящим...

Конечно же, Летописец пытался создать оптимистический рассказ о крещении киевлян. На самом деле данное действие отличалось

Крещение Руси. Фреска работы В. М. Васнецова в киевском Владимирском соборе. 1896 г.

совершенно иной реальностью. Трудно себе представить киевлян, так безропотно подчиняющихся издевательству над своими богами и приобщаемых насильным путем к новой вере.

В Иоакимовской летописи, в отличие от ПВЛ, драматизм событий представлен значительно ярче. Летопись дает более развернутую характеристику события, выделяя ряд деталей, отсутствующих в ПВЛ. Впрочем, предоставим слово самой летописи: «По опровержении идолов и крещении множества знатных людей, митрополит и попы, ходяще по граду, учаху люди вере Христове. И хотя многие принимали, но множайшии, размышляя, отлагали день за день; инии закаменелые сердцем ни слышати учения хотели. Тогда Владимир послал по всему граду, глаголя: „Заутра всяк изидет на реку Почайну креститься. А ежели кто от некрещеных заутра на реке не явится, богат или нищ, вельможа или раб, тот за противника повелению моему причтется“. Слышавшие же сие, людие мнози с радостию шли, рассуждая между собою, ежели бы сие не добро было, то б князь и бояра сего не прияли. Инии же нуждою последовали, окаменелыя же сердцем, яко аспида, глуха затыкающе уши своя, уходили в пустыни и леса, да погибнут в зловерии их. Наутрие вышел Владимир сам с митрополитом и иереи на реку Почайну, где сошлося бесчисленное множество народа, мужей, жен, детей. И входя в воду, стояли иные до шеи, другие до персей, инии по колена, родители же мнози младенцев держали на руках, а презвитери, стоя на берегу, читали молитвы и каждой куне давали имена особыя мужем и женам. Крестившимся же людям отходили каждой в дома своя, которых число так велико было, что не могли всех исчислить» [Татищев, т. 2, с. 63]. Версия В. Н. Татищева нам представляется более реально описывает события, не сглаживая острых углов и обозначая проблемы. Отметим, что, по Иоакимовской летописи, крещение киевлян происходит не в Днепре, а его притоке Почайне. На это же указывает и другой источник – «Житие Владимира особаго состава».

Зададимся вопросом: почему о таком важном факте, как место крещения киевлян, разные источники трактуют по-разному? Ответ видится один: событие в ПВЛ описывает не очевидец, а автор, через

десятилетия излагающий собственное видение событий. На момент создания летописи детали этого действия забылись либо выскреблись из памяти религиозными фанатиками, и уже лет через пятьдесят митрополит Илларион, главный идеолог христианского учения середины XI века, восклицал:

«И всем быть христианами –
малым и великим,
рабам и свободным,
юным и старым,
боярам и простым,
богатым и убогим.

И не было ни одного, кто противился
благочестному его повелению.

Да если кто и не с любовью,
то со страхом пред повелевшим крестились,
ведь было благоверия его
с властью сопряжено.

И в единое время
вся земля наша
восславила Христа
с отцом и со святым духом» [Елагин, 2009, с. 237].

Крещение киевлян состоялось. Но впереди ожидался самый сложный и длительный этап: крещение всей Руси. Одно дело крестить Киев, где и так были сильны прохристианские настроения, другое – отдаленные города и особенно сельскую местность, куда новая религия проникала с трудом и где необычайно сильны были вековые традиции язычества. К глубокому сожалению, ПВЛ об этом важнейшем моменте христианизации Руси молчит. Летописец лишь отделявается общими словами: «И нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводить по всем градом и селом» [ПВЛ, т. 1, с. 81].

Даже о крещении новгородцев ПВЛ не обмолвилась ни словом. Между тем это второй по значимости город Руси, можно сказать, – политическая родина Владимира, откуда он пришел в Киев. Но летописца это не волнует. Может быть, он не знал, как были крещены

новгородцы? Маловероятно, так как известия о крещении Новгорода сохранились в новгородских летописях. Вот как это событие описывает Новгородская первая летопись младшего извода: «В лето 6497 (989 год). Крестися Володимир и вся земля Русская, и поставиша в Киве митрополита, а Новуграду архиепископа, а по иным градом епископи и попы и диаконы; и бысть радость всюду. И прииде к новугороду архиепископ Аким Корсунянин, и требища разруши, и Перуна посече, и повелеша влещи в Волхово; и поверзъше ужи, влечаху его по калу, биюще жезлеем; и заповеда никому же нигде же не прияти. И иде пидъблянин рано на реку, хотя горнъци (горшки) вести в город; сице Перун приплы к берви (берегу), и отрину и шестом: „ты, рече, перушице, досыти еси, пил и ял, а ныне поплочи прочь“; и плы к света окошьное» [НПЛ, с. 159–160].

Если сравнить приведенный текст с текстом ПВЛ, то явно заметна их схожесть. В Новгородской летописи появляется лишь местный колорит в виде жителя речки Пидблянка (?) – гончара, отправившегося утром на базар продавать свои горшки. Сколько иронии, даже злопыхательства вложено летописцем в уста простого гончара?! Уж он то вряд ли в то время был знаком с христианством. И тем не менее летописец счел нужным включить эту фразу в новгородский текст.

Еще одна информация содержится в Никоновской летописи XVI в. Сюжет этой летописи такой же, что в двух предыдущих: свержение Перуна и сбрасывание его в воду. Отличают от киевской версии лишь некоторые детали: Перун, проплывая по Волхову под мостом, бросает свою палицу на берег и какие-то новгородцы ее подбирают, «ею же ныне безумнии убивающесе утеху творят бесом» [ПСРЛ, т. 9, с. 58]. Новгородцы долгое время верили, что возникающие боины на Волховском мосту между Софийской и Торговой сторонами являются мстью Перуна за его поругание. И в Новгородской, и Никоновской летописях процесс крещения новгородцев представлен очень сглаженно: жители спокойно принимали надругательство над своими богами и беспрекословно покорялись всем действиям княжеских людей.

Иное восприятие действий мы встречаем в Иоакимовской летописи. В ней процесс крещения новгородцев более конкретен, присутствуют детали событий, которые мог описать только очевидец и которые не могут являться выдумкой Летописца. С моей точки зрения, он более правдив и достоверен, чем сообщения НПЛ и других летописей. Поэтому я привожу полный текст, дабы избежать возможных обвинений в предвзятости: «В Новгороде людие, уведавше, еже Добрыня идет крестити я, учиниша вече и заклашася вси не пустити во град и не дати идолом опровергнути. И егда приидохом, они, разметавше мост великий, изыдоша со оружием, и асче Добрыня пресечением и лагодными словы увесчая их, обаче они не слышати хотячу и вывесши 2 порока великие со множеством камня, поставиша на мосту, яко на сусчие враги своя. Высший же над жрецы славян Богомил, сладкоречия ради наречен Соловей, вельми претя люду покоритися. Мы же стояхом на Торговой стране, ходихом по торжисчам и улицам, учахом люди, елико можахом. Но гиблюсчим в нечестии слово крестное, яко апостол рек, явися безумием и обманом. И тако пребывахом два дни, неколико сот крестя. Тогда тысяцкий новгородский Угоняй, езда всюду, вопил: „Лучше нам помрети, неже боги наша дати на поругание“. Народ же оная страны, разсвирепев, дом Добрыни разориша, имение разграбиша, жену и неких от сродник его избивша. Тысяцкий же Владимир Путята, яко муж смысленный и храбрый, уготовя лодиа, избрав от ростовцев 500 муж, носчию перевезяся выше града на ону страну и вшед во град, никому не пострегшу, вси бо видевши чияху своих воев быти. Он же дошед до двора Угоняева, онаго и других предних мужей ят и абие посла к Добрыне за реку. Людие же страны оные, услышавше сие, собращася до 5000, оступиша Путяту, и бысть междо ими сеча зла. Некия шедше церковь Преображения господня разметаша и дома христиан грабляху. Даже на разсвитании Добрыня со всеми сусчими при нем приспе и повеле у берега некие дома зажесчи, чим людие паче устрашени бывше, бежагу огнь тушити; и абие преста сечь, тогда преднии мужи, пришедше к Добрыне, просиша мира.

Добрыня же собра вои, запрети грабление и абие идолы сокруши, древянии сожгоша, а камени, изломав, в реку вергоша; и бысть нечестивым печаль велика. Мужи и жены, видевшие тое, с воплем великим и слезами просяще за ня, яко сусчие их боги. Добрыня же насмехася, им весча: „Что, безумнии, сожалеет о тех, которые себя оборонить не могут, кую пользу вы от них чаять можете”. И посла всюду, объявляя, чтоб шли ко крещению. Воробей же посадник, сын Стоянов, иже при Владимире воспитан и бе вельми сладкоречив, сей иде на торжисчие и паче всех увесча. Идоша мнозии некрещении поведаху о себе крещеными быти: того ради повелехом всем крещеным кресты деревянни, ово медяны и каперовы (сие видится греческое оловянны испорчено) ни выю возлагати, а иже того не имут, не верити и крестити; и абие разметанную церковь паки сооружихом. И тако крестя, Путята иде ко Киеву. Сего для людие поносят новгородцев: Путята крести мечем, а Добрыня огнем» [Татищев, т. 1, с. 112–113]. Поговорка, что новгородцев крестили огнем и мечом сохранилась через многие поколения!

При всей колоритности текста Иоакимовской летописи, при всей создающейся сопричастности автора к происходившим событиям, я думаю, необходимо дать некие пояснения. Обращаю внимание читателя, что христианизация новгородцев проводилась не на пустом месте. В городе уже существуют дома христиан и церковь Преображения Господня, которые подверглись разрушению, разграблению и сожжению. Значит, в Новгороде к этому времени уже существовала христианская община и, очевидно, достаточно большая. Значит, Добрыня и Путята не открывали новгородцам новую веру, как пытается нас убедить автор ПВЛ, а поддержали уже имеющихся в городе христиан.

Очевидно, к описываемому периоду напряжение между христианами и язычниками достигло своего предела, и Добрыня поспел вовремя. Характерно, что языческое восстание возглавили два высших должностных лица Новгорода – тысяцкий и верховный жрец. Понять это просто. Христианизация города могла привести к тому, что и светская, и духовная власть, олицетворяющие языческий мир, волею неволей должны были смениться. А этого и тысяцкому Угоняю, и

жрецу Богомилу ох как не хотелось. Кто ж так добровольно отдаст власть! А поднести фитиль к раскаленной до предела толпе не составляло никаких сложностей. И бунт начался. Обращаю ваше внимание, что основу дружины Путяты составляют 500 ростовцев. Они верны князю, выполняют приказы его воевод и подавляют языческое сопротивление новгородцев. Они не наемники, которым все равно кого грабить. Они единомышленники, которые делают одно общее дело: силой приобщают жителей принять христову веру. Значит, и они христиане, значит, и в Ростове к этому времени процесс христианизации зашел достаточно далеко. Жалко, что этот факт не нашел отражения в летописях!

В. Н. Татищев отметил любопытнейшую деталь: всех крестившихся новгородцев помечали крестами, чтобы отличить крещенных от язычников. Этот обычай, прижившийся на Руси, стал своеобразным символом русского православного мира.

Итак, восстание новгородцев было жесточайшим образом подавлено. О его масштабах, а главное, о реальности событий, описываемых в Иакимовской летописи, подтверждает археологический материал. В. Л. Янин в своей любопытной статье отмечал, что в районе церкви Спаса на Разваже в Неревском конце обнаружен слой пожара, датированного с помощью дендрохронологического метода 989 годом. В сгоревших постройках были обнаружены клады серебряных монет: «То, что сокровища оказались „не востребованными“ после пожара 989 года, указывает на гибель их владельцев в этом году», – сообщает исследователь [Янин, с. 55].

Подавив языческий бунт, Добрыня и Путята приступили к реализации своей программы. Большая часть новгородцев была крещена, хотя это еще не значило, что они стали христианами. Но вместе с этим существовавшая уже в городе христианская община получила мощную поддержку и заняла господствующие позиции. Власть верховного языческого жреца была ликвидирована, волхвы стали подвергаться массовым гонениям. Повсеместно стали уничтожаться языческие капища и на их месте стали возводиться церкви, как символы победившей новой веры. Цель была одна и предельно ясна – уничто-

жить старую религию, попать языческих богов, показать их беспомощность перед наступающей силой, новой религией. Конечно же, первые храмы горели, люди расправлялись и с первыми проповедниками, о чем говорят многие жития. Шло массовое противодействие. Но ничего этого в ПВЛ нет. Есть лишь только единичные более поздние эпизоды о восстании в Суздальской земле под руководством волхов в 1024 году [ПВЛ, т. 1, с. 99, 100], да восстание в 1071 году, жестоко подавленном Яном и его дружиной [ПВЛ, т. 1, с. 117]. Остается только домысливать, опираясь на исторический опыт. Вспомним, как и какими методами внедрялась «Никоновская реформа» XVII века, события советского времени. Сценарий везде примерно одинаков. Я убежден, что каждое разрушение языческого капища сопровождалось не только молчаливым протестом, но и активными действиями определенных людей, готовых во имя веры на любые испытания.

Крещение Руси состоялось. Казалось бы, вот настал триумф Владимира-христианина. Он уже окончательно «позна бога». Казалось бы, теперь все деяния христианского правителя Летописец должен был описывать с особой тщательностью, с особым вниманием. А главное, должен был измениться характер описания. Всем предыдущим текстом Летописец подготавливал читателя к чудесному преображению князя из мира языческой тьмы в мир христианского света. Вместо языческого темного Прошлого наступает светлое христианское Сегодня. А значит, и тон описания должен быть ярким, светлым. Но ничего этого в летописи нет! Нет и того светлого порога, отделяющего Русь языческую от Руси христианской. Далее следуют достаточно невнятные описания действия Владимира-христианина, за которыми трудно разглядеть чудодейственную силу Божественного света, пролившегося на Русь. В последующих сюжетах нет конкретики, хроникального описания событий, явно чувствуется сбивчивость хронологии. Есть только набор случайных рассказов, связанных Летописцем воедино, за которыми трудно разглядеть триумф Владимира.

А ведь Владимир действительно великий Реформатор. Он перевернул Русь, засеял ростки новых явлений и, как заботливый агроном, рьяно следил за их ростом. Давайте же попытаемся, еще раз под-

черкну, за скупыми описаниями Летописца увидеть всю грандиозность преобразований Руси.

Начнем с реформы государственного строительства. Конечно, таких терминов в ПВЛ нет. Но именно в строительстве государства, надо признать, – основная заслуга князя. Владимиру после победы Ярополком приходится заново собирать отмежевавшиеся от Киева территории. Он вновь покоряет вятичей, радимичей, и они «платят дань Руси, повоз везут и доныне». Владимир оформляет западные границы своей державы. После похода «на ляхов» он захватывает города Перемышль и Червень, закрепляя эти территории за Русью: «иже суть и до сего дне под Русью». За скупой фразой «иде Володимер на хорваты и дулебы» угадывается попытка Киева закрепить за собой контроль над торговым путем, соединявшим Киев с Прагой и Краковом [Королук, с. 88]. Активно вмешивался Владимир в события, происходившие на Балканском полуострове. Мы уже описывали русско-болгарскую войну 885–886 гг., в результате которой Владимир закрепил за собой контроль над восточной территорией Болгарии, принял крещение, а затем активно вмешивался в кризисные дела византийской империи. Именно благодаря помощи киевского князя Василий

*Владимир идет походом на вятичей.
Миниатюра из Радзивилловской летописи*

и Константин сохранили за собой престол, обеспечили победу над сепаратистами и восстановили былую целостность Византийской империи. И, конечно, надо отметить знаменитый поход Владимира на Корсунь. Захватив город, киевский князь отдал его «в вено» византийским императорам и не только восстановил константинопольскую власть над полуостровом, но и в значительной степени усилил русское влияние над этим регионом. На этом участие Владимира в балканских делах не закончилось. Русский военный корпус продолжал действовать в Византии, являясь основной опорой византийским императорам. Владимир, по сообщениям В. Н. Татищева, в 1000 году совершил поход на болгар, захватил их столицу Переяславец: «в оном пребывал, доколе мир учинил» [Татищев, т. 2, с. 69].

И все же стоит признать, что самыми напряженными в эти годы были отношения с печенежским миром. ПВЛ не говорит прямо о войне, но даже куцее описание событий позволяет утверждать о существовавшей постоянной угрозе со стороны Степи. Обращаем внимание на сообщение под 988 годом: «И рече Володимер: „Се не добро, еже мал город около Киева“. И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати муже лучшие от словень, и от кривичь, и от чуди, и от вятичь, и от сих насели грады; бе бо рать от печенег. И бе воюяся с ними и одолая им» [ПВЛ, т. 1, с. 83]. Производным в этом тексте является фраза о войне с печенегами. Не раскрывая деталей, летопись тем не менее фиксирует громадную работу в это время по обеспечению обороноспособности южных рубежей страны. Государственных границ еще не существовало. Печенежский мир чуть ли не вплотную подступает к Киеву, создавая постоянную угрозу. С целью ее предотвращения Владимир создает цепь крепостей, расположенных по рекам, впадающим в Днепр, своеобразный водный рубеж Руси. Это еще не города – это своеобразные форпосты, признанные предупреждать о надвигающейся опасности. Важно отметить, что оборону южных рубежей страны Владимир возвел в ранг государственной политики. Он стал набирать «мужей лучших» для охраны южных границ даже с северных территорий, где о печенегах может быть слыхом не слышали, создавая тем самым первые по-

граничные отряды. До нашего времени сохранились так называемые «Змиевые валы» [Раппопорт, с. 169–170] – остатки грандиозных сооружений в виде рвов и валов, призванные защищать Русь с юга. Эта своеобразная «Китайская стена» раскинулась на многие сотни километров, создавая надежный оплот. По сообщению летописи, создается впечатление, что Владимир основное внимание уделял оборонительной тактике. В ПВЛ запечатлен лишь один эпизод, когда Владимир выступает навстречу противнику: «и се печенези придоша по оной стороне от Сулы; Володимер же поиде противу им, и сrete я на Трубежи на броде, кде ныне Переяславль» [ПВЛ, т. 1, с. 84]. А далее следует удивительный рассказ о воине-кожемяке, победившем печенега. Он носит ярко выраженный фольклорный характер и явно выпадает из летописного построения.

В среде воинов, поселившихся в пограничных городках, со временем сложился своеобразный печенежский цикл легенд, военных песен, сказаний. Он родился в среде обычных дружинников, воспевая их подвиги и деяния. Эти рассказы, как эпизоды героической жизни, постепенно распространилась по всей Руси, запечатлелись навсегда в людской памяти. А уж оттуда попали и в летопись. В ПВЛ представлено три рассказа из так называемого «печенежского цикла». В них Владимир не является главным действующим лицом, выступая лишь своеобразным фоном повествования. О первом из них, мальчике-киевлянине, спасшем город от печенежской опасности, я уже упоминал. Два других – более целостные и содержательные.

После завершения хорватской войны (в ПВЛ под 992 годом) Владимир вынужден был спешно отражать наступление печенегов. Враги расположились по обеим сторонам реки, не решаясь каждый начать бой первым. Тогда к Владимиру обратился печенежский князь с предложением: «Выпусти ты свой мужь, и я свой, да ся борета. Да еще твой мужь ударить моимь, да не воюем за три лета; аще ли наш мужь ударить, да воюем за три лета» [ПВЛ, т. 1, с. 84]. По мнению Д. С. Лихачева, дальше рассказ развивается в соответствии со схемой устного повествования, выдавая явно признаки фольклорного происхождения [ПВЛ, т. 2, с. 347]. Начинается поиск поединщика: «Нету ли

такого мужа, иже бы ся ял с печенежином» [ПВЛ, т. 1, с. 84]. Подчеркнуто расстройство Владимира, что нет воина, способного противостоять противнику: «И поча тужити Володимер». Появление старика (как он оказался в войске?) и его рассказ о младшем сыне: «От детства бо его несть кто им ударил». Испытание отрока разъяренным быком (тоже, как он оказался в походе?). И наконец – сам поединок. Против великана-печенежина выступает неказистый на вид противник, что вызывает откровенный смех в печенежском лагере: «Выпустиша печенези мужь свой, бе бо превелик зело и страшен. И выступи мужь Володимерь и узре и печенезин и посмеяся, – бе бо середний телом». В лучших традициях фольклора насмешка над противником была наказана: «и удави печенезина в руку до смерти. И удари им о землю». В финале рассказа – радость Владимира и пожалование им отрока и его отца: «Володимер же великим мужемь створи того и отца его» [ПВЛ, т. 1, с. 85]. Итак, схема рассказа составлена в лучших традициях фольклорного жанра, и трудно понять – что в ней сказочного, а что реального. Истинным видится вроде бы тот момент, что в честь этой грандиозной победы Владимир заложил город на этом месте и назвал его Переяславлем: «заложити город на броне том, и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко те» [ПВЛ, т. 1, с. 85]. Остается неясным, чью славу перенял отрок – ведь не печенега же. И еще один штрих. Город Переяславль был известен задолго до времени Владимира и упоминается еще в договоре Олега с греками [ПВЛ, т. 1, с. 24], а значит, его основание мало связано с описываемыми событиями.

Еще В. Н. Татищев в XVIII веке указывал на традиционный мотив этого рассказа, идущий от Библии: «Поединки между государей самих, или главных воевод и выбранных от войск, древле во всех народах были в употреблении, как то у Геродота, Тита Ливия и других древних писателей и в Библии о Давыде с Голиафом находится» [Татищев, т. 2, с. 235]. В ПВЛ можно еще вспомнить эпизод борьбы тмутараканьского князя Мстислава с косожским князем Редедю: «Да аще одолеши ты, то возмешь именье мое, и жену мою, и дети мое, и землю мою» [ПВЛ, т. 1, с. 99]. Даже если предположить, что такие

поединки, предшествующие сражению, и существовали, то совсем не реально, что именно они определяли победу противоборствующих сторон.

Еще более удивительный рассказ из печенежского цикла получил название «Сказание о белгородском киселе». «В лето 6505 (997) Володимеру же шедшу Новугороду по верховьние вое на Печенеги, бе бо рать велика бес перестани» [ПВЛ, т. 1, с. 87]. Печенеги, воспользовавшись тем, что князя нет в Киеве, осадили город Белгород. Город был обложен так, что вылазки из него сделать было невозможно, чтобы предупредить князя Владимира. И в городе начался голод. Белгородцы собрали вече, чтобы решить как поступать: «Се уже хочем померети от глада, а от князя помочи нету. Да лучше ли ны померети? Въдадимся печенегом, да кого живять, кого ли умертвять, уже помираем от глада» [ПВЛ, т. 1, с. 87]. Горожане решили сдаться печенегам. В городе был один старец, который почему-то не присутствовал на вече. Узнав о решении собрания, он обратился к старейшинам с просьбой не сдавать город еще три дня и выполнить все его требования: «Послушайте мене, не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите» [там же]. Старец попросил собрать в городе все сохранившиеся запасы: «Сберете аче и по горсти овса, или пшенице, ли отруб» и попросил женщин из этого сварить кисель. Мужчинам он дал задание ископать два колодца и поместить в один из них кадь с киселем, в другой – кадушки с остатками собранного меда. Наутро белгородцы пригласили печенежских послов, предварительно отдав в заложники несколько человек из числа горожан, посмотреть, что творится в городе. Печенеги с радостью согласились, решив, что жители хотят сдаться. «И придоша в город, и рекоша им людье: „Почто губите себя? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 лет, что можете створити нам? Имеем бо кормлю от земле. Аще ли не веруете” да узрите своима очима» [ПВЛ, т. 1, с. 88]. Послов привели к колодцам и угостили их киселем из первого и медом из второго. Это произвело на печенежских послов шокирующее действие: «Не имуть веры наши князи, аще не ядять сами» [там же]. Белгородцы налили печенегам корчагу киселя и меда. Придя в свой лагерь, послы поведали об увиденном: «И варивше яша князи печенезьстии, и подивишася. И поимше тали

(заложники) своя и онех пустивше, всташа от града, всвояся идоша» [там же]. И действительно, что толку осаждать город, если его кормит сама земля!

На баснословность и этого рассказа, «неколико баснотворно», обратил внимание В. Н. Татищев [Татищев, т. 2, с. 236]. Важно нам подчеркнуть, что Владимир здесь абсолютно отсутствует и как и почему Летописец включил этот рассказ в раздел «Владимир-христианин», остается загадкой. Ясно лишь одно – этот сюжет является вставкой чисто механической, мало связанной с общей канвой повествования.

И все же надо признать, несмотря на малочисленность фактического материала Русь времен Владимира достигла больших успехов в деле борьбы с печенегами. В пользу этого говорит один из любопытнейших документов этого времени. Это послание архиепископа Бруно Кверфуртского германскому королю Генриху II [Древняя Русь, с. 313–317]. По сути – это отчет о миссионерской деятельности в среде печенегов, куда архиепископ попал в 1008 году, предварительно погостив в Киеве у князя Владимира. По существу – это один из единственных документов, в котором описывается киевский князь в начале XI века. Вот почему я предлагаю изучить его целиком:

«Верно, уже целый год исполнился месяцами и днями с тех пор, как мы покинули венгров, где понапрасну провели много времени, и направились к печенегам, жесточайшим из всех язычников. Государь Руси, великий державой и богатствами, в течении месяца удерживал меня против (моей) воли, как будто я по собственному почину хотел погубить себя, и постоянно убеждал меня не ходить к столь безумному народу, где, по его словам, я не обрел бы новых душ, но одну только смерть, да и то постыднейшую. Когда же он не в силах был уже (удерживать меня долее) и утрачен неким обо мне, недостойным, видением, то с дружиной два дня провожал меня до крайних пределов своей державы, которые из-за вражды с кочевниками со всех сторон обнес крепчайшей и длиннейшей оградой. Спрыгнув с коня на землю, он последовал за мною, шедшим впереди с товарищами, и вместе со своими боярами вышел за ворота. Он стоял на одном холме, мы – на другом. Обняв крест, который нес в руках, я воз-

гласил честный гимн: «Петре, любишь ли меня? Паси агнцы моя!» По окончании респонсория (род церковного песнопения – авт.) государь прислал к нам (одного из) бояр с такими словами: „Я проводил тебя (до места), где кончается моя земля и начинается вражеская”, именем Господа прошу тебя, не губи к моему позору своей молодой жизни, ибо знаю, что завтра до третьего часа суждено тебе без пользы, без вины вкусить горечь смерти. Я отвечал: „Пусть Господь тебе (врата) Рая так же, как ты открыл нам путь к язычникам!” Что же? Два дня шли мы беспрепятственно, на третий, в пятницу, трижды – утром, в полдень, и в девятом часу – все мы со склоненными выями влекомы были на казнь, но столько же раз по чудесному знамению – такова была воля Господа и водителя нашего (святого) Петра – невредимы ускользали от встречавших нас врагов. В воскресенье, когда мы добрались до мест, более обитаемых, нас оставили в живых до срока, пока весь народ по зову гонцов не соберется на сходку. Итак, в девятом часу следующего воскресного дня нас зовут на сходку, бичуя, словно лошадей. Сбежалась бесчисленная толпа, с налитыми кровью глазами, они подняли страшный крик; тысячи обнаженных мечей и тысячи топоров (занесенных) над нашими головами, грозили изрубить нас в куски. До ночи терзали нас, волоча в разные стороны, пока нас не вырвали из их рук старейшины (той) земли, которые будучи рассудительны, услышав наши речи, поняли, что мы с добром явились в их землю. Как-то было угодно неисповедимому Господу и честнейшему Петру, пять месяцев провели мы среди этого народа, обойдя три его части, не заходя в четвертую, из которой к нам прибыли послы от старейшин. Обратив в христианство примерно тридцать душ, мы, по мановению Божию, устроили мир (с Русью), который, по их словам, никто, кроме нас, не смог бы устроить. „Сей мир, – говорили они, – тобою устроен. Если он будет прочен, то все мы, как ты учишь, охотно станем христианами; если же государь Руси изменит уговору, нам придется думать только о войне, а не о христианстве”. С тем и я прибыл к государю Руси, который ради (успеха) Божиего (дела) одобрил это, отдав в заложники сына. Мы же посвятили в епископы (одного) из наших, которого затем государь вместе с сыном поместил в середине земли (печенегов). И установился, к вещи славе Господа, Спа-

сителя (нашего), христианский закон среди наихудших и жесточайших из всех обитающих на земле язычников» [Древняя Русь..., с. 314–315]. В ПВЛ описание этого визита отсутствует.

Обращаю внимание читателей на некоторые детали из послания Бруно, которые позволяют несколько раздвинуть границу познания русских летописей. Прежде всего, для немецкого миссионера Владимир – «Государь Руси, великий державой и богатствами». И это, очевидно, не дань гостеприимству киевского князя, не литературный этикет – это то признание, та реальная оценка в глазах представителя Священной Римской империи своего восточного соседа. Владимир – властелин огромной и богатой страны. В тексте нет даже намека на какие-либо существующие религиозные противоречия. Владимир встречает представителя западнохристианского мира как единове́рца, искренне переживая за архиепископа в его миссии. Мне кажется, это подтверждает сообщения Никоновской летописи о достаточно тесных контактах Киева с Римом и католическим миром в целом. В тексте нет ни слова о контактах Бруно с местным духовенством. А ведь, наверняка, если бы в это время был в Киеве митрополит, то произошла бы его встреча с немецким посланником. Это еще раз подтверждает нашу мысль, что в это время на Руси нет митрополита и Владимир решал единолично все вопросы церкви. Если в начале княжения границы с печенежскими ордами располагались в непосредственной близости от Киева, то уже к 1008 году они были значительно отодвинуты в глубь Степи. Владимир два дня конного пути сопровождал архиепископа и его спутников до «пределов своей державы». Бруно обратил внимание на «крепчайшую и длиннейшую ограду», которой Владимир оградил пределы своей державы. Это, несомненно, та система укреплений, что отмечена в ПВЛ. И еще один штрих – теперь уже к портрету князя. Бруно отмечает, что Владимир легко переносит двухдневный переход, «спрыгнув с коня на землю», что свидетельствует о его хорошей физической форме.

Весь приведенный материал позволяет утверждать, что Владимиру удалось завершить территориальное оформление Древнерусского государства, определить его границы и активно влиять на меж-

государственные отношения. Летописец делает упор, что Владимир с окрестными странами жил по-христиански – в любви и согласии: «и бе живя с князи околними миром, с Болеславом Лядьским, и с Стефаном Угрьским, и с Андрихом Чешьским. И бе мир межю ими и любы» [ПВЛ, т. 1, с. 86].

При Владимире активно идет процесс укрепления внутренней структуры государства. При Олеге и Игоре социальная верхушка общества представляла собой следующую иерархию: киевский князь, затем светлые и великие князья, затем великие бояре. «Светлые и великие князья» представляют собой родоплеменную знать тех племенных княжений, что оказались завоеванными Киевом (вятичи, радимичи, кривичи и т. д.). У каждого из этих княжений имелась собственная социальная структура, уходящая корнями в глубокую древность. Во времена Олега и Игоря эта родоплеменная знать не была истреблена полностью, часть из них вынуждена была подчиниться киевскому князю. Была сохранена внутренняя автономия, а зависимость сводилась к выплачиванию дани и участию в общих походах. Сбор дани напоминал военный набег «грабяху и убиваху». Поэтому как только в Киеве менялся князь, «светлые и великие князья» поднимали восстание, и новому киевскому князю приходилось их заново покорять (яркий пример тому – убийство древлянами Игоря).

Ольга первой поняла, что так дальше продолжаться не может. За кратким сообщением ПВЛ «Вольга ... уставляючи уставы и уроки; и суть становища ее и ловища» [ПВЛ, т. 1, с. 43] читается глубокая реформа взаимоотношения центра и подвластных территорий. Определяется система сбора дани, в которую входят фиксированные нормы с определенной территории. Ольга организует опорные пункты, «погосты», где располагаются представители киевской власти, отвечающие за сбор дани и контролирующие осуществление административной системы. Все это вместе взятое сильно подрывает господство местной знати и практически сводит на нет ее существование. И уже Ярополк «посадники своя посади в Новгороде и бе володея един в Руси» [ПВЛ, т. 1, с. 43]. А затем и самому Владимиру, победившему

в братоусобной войне, пришлось силой покорять вновь отложившиеся территории: «и нача княжити Володимер в Киеве един» [ПВЛ, т. 1, с. 54].

Ярким звеном в государственном строительстве князя Владимира является так называемая административная реформа. Суть ее сводится к тому, что киевский князь назначает наместниками, представителями княжеской власти на местах своих сыновей. Благо, что материала для этого было достаточно. Первая попытка выделения сыновьям определенных земель была предпринята еще Святославом. Но лишь Владимир вознес ее в ранг государственного закона. Вновь предоставим слово летописи: «Бе бо у него сынов 12: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мьстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посади Вышеслава в Новегороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка в Турове, а Ярослава Ростове. Умершю же старейшему Вышеславу Новегороде посадиша Ярослава Новегороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторакани» [ПВЛ, т. 1, с. 83]. Из приведенного текста можно уяснить, что при Владимире выделилось 8 политических центров, куда князь сажит своих сыновей: Новгород, Ростов, Муром, Туров, Полотск, Владимир (Волынский), Тмутаракань. Все это окраины его державы. Интересно отметить, что в этот перечень не вошли такие города как Переяславль, Чернигов, Любеч. Очевидно, они оставались под контролем самого Владимира. Сыновья получали свои земли на правах наместников киевского князя. Власть над этими территориями принадлежала не им, а их отцу. Показательно, что летопись сообщает о переводе сыновей с одного места на другое. Неподчинение воле великого князя могло спровоцировать военные карательные действия против зарвавшегося сына. Это так ярко видно на примере событий 1014 г. В ПВЛ читается: «Ярославу же сущю Новегороде, и уроком дающе Киеву две тысяче гривен от года до года, а тысячу Новегороде гридем раздаваху. И тако даяху вси посадници новегородьстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву отцю своему. И рече Володимер: „Требите путь и мостите мосте“, – хотяше бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболеся» [ПВЛ, т. 1, с. 88, 89].

Посаженный отцом после смерти Вышеслава в Новгороде Ярослав за время своего правления (где-то 25–30 лет) так окреп, что посчитал себя равным отцу. Но дело здесь не в конфликте «отцов и сыновей». За период правления Ярослав не только сам возмужал, но и оброс собственной администрацией, стал полностью новгородским князем. Именно новгородцы посчитали, что платить такую большую дань Киеву они уже не могут и не хотят. Они вырастили себе собственного князя и почувствовали независимость от Киева. Этот конфликт мог вылиться в войну между отцом и сыном, но Бог помешал этому сценарию. И разгорелась война между братьями, между Киевом и Новгородом.

Скупые данные «Повести Временных Лет» все же позволяют утверждать, что во времена Владимира завершилось строительство государства, которое можно охарактеризовать по форме как «дружинное государство» [Мельникова, 1992, с. 39]. Князь и дружина представляют собой единое целое. Князь не может существовать без дружины и дружина – без князя. Роль дружины в становлении классового общества, в становлении государства огромная. А. А. Горским достаточно подробно рассмотрены вопросы зарождения древнерусской дружины, взаимодействие ее с аппаратом управления и т. д. [Горский, 1989], поэтому пытливого читателя я отсылаю к этой книге. Здесь же отмечу некоторые факты участия дружины в становлении древнерусской государственности во времена Владимира. Собственно на страницах ПВЛ термин «дружина» появляется из договора русских с греками в 941 г. Игорь «созва дружину и нача думати» [ПВЛ, т. 1, с. 34]. Уже здесь дружина выступает не только как военный элемент, но и как некий совещательный орган. Игорь запрашивает их мнение: заключать или нет мир с византийским императором. В итоге мнение дружины побеждает, «и послуша их Игорь» [там же]. Святослав отказывается креститься потому, что «дружина моя сему смеяться начнутъ» [ПВЛ, т. 1, с. 46]. Апофеозом взаимоотношения князя и дружины является красочный рассказ о замене деревянных ложек золотыми и серебряными. А за этим следует фраза Летописца, которая хоть как-то объясняет роль дружины в это время: «Бе бо Володимер

любя дружину, и с ними думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем» [ПВЛ, т. 1, с. 86]. За этой фразой, очевидно, скрывается сложнейшая работа князя и его дружины в выработке нового законодательства (к сожалению, не дошедшего до нас), отличного от «Закона Русского» или на его базе, определяющего нормы поведения в изменившихся социально-политических условиях. Конечно, не вся дружина принимает вместе с князем какое-либо решение. Во времена Владимира уже начинает прослеживаться деление на дружину старшую и младшую. К первой относились родовитые люди, знать, называемые в ПВЛ «боляре» и «нарочитые люди при князи» [ПВЛ, т. 1, с. 86]. Они, наряду с участием в военных действиях, постепенно превращаются в некий законодательный орган. Младшая дружина – «гриди», «съцьские», «десяцьские» [там же], все больше превращается в некий исполнительный орган. Они участвуют в сборе налогов, выполняют судебные решения, осуществляют административные наказания. Конечно же, мы нарисовали очень примитивное понимание социальной градации общества времен Владимира. Однако извлечь более ценную информацию из сообщений ПВЛ практически невозможно.

Владимир прекрасно понимал важность образования. По этой причине сразу же после крещения Киева он приступает к подготовке национальных кадров. В ПВЛ читается: «Нача поимати у нарочитые чади дети и даяти нача на ученье книжное. Матери же чад сих плакхуся по них, аще бо не бяху ся утвердити верою, но аки по мертвеци плакася» [ПВЛ, т. 1, с. 81]. Еще острее запечатлено это событие в Иоакимовской летописи: «Митрополит же Михаил советовал Владимиру устроить училища на утверждении веры и собрать дети в научение. И тако Владимир повелел брать детей знатных, средних и убогих, раздая по церквам, священником со причетники в научении книжное. Матери же чад своих плакали о том вельми, аки по мертвых, зане не утвердилися в вере и не видали пользы учения, что тем ум их просвещается и на всякое дело благоугодных творити, и искали безумнии дарами откупаться» [Татищев, т. 2, с. 63]. Прямо одно в одно читается с деятельностью другого реформатора России – Петра I, революционно взорвавшего свое время и прежде всего в области образо-

вания. Конечно, В. Н. Татищев переосмысливает сообщения летописей с позиции человека XVIII века. Но я обращаю внимание читателей на методы преобразования. Нужно было силой, «через колено», преодолеть вековую безграмотность, растить собственные национальные кадры, создавать основу процветания страны. Именно так поступал Владимир.

Конечно, говорить о существовании какой-либо системы обучения не приходится. Тем более о существовании неких училищ, как отмечал В. Н. Татищев. Обучение сводилось к тому, чтобы при церквях формировались группы подростков, которые под руководством грамотных священников изучали церковные книги. Важно лишь отметить, что были заложены основы просвещения, которые уже через поколение дадут целый пласт образованных (для своего времени) людей типа Илариона, Иакова, Нестора и т. д.

После крещения, уверяет нас Летописец, стал жить Владимир по христианским законам: «живяше в законе хрестьянстве» [ПВЛ, т. 1, с. 83]. Прежде всего, Летописец обращает наше внимание на широкое храмовое строительство как кардинальную смену духовной силы и власти. Помимо строительства церкви в Корсуне Владимир «повеле рубити церкви и поставляти по местом, иде же стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холме, иде же стояше кумир Перун и прочии, иде же творяху патребы князь и людье. И нача ставити по градом церкви, и попы и, и люди на крещенье приводити по всем градом и селом» [ПВЛ, т. 1, с. 81]. Грандиозная по замыслу и масштабности программа! И исключительно тяжелая по осуществлению работа предстояла князю и его окружению. И дело не только в громадных финансовых затратах, что тоже нельзя исключать из внимания, сколько в тяжести психологической. В XX веке моя страна пережила такой же период ломки, лишь наоборот – это когда разрушали храмы, оскверняли церкви, репрессировали и убивали священников. Искоренная религию, советская власть стремилась вытравить из сознания людей их религиозный посыл, уничтожить духовную пуповину, соединяющую мир сегодняшний и мир прошлого. То же было и в X веке. Я уже показал, как сложно шел процесс крещения в Новгороде, других

регионах. Еще сложнее было искоренить в сознании людей их приверженность к вере отцов и дедов.

И все же этот процесс шел. Особое внимание Владимир уделяет Киеву. Помимо церкви св. Василия он приказывает строить церковь Пресвятой Богородицы: «послав приведе мастера от Грек. И наченшу же здати и яко сконча зиче, украси ю иконами и поручи ю Настасу Корсунянину, и попы корсуньскыя пристави служити в ней, вдав ту все, еже взял в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты» [ПВЛ, т. 1, с. 83]. Исключительно важное решение во всех отношениях. Срубить деревянные церкви могли и местные мастера, тем более, что у киевлян уже был определенный опыт строительства храмов. А вот для такого грандиозного сооружения, каким задумывалась церковь Пресвятой Богородицы, требовались высококвалифицированные мастера. И Владимир посылает за ними «в Греки». Строительство храма продолжалось несколько лет. Судя по ПВЛ, он был завершен в 996 году [ПВЛ, т. 1, с. 85]. В «Памяте и Похвале» освящение церкви отнесено к 995 году. Д. С. Лихачев указывает на 12 мая как день возможного проведения обряда освящения [ПВЛ, т. 2, с. 348].

Храм Пресвятой Богородицы до нашего времени не сохранился – он был разрушен в результате батыева погрома в 1240 году. Но на основании археологических раскопок появилась возможность восстановить облик этого сооружения.

Владимир задумал сделать храм Пресвятой Богородицы соборным, и служить в нем должны, по его мнению, верные и преданные ему люди. Вот когда особенно пригодился Анастас Корсунянин и прибывшие вместе с ним священнослужители. Владимир не доверяет ни имевшимся местным попам, ни болгарским, ни византийским. Он добивается церковной независимости, самостоятельности и иерархического равноправия. Русская церковь с самого начала никому, кроме князя, не подчинялась. И этого добился именно Владимир. Тем более, что в Византийской империи в 90-е годы X века существовал церковный кризис [Левченко, с. 377], и, по большому счету, ей было не до Руси. Все церковные дела решает сам Владимир, расставляя верных ему людей. Недаром в Новгород отправляется Добрыня и Иоаким-Корсунянин – сподвижники князя в его свершениях.

*Руины Десятинной церкви
на рисунках Вестерфельда. XVII век*

Церковь, духовенство надо было содержать. Особенно в условиях, когда основной народ не очень-то к ней и тянется и добровольных приношений было, очевидно, мало. И Владимир вводит принцип десятины – десятую часть от всех доходов в пользу церкви: «Даю церкви сей святей Богородици от имения моего и от град моих десятую часть». О характере и происхождении десятины в исторической литературе существует широкая дискуссия [Щапов, с. 76–87]. Десятина как способ содержания церкви в меньшей степени была известна в византийской империи. Владимир заимствовал опыт западнохристианской (очевидно, польской) церкви, чем еще раз подчеркнул свою независимость от Византии. Право распоряжаться десятиной Владимир поручил тому же Анастасу Корсунянину: «и вдасть десятину Анастасу Корсунянину» [ПВЛ, т. 1, с. 85]. Таким образом, именно Анастас делает ПВЛ руководителем русской церкви. Ведь тот, кто руководит финансами, руководит и политикой.

Обращаю внимание читателя на еще один сюжет из ПВЛ. Печенеги подступили к Василеву. Владимир выступил против них, но почему-то «с малою дружиною изыде противу» [ПВЛ, т. 1, с. 85]. Начался бой. Владимир не смог устоять против удара противника и бросился

бежать: «подъбег ста под мостом, одва укрыся противных» [там же]. Странное это место рассказа: что значит – укрылся под мостом? Если это мост через речку, то он, очевидно, небольшой и укрыться под ним можно, лишь спрятавшись лежа. Но не это главное. Битва состоялась в день христианского праздника Преображения Господня. Владимир в страхе молится богу, просит о спасении и обещает, что если выживет, поставит церковь в честь этого события. Опять торг с Богом! Опять обещание выполнить, если Бог поможет (как в Корсуне)! И Бог помогает. Мы не знаем, как спасся князь. Главное, что он выполняет свое обещание: «Избыв же Володимер сего, постави церковь, и створи праздник велик, варя 300 провар меду. И съзываше боляры своя, и посадники, старейшины по всем градом, и люди многы, и раздая убогим 300 гривен. Праздновав князь дней 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя богородица, и ту паки сотворяше праздник велик, сзывая бещислепное множество народа. Видя же люди хрестьяны суща, радовашесе душею и телом» [ПВЛ, т. 1, с. 85]. Я обращаю внимание читателя на пиры, знаменитые пиры князя Владимира! Они пришли из языческого мира как неотъемлемая часть дружинного быта. Став христианином, Владимир изменяет свое отношение к княжеским пирам, допуская на них широкий круг людей: «приходите боляром и гридем, и съцьским идесяцьским, и нарочитым мужем, при князи и без князя» [там же]. Это административная верхушка общества. Но основной упор Летописец делает на появившуюся любовь князя к нищим и убогим. Он разрешает, судя по тексту ПВЛ, приходить к себе во двор любому человеку, брать пищу и питье, брать деньги из казны. Но и этого ему мало – Владимир приказывает снаряжать телеги с едой и, разъезжая на них по городу, кормить тех людей, кто не может ходить. Какая грандиозная сцена! Какова щедрость киевского князя! А интересно, было ли это на самом деле? И если да, то как долго это продолжалось? Ведь при такой щедрости никакой казны не хватит, и сам князь мог пойти с сумой по миру. Конечно же, в этом рассказе Летописец пытается представить нам князя в лучших традициях христианского этикета: нищелюбцем и бессребреником. Было ли это на самом деле – судить сложно.

По летописи, Владимир стремиться жить по христианским законам. Следуя библейской заповеди «не убий», князь отказывается казнить разбойников. Очень любопытен и целостен этот сюжет: «Живяше же Володимер в страсе божьи. И умножишася зело разбоеве и реша епископи Володимеру: „Се умножишася разбойници; почто не казниши их?“ Он же рече им: „Боюся греха“. Они же реша ему: „Ты поставлен еси от бога на казнь злым, а добрым на милованье. Достоить ти казнити разбойника, но со испытанием“» [ПВЛ, т. 1, с. 86, 87]. Мне очень импонируют слова оппонентов Владимира: Божий страх – это хорошо. Но если ты Богом поставлен людям, то и должен нести ответственность за это, зло творить злым, а добро нести добрым. Владимир начинает казнить разбойников. Но и эта затея у князя провалилась. Дело в том, что ранее на Руси даже за разбойные дела не казнили, а брали с провинившихся штраф – „виру“, которая шла в княжескую казну на государственные расходы. Отменив виры, заменив штраф казнью, Владимир сильно уменьшил поступление средств в казну. Тогда княжеские советники (епископы и старцы) посоветовали князю вернуться к старой системе сбора штрафов. Объяснили они это возросшей потребностью денежных средств для ведения войн: «Рать многа; оже вира, то ти на оружьи и на коних буди» [ПВЛ, т. 1, с. 87]. Отменив виры, «живяше Володимер по устроенью (заветам) отьню и дедию» [там же]. Удивительно слышать слова христианского летописца о возвращении к языческим законам!

Снова возвращаемся к фразе из ПВЛ, характеризующей Владимира-христианина: «Володимер же просвещен сам и сынове его и земля его» [ПВЛ, т. 1, с. 83]. Судя по всему, все члены семьи Владимира и в первую очередь его сыновья приняли обряд крещения. Ну, а как же изменился в семейной жизни сам Владимир-христианин? Что стало с его языческими женами и сотнями наложниц? Отказался ли Владимир от плотских утех и жил ли по христианским законам? Ответить на эти вопросы также практически невозможно. Наверное, вряд ли! Институт многоженства и наложниц существовал на протяжении X–XI веков у многих, вновь обращенных народов [Никитин, с. 240]. Ведь не случайно же Титмар Мерзебургский назвал Владимира в сво-

ей хронике «величайшим сластолюбцем» и «прелюбодеем» [Назаренко, 1993, с. 140, 141]. Летописец уже не упоминает жен князя, считая, что у него должна остаться лишь одна, законная христианская жена. По всей видимости, это Анна. Но о ней больше в тексте нет ни слова. Лишь только под 1011 годом читается: «Преставися царица Володимеряя Анна» [ПВЛ, т. 1, с. 88]. Но кто это – болгарыня или гречанка – остается только гадать. Есть, правда косвенное, известие о том, что около 1012 года, незадолго до своей смерти, Владимир женился еще раз. Его избранницей оказалась дочь Куно фон Эннигена, внука Оттона I и Генриха II по матери [Пашуто, с. 122]. Если верить этому известию, то Владимир стал и родственником правителей Священной Римской империи германской нации.

А какие изменения претерпел сам киевский правитель? Крестившись и став правителем христианской державы, раскинувшейся на обширных просторах Восточной Европы, Владимир меняет и статус правителя. По его мнению и в глазах его современников, он не просто князь, он – император, самодержец, равный правителям самых могущественных держав. Христианское имя Василий Владимир берет не потому, что был крещен при византийском императоре Василии II. Признав это, означало согласиться с ролью «крестного сына» императора, как по летописи, Ольга, «переключав», становится дочерью Константина. С этой ролью Владимир не согласен. Он принимает имя Василий-«базилевс», что однозначно с титулом византийского императора. Он равный константинопольскому правителю! Титмар Мерзебургский отмечал, что «имя названного короля несправедливо толкуют как „власть мира”» [Древняя Русь, с. 319]. Отметим еще, что и митрополит Иларион величает Владимира титулом «каган»:

«Сей славный – от славных родился,
благородный – от благородных,
каган наш Владимир» [Елагин, 2009, с. 235].

На востоке титул «каган» приравнивался к императорскому. ПВЛ под 1011 годом говорится о смерти Анны «царица Володимеряя» [ПВЛ, т. 1, с. 88]. На этот факт обратил внимание М. В. Левченко: если

жена именуется «царицей», то и супруг носил титул «царя» [Левченко, с. 367].

Особый вид исторического источника составляют дошедшие до нашего времени золотые и серебряные монеты Владимира I. Их сохранилось мало и не только потому, что тысячелетия не пощадили их сохранность, а потому что во времена Владимира они не столько играли финансовую роль, сколько имели сакральный характер. Чеканились монеты по византийским образцам и, очевидно, греческими мастерами. Но это первые русские монеты! И на них изображен не просто киевский князь с длинными усами, бритыми подбородком и щеками, на них вычеканен правитель, подобный византийскому императору с крестом и атрибутами императорской власти. «...если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки, либо также росы, или какй иной народ из северных и скифских – а подобное случается частенько – послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов, или из мантий ради какой-либо их службы и услуги» [Константин, с. 55]. На золотых и серебряных монетах сохранились надписи в разных вариантах: «Владимиръ на столе», «Владимиръ а се его сребро», «Владимиръ на стле и се его сребро», «Владимиръ а се его злато» [Свердлов, с. 72]. Изображения на монетах разве не показатель того, каким себя считал Владимир Святославич и его окружение!

*Сребреник великого Киевского князя Владимира.
Одесский музей нумизматики*

После рассказа о «белгородском киселе» вдруг совершенно неожиданно Летописец теряет интерес к жизнеописанию князя и летописи Руси. Начиная с 998 вплоть до 1014 гг., в ПВЛ содержится лишь перечень годов, без упоминания происходивших там событий. Лишь изредка фиксируются сообщения о смерти Малфреды, Рогнеды, Изяслава, Всеслава. Под 1011 годом записано: «В лето 6519. Преставися царица Володимеря Анна», а под 1007: «В лето 6515. Пренесени святии в святую Богородицю» [ПВЛ, т. 1, с. 88]. Вот и вся информативность 16-ти христианских годов Владимира Святославича. Что это? Незнание Летописца? Отсутствие в жизни князя значимых событий, достойных упоминания летописи? Все это маловероятно. Мы уже приводили сообщения Никоновской летописи о широкой дипломатической деятельности Владимира в этот период [ПСРЛ, т. 9, с. 65–68]. Особенно хочу отметить контакты с западнохристианской церковью. В 991 году Владимир с «любовью и честью» принимает послов от Рима и в ответ отправляет свое посольство, которое возвращается на следующий год: «послы Володимеровы приидоша в Киев, иже ходиша в Рим к папе». В 1000 году Владимир принимает послов «от папы Римскаго и от королей Чезьских и Угорских» [там же, с. 68]. В 1001 году Владимир посылает «гостей своих, аки в послех, в Рим, в других во Иерусалим, и в Египет и в Вавалон, съглядати земель их и обычаев их» [там же]. Стоит еще раз отметить теплый прием Владимиром латинского проповедника архиепископа Бруно Кверфуртского. В нем нет даже намека, что Владимир Святославич принимает представителя враждебного западнохристианского мира. Для киевского князя в это время контакты с римской церковью очень важны. Еще раз напомним фразу из ПВЛ, брошенную летописцем как бы вскользь: «и бе жияя с князи околними миром, с Болеславом Лядьским, и с Стефаном Угрьским, и с Андрихом Чезьским. И бе мир межю ими и любы» [ПВЛ, т. 1, с. 86]. 25 мая 992 года после смерти польского короля Мешко I к власти приходит его старший сын Болеслав, прозванный позднее Храбрым. Смена правителя требовала установления новых дипломатических отношений. Именно с этим можно связать визит польских послов на Русь, отраженный в Никоновской летописи: «придоша послы к Володимеру от Болеслава Ляцкаго...» [ПСРЛ, т. 9, с. 64]. Дипломатические

отношения двух держав были скреплены династическим браком. Владимир женит своего сына Святополка на дочери Болеслава. По сообщению Титмара Мерзебургского, она прибывает в Киев вместе со штатом священнослужителей во главе с епископом Рейнберном. Столь внушительное сопровождение невесты призвано было не только обеспечить отправление церковных культов, но и воздействовать на церковную жизнь Руси. Очевидно, в этом находит свое объяснение конфликт, вспыхнувший между Владимиром, Святополком и польскими священнослужителями. Титмар Мерзебургский указывает, что Святополк вместе с Рейнберном задумали свергнуть Владимира. Заговор раскрылся, и заговорщики оказались в темнице. Узнав о произошедшем, Болеслав предпринимает поход на Русь, закончившийся, впрочем, неудачно. Титмар не сообщает о том, что далее совершилось со Святополком и его женой – очевидно, Владимир их простил. Ведь на момент смерти отца Святополк свободно находился в Киеве и захватил власть.

Русское государство времен Владимира не изолировано от всего мира, оно живет полноценной жизнью, контактируя со всеми странами и народами. Можно предположить, что Бруно Кверфуртский подготовил почву для установления не только дипломатического контакта. Предполагаемая женитьба Владимира на внучке короля Священной Римской империи германской нации Генриха II явилась логическим завершением процесса вхождения Руси в семью христианских стран Европы. Более того, создается впечатление, что Владимир все более склоняется в сторону западнохристианского мира. Его мало волнует Византия и контакты с ней.

Почему же автор ПВЛ предаст Владимира такому забвению? Вывод представляется один: за его проримскую, антивизантийскую ориентацию. На рубеже веков и тысячелетия болгарская держава царя Самуила вела ожесточенную борьбу с Византией. Наконец, в 1018 году императору Василию II удалось окончательно разгромить Болгарское царство. В решающей битве византийцы нанесли сокрушительное поражение болгарам. В плен попало 28 тысяч воинов. Василий II приказал половине пленных выколоть глаза, остальной – выколоть по одному глазу. И в сопровождении таких поводырей заставил плен-

ных болгар вернуться на родину. Жуткое это было шествие! За такую жестокость Василий II получил прозвище Болгаробойца.

«Своих героев веры и подвига церковь венчает титулом святости» [Карташев, с. 131], – трудно не согласиться с утверждением одного из виднейших исследователей истории русской церкви. Владимир совершил подвиг во имя церкви – он крестил Русь. Что еще может быть значимее и возвышеннее!? Значит, и церковь должна ему оплатить тем же – возвести в ранг героев, в ранг святости. Вот только с этим все почему-то загадочно и туманно. Мы даже определенно не знаем, когда произошла канонизация (и была ли она?) князя. Большинство исследователей склоняются к мысли, что Владимир был канонизирован в 30-е годы XIII века, т. е. более чем через сто лет после смерти Героя. Впервые Владимир был назван святым в Ипатьевской летописи под 1254 годом. Обстоятельства причисления его к лику святых канули в Лету. Очень странно, что канонизация Владимира не произошла ни при жизни его детей, ни внуков, ни правнуков. В 70-е годы XI века были причислены к лику святых дети Владимира – Борис и Глеб, а «Русский Константин» остался без внимания. Ведь уже в 40-е годы митрополит Иларион вознес до прославления его имя, его деяние. Именно он сравнил Владимира с Константином за великий подвиг: один крестил Римскую империю, другой – Русь. Иларион и подготовил общественное мнение к пониманию святости Владимира, его канонизации. Но оно не было услышано иерархами русской церкви, византийского патриаршества, вернее, не захотели услышать. Слабым отголоском той идейной борьбы, связанной с канонизацией личности Владимира, содержится в одном из первых житий князя, появившемся где-то в конце XI века. Его автор полемизирует с невидимыми оппонентами об их утверждении, что князь не достоин быть признанным святым, так как у его гроба не происходят чудеса. В ответ он восклицает: «Дивно же есть се, колико добра сотворил (Владимир) русьстей земли, крестив ю? Мы же хрестьяне суще, не воздаем почестья противу онаго възданию, аще бо он не крестил бы нас, то ныне быле быхом в прелести дьяволи, яко и прародители наша погинуша; да аще быхом имели потщанье и мольбы приносили Богу зань

в день преставления его, видя бы Бог тщанье наше к нему, прославил бы и. Нам бо достоит за нь Бога молити, понеже тем Бога познахом» [Голубинский, 1998, с. 63]. Почти такие же мысли содержатся у монаха Иакова: «не дивимся, возлюбленнии, аще чудес не творит по смерти, мнози бо святии праведнии не сотвориша чудес, но святи суть. Рече бо негде о том святой Златоуст» «От чего познаем и разумеем свята человека? От чудес ли, или от дел? И рече: „от дел познати, а не от чудес”» [Карташев, с. 131]. За дела надо признавать святым, а не за чудеса – утверждают авторы этих произведений. Но вот, очевидно, за дела князя, вернее, за некоторые его деяния и отказывала официальная церковь в канонизации Владимира.

Глава 6. Повесть Временных Лет и Библия

Снова вернемся к самой ПВЛ. Известия, которые она содержит, трактуются по-разному. Историки подходят к ним с источниковедческой точки зрения, пытаются выявить истинность тех или иных событий путем сопоставления с другими имеющимися данными. На этой базе создаются исторические научные работы. Писатели, публицисты, беря за основу определенные сюжеты, расцвечивают их красками собственного воображения, создают романы, сценарии фильмов. Обычные читатели, особенно религиозно-настроенные, воспринимают их истинность, не подвергая сомнению, возводят в ранг канона. Особенно это заметно стало сейчас, во времена торжественного юбилея – 1000-летия смерти Владимира Святославича.

На самом деле как же воспринимать эту летопись? Казалось бы, ответ лежит на поверхности. Летопись – погодное описание событий, хроника прошедших лет. Но сразу же возникают сомнения. Одно дело, когда Летописец – современник, а порой и соучастник событий. И пусть его описания иногда тенденциозны, высвечивая только нужные ему детали. И все равно за этим проглядывается истинность событий, ведь автор мог расспросить соучастников, поделиться собственными впечатлениями. А как быть с событиями, отстающими от Летописца на 100-200 и более лет? Это же касается летописи времен князя Владимира. И вот тут начинается самое сложное.

Летописец не был современником Владимира, при нем летописания еще не существовало и фактически события не фиксировались. Основы ПВЛ были заложены в 50-е годы XI века, структурно она сложилась лишь к концу XI века. Стало быть, от описываемых событий летописца отделяет по крайней мере век. У Летописца, поставившего перед собой сверхграндиознейшую задачу написать историю Руси, «откуда есть пошла земля русская...», под рукой не было фактически зафиксированных событий. Он пользовался только тем, что запечатлела человеческая память. А она ох как выборочна! Читая текст ПВЛ, особенно вдумываясь в слова, монологи, якобы произносимые тем или иным героем, обычный читатель воспринимает их как реально

сказанными самим человеком. На самом деле же это не так и далеко не так.

Попробуйте воспроизвести речь любого вашего современника, даже если вы слышали его выступление. Получится обозначить лишь детали, которые запечатлелись в вашей памяти, а если вам потребуется записать услышанную речь, то придется на основании этих деталей предлагать читателю собственное суждение, свои догадки. Вот так же приходилось действовать и Летописцу. Стенограмм речей героев повествования не велось, записи бесед не фиксировались – значит, то, что передает нам Летописец, на самом деле не «родные» речи героев, а то, как хотел бы автор летописи, чтобы говорил его герой. Это мысли Летописца, их он излагает, исходя из задач повествования, из структуры текста, из собственного мировоззрения.

Чем же располагал Летописец? В первую очередь, это сохранившиеся семейные предания, реликвии в память о тех или иных событиях. Это воинские воспоминания о походах, битвах, действиях князя и его дружины, а также воспоминания, запечатленные в народной памяти и передававшиеся из поколения в поколение изустно, видоизменяясь, трансформируясь от времени. Со временем они превращаются в фольклор и, соединяясь с ним, подгоняются под те или иные фольклорные моменты, и уже становится непонятно, где быль, а где легенда. Летописца XI века это не особенно волновало. Он жил в мире, когда люди еще находились в языческом фольклорном миропонимании, и лишь единицы, отрицая все прошлое, тянулись к новым знаниям христианского мира. Мир наших предков стоял на распутье. Старое, уходящее, всеми фибрами души цеплялось за возможность еще вернуться к тому, «как отцы и деды жили». Но уже чувствовалась неизбежность новых веяний. Тем более, что христианство врывалось в мир агрессивно, стремясь как можно быстрее покончить со старым. Язычество – это мир фольклора, эпоса; христианство – нравочений, житийной литературы, регламентирующей новый образ человека. На первый план выходят два сверхсущества: Бог и дьявол. И тот, и другой имеют свою окраску: белую и черную. Их постоянная борьба естественно влияет и на мир людей. Люди всецело зависят от их воли

и склоняются то в одну, то в другую сторону, совершают либо богоугодные, светлые поступки, либо черные, дьявольские. Это так ярко отразилось в замечательном произведении древнерусской литературы «Киево-Печерском Патерике» [Елагин, Шаланова, 2000].

Итак, противостояние: Бог – дьявол, христианство и язычество, нравоучительность и фольклор – все это представлено в ПВЛ и красной строкой предопределяет структуру произведения. Отсюда я подвожу читателя к мысли о том, что в летописных известиях о князе Владимире мы не найдем исторического описания событий, а увидим рассказ о том, как Летописец воспринимал их, преломляя через призму собственного понимания и задач построения текста.

Для монаха-летописца все, что связано с языческим миром, – это время темноты, невежества, господства дьявола! Все, что связано с христианством, – это время Света и Разума. Отсюда и рассказ о князе, совершившем шаг от язычества, этого темного мира, есть путь к просветлению и духовному совершенству. Поэтому для своего повествования писатель использует всего лишь две краски – черную и белую. Черной описывается языческий мир князя, светлой – образ Владимира-христианина.

Здесь надо отметить, что этот же принцип противоположностей заложен и в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона [Елагин, 2009, с. 215–246]. Все произведение построено по принципу сравнения и противостояния. Иларион недаром сводит воедино Закон и Благодать. Благодать не может возникнуть вне Закона, а только на точном соблюдении всех его основ. Для митрополита Илариона Закон – это Ветхий Завет, на основе которого рождается Благодать – Новый Завет. Ветхий Завет – это сущность языческого мира, Новый Завет – это торжество христианства. Ветхий Завет дал основу иудаизму – религии евреев. На этой почве родился Новый Завет – основа христианской веры, вышедшей за пределы одного народа и ставшей мировой религией. Еще раз обозначим цепь рассуждений Илариона:

Закон – Благодать,
Ветхий завет – Новый Завет,
Иудаизм – Христианство,
Израиль – Весь мир.

А дальше Иларион уже переносит историю на русскую почву. Русь, по его словам, получает крещение от Византии. Византия – это Закон, крещенная Русь прорастает Благодатью. А чтобы было еще убедительнее, Иларион приводит целую цепь сравнений. Распространению христианства по всему миру способствовали Апостолы. Был и на Руси свой Равноапостольный Андрей, который, по словам летописи, водрузил крест на киевских горах и провозгласил: «Видите ли горы сия? – яко на сих горах восияеть благодать божья; имать град велик быти и церкви многи бог въздвигнуть имать» [ПВЛ, т. 1, с. 12].

Основу христианской веры в Римской империи закладывали первые христиане-мученики. На Руси таковыми стали отец и сын христиане-варяги, погибшие за христову веру от рук разъяренных язычников. Государственной религией Римской империи христианство стало благодаря императору Константину и его матери Елене. Из под пера Илариона Владимир, крестивший Русь, становится подобным Константину. А за неимением у Владимира матери-христианки на первый план у Илариона выходит его бабушка Ольга, ставшая вровень с Еленой.

Так впервые в историю Руси внедряются мифологизированные образы апостола Андрея и равноапостольной княгини Ольги. Можно и дальше приводить сравнения Илариона, но даже и этого, мне кажется, достаточно, чтобы понять, что уже первое осмысление христианизации Руси идет не по пути выявления точных фактов, выстраивания цепочки логических действий, а по пути подражания библейской истории и попытки привязать местные события к общемировой истории (прежде всего, римской и византийской).

Мы иногда забываем, что вся средневековая литература составлена по определенным канонам, для нее важен был образец, по которому и писались последующие произведения. Говоря сегодняшним языком, она была построена компилятивно. И ничего зазорного в этом писатели не видели. Более того, знание Библии, цитирование Священного писания были показателем учености, «книжности». С определенным чувством гордости в Киево-Печерском Патерике говорится о Никите Затворнике, с которым «не мог никто также померяться с ним в знании книг Ветхого завета, он его весь наизусть знал: Бытие,

Исход, Левит, Числа, Книгу Судей, Книгу Царств и все Пророчества по порядку, и все книги иудейские знал хорошо» [Елагин, Шаланова, с. 162].

Еще в 70-х годах XX века Торопов В. Н. высказал мысль, что «цели исторического описания, каковым и были ПВЛ, заключались в том, чтобы включить исторические реалии в традиционную космологическую (в основном мифологическую) картину мира, систематизировав реалии на основе общепринятой схемы» [Торопов, с. 78]. Как понимать эту космологическую схему? История собственного народа воспринимается как продолжение античной истории, основные ее этапы выводятся из эпизодов Священного Писания. Герои средневековой литературы вписывались в образ героев предшествующих веков. Например, сопоставление христианского правителя с Соломоном и Константином Великим было общим местом средневековой историографии [Петрухин, 2005, с. 185]. Так создавались византийские хроники (Амартола, Малалы, Хронограф по Великому изложению). За образец бралась история Ветхого и Нового Заветов, а события собственной истории рассматривались через призму библейской истории.

Традиции летописания на Руси не было. Оно пришло к нам с процессом христианизации, и «материнской» основой явились болгарские летописи и византийские хроники. В них уже существовало описание всемирной истории, эпицентром которой являлась иудейская история, а затем и византийская. Вместе с крещением Русь приобрела не только письменность, но и существовавшие литературно-исторические знания о происхождении мира, жизни человечества. Все это укладывалось в видении структуры мира византийским хронографом. В их основе – ветхозаветная и новозаветная история человечества. Начальное русское летописание зарождается как копирование уже существующих и попавших в руки ученых монахов текстов. Здесь и происходит желание первых летописцев соотнести русскую историю с уже известной. Летописец сравнивает своих героев с библейскими, где-то полностью копируя их образы. События собственной истории рассматриваются им через призму Священной истории. Осо-

бенно это заметно при описании времени христианизации Руси. Для наглядности мы составили три таблицы заимствований по времени княжны Ольги, борьбы ее внуков и жизнедеятельности Владимира.

Летописец сам признается, что рассказ о поездке Ольги в Константинополь практически скопирован с библейского повествования о путешествии царицы Савской. Только в русском варианте сюжет развивается как бы наоборот. Царица, услышав о мудрости Соломона, пришла к нему с большим количеством подарков. Она решила проверить, права ли людская молва о его невероятных умственных способностях. С этой целью она загадывает Соломону загадки. Поразившись ответам, царица Савская уверовала в его мудрость. В ответ царь оказал царице должное внимание, также одарил подарками и отправил в обратный путь (табл. 1: 5-8).

Таблица 1

№	Образ Ольги в ПВЛ	Библейские сюжеты
1	2	3
1	«Иде Ольга в Греки и приде Царюгороду. Бе тогда царь Костянтин сын Леонов, и приде к нему Ольга, и виде ю добру сущю зело лицом и смыслену» [с. 44]	«И было, когда пришел Аврам в Египет, Египтяне увидели, что она (Сара) женщина весьма красивая» [Быт. 12.14]
2	«Подобна еси царствовать в граде с нами» [с. 44]	«И взята была она (Сара) в дом фараонов» [Быт. 12.15]
3	«...возва ю царь, и рече ей: „Хощю ты пояти себе жене“. Она же рече: „Како хочеши мя пояти, крестив, мя сам и нарек мя дочерею“» [с. 44]	«Для чего ты сказал: «Она сестра моя» и я взял было ее себе в жену. И теперь вот жена твоя; возьми и пойди» [Быт. 12.19]
4	«И дасть ей дары многи... и отпусти ю»	«И дал о нем фараон повеленье людем и проводили его и жену его и все, что у него было» [Быт. 12.20]
5	«Иде Ольга в Греки и приде Царюгороду» [с. 44]	«Царица Савская, услышав о славе Соломона, во имя Господа, и пришла испытать его загадками» [3-я Цар. 10.1]
6	«...Сущю зело лицом и смыслену, и удивися царь разуму ее» [с. 44]	«И сказала царю: верно то, что я слышала о земле своей о делах твоих и о мудрости твоей» [3-я Цар. 10.6]

1	2	3
7	«И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя» [с. 44]	«И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями» [3-я Цар. 10.2] «И царь Соломон дал царице Савской все, чего она желала и чего просила, сверх того, что подарил ей царь Соломон своими руками»
8	«Иде с миром в свою землю и приде Киеву» [с. 45]	«И отправилась она обратно в свою землю, она и все слуги ее» [3-я Цар. 10.13]
9	«Се же бысть, яко же при Соломане приде царица Ефиопская к Соломану, слышати хотяши мудрости Соломани и многу мудрость виде и знаменья: тако же и си блаженная Ольга искаше доброе мудрости божья, но она человечески, а си божья» [с. 45]	

В ПВЛ уже византийский император удивляется красоте и мудрости русской княгини. В «Книге Царств» нет эпизода сватовства Соломона к царице Савской. В версии Летописца он появляется в виде красочного рассказа о том, как император, увидев красоту Ольги, проникся к ней любовью и предложил руку и престол: «подобна еси царствовать в граде с нами» [ПВЛ, т. 1, с. 44]. В ответ Ольга предлагает своеобразную игру-загадку. На предложение императора выйти за него замуж она уклончиво отказывается, мотивируя это тем, что она язычница. Ольга предлагает императору крестить ее!

Крещение Ольги осуществляют император и патриарх, т. е. главы светской и духовной власти. После свершившегося священнодействия император вновь предлагает киевской княгине стать его женой. В ответ следует убийственное: «како хочеш мя пояти, крестив мя сам и нарек мя дщерею» [ПВЛ, т. 1, с. 44].

Ольга перехитрила незадачливого «жениха». Вообще это сюжет из народного эпоса. В нем невеста загадывает жениху загадки, и если тот их отгадывает, становится его женой. Византийский император не смог разгадать хитрые построения Ольги, и ему осталось лишь воскликнуть: «Переключкала мя еси», перехитрила ты меня! Это миг торжества киевской княгини! Она становится христианкой в результате

*Крещение Ольги в Царьграде.
Миниатюра из Радзивилловской летописи*

победы ее тонкого ума, невероятной мудрости над косностью византийского мышления. Она не жалкая просительница, она – победитель, заставивший противника принять ее условия. Ольга, как «дочь», становится частью византийской императорской семьи. И уже как христианская правительница приносит на Русь светоч христианской мудрости. Так по версии ПВЛ. Летописца совершенно не смущает тот факт, что если доверять хронологии ПВЛ, Ольге на момент поездки в Константинополь было уже где-то 60–70 лет. Возраст для того времени достаточно внушительный. Летописец «забывает», что на аудиенции рядом с императором восседала его молодая жена, и что христианскому правителю вроде как непристойно быть многоженцем... Любопытно отметить, что в византийских хрониках, подробно описавших два приема византийским императором Константином VII «архонтисы русов» ни слова нет о крещении Ольги. Просто невероятно даже предположить, что византийские хроникеры упустили в описании такой важный момент, как крещение киевской княгини, ведь незадолго до этого они зафиксировали факт крещения венгерских князей. Все это выдумки Летописца! А за основу сюжета сватовства византийского императора к Ольге он берет эпизод из «Книги Бытия» о попытке египетского фараона жениться на жене Аврама Сарре

Святая Ольга. Эскиз к мозаике Н. К. Рериха

(табл. 1: 1-4). Аврам называет свою жену Сару сестрой, обманывая египетского фараона. Престарелая Сара прельщает египетского правителя, и тот, собираясь на ней жениться, берет ее в свой дом. Но Бог не позволил совершиться этому греху, и фараон вынужден был ее отпустить. Вот оно сочетание образов: престарелая Сара и мудрая царица Савская воплощаются в киевскую княгиню! Остается ответить на вопрос: для чего Летописец, сознательно искажая факты, создает такой библейский образ Ольги? Ответ мы находим в «Слове и Законе и Благодати» митрополита Илариона. Христианское имя Ольги – Елена. Очевидно, это имя при крещении она получила в честь матери римского императора Константина. Иларион прямо сравнивает Ольгу с Еленой. Мать крестителя Римской империи совершила поездку в Иерусалим и оттуда привезла крест, на котором был распят Христос. Ольга совершает путешествие в Константинополь, новый Иерусалим, и распространяет крест христианства на Руси. Ольга под пером Илариона становится таким образом прародительницей русского христианства. Отстаеся создать образ «русского Константина». И таким становится Владимир Святославич.

В ПВЛ резко бросаются в глаза сюжеты о трех братьях. Прежде всего, это Рюрик, Синеус, Трувор – на новгородском севере; Кий, Щек,

Хорив – на киевском юге. Они идут как из общеславянского эпоса (достаточно вспомнить еще Чеха, Ляха и Руса), так и бесспорна их связь с тремя библейскими сыновьями Ноя. Вот и у Святослава три сына. Сейчас уже и не узнать – реальное это число или же попытка подогнать под библейскую канву. Мы уже упоминали о наличии еще одного брата Владимира – Сфенга. Но речь в ПВЛ идет только о трех братьях. Цифра «три» выступает везде как сакральная. Ярослав делит землю между тремя сыновьями, хотя на самом деле их больше. Софийские соборы строятся в трех русских центрах – Киеве, Новгороде, Полоцке. София – это христианская Премудрость, значит, именно в эти земли переселяется из Византии христианская Премудрость – Благодать. А отсюда получается вывод русского Летописца о преемственности трех миров: Иерусалим – Константинополь – Киев. Недаром Ярослав строит Золотые Ворота, которые украшали вход в эти миры. Сакральное число «три» встречается еще не один раз: Владимир грозит стоять под Херсонесом три года; старец из «Белгородского киселя» просит не сдаваться три дня; единоборство Кожемяки с печенегом «то не будет войны три года» и т. д.

В описании повода войны между сыновьями Святослава взят библейский сюжет о разделении земли между сыновьями Ноя и нарушении их границ (табл. 2: 1, 2)

Таблица 2

№	Война сыновей Святослава в ПВЛ	Библейские сюжеты
1	2	3
1	Три сына Святослава	Три сына Ноя
2	«И заехав уби и бе бо лови дея Олег» [с. 53]	«Сим же и Хам и Афет, разделивше землю, жребьи метавше, не приступать никому же в жребий братень» [ПВЛ, т. 1, с. 10]
3	И <u>изиде противу</u> его Олег и <u>ополчистася</u> [с. 53]	И <u>вышли</u> люди <u>в поле</u> навстречу израильтянам [2-я Цар. 18.6]
4	И рече <u>един</u> деревлянин: « <u>Аз видех, яко вчера спехнуша с мосту</u> » [с. 53]	И увидел <u>это некто</u> и донес Иоаву, говоря: « <u>вот я видел</u> Авессалома <u>висящим на дубе</u> [2-я Цар. 18.10] В долине же Сиддим было много смоляных ям. И цари Содомский и Гоморрский, <u>обратившись в бегство упали в них</u> [Быт. 14.10]

1	2	3
5	И <u>приде</u> Ярополк, над нем <u>плакася</u> , и <u>рече</u> Свеналду [с. 53].	И смутился царь, и <u>пошел</u> в горницу над воротами <u>и плакал</u> , и когда шел, <u>говорил</u> так... [2-я Цар. 18.33]
6	И погребоша Ольга на месте у города Вручога и <u>есть могила его и до сего дне</u> [с. 53]	И взяли Авессалома, и бросили его в лесу в глубокую яму, и наметали над ним огромную кучу камней... И называется он « <u>Памятник Авессалома до сего дня</u> » [2-я Цар. 18.17.18]
7	«У Ярополка же жена грекини бе и беше была черницею; бе бо привел ю отець его Святополк, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея» [с. 53]	«и увидишь между пленными женщиною, красивую видом и полюбишь ее и захочешь взять ее себе в жены. То приведи ее в дом свой [Барац]

«Сим, Хам, Иафет разделивше землю, жребьи меташа не преступать никому же жребий, братень и живяхо каждый в своей части» [ПВЛ, т. 1, с. 10] – Летописец по своему переиначивает слова Библии о разделении земель сыновьями Ноя, на первый план выдвигая нерушимость границ. Эта мысль будет генеральной линией ПВЛ, пронизывая всю ее структуру. Ее мы встречаем в завещании Ярослава Владимировича: «и тако раздели им грады, заповедав им не преступати предела братня» [ПВЛ, т. 1, с. 108]. Летописец гневно осуждает Святослава Ярославича: «преступивша заповедь отню» [там же, с. 121]; он бичует князей, нарушивших основной постулат Любечского съезда: «каждо да держить отчину свою» [там же, с. 170]. А начинается эта линия с сюжета ПВЛ о том, как Лют Свенельдич нарушает границы охотничьих угодий, за что его и убивает Олег. Сам же ход войны подгоняется под описание борьбы царя Давида со своим сыном Авессаломом (табл. 2: 2-6). Давид не хочет смерти сына и приказывает его спасти. Но Авессалом погибает. Вестники приносят царю известие о гибели его сына. Давид горько оплакивает его смерть. По ПВЛ, Ярополк не хочет смерти своего брата, вот почему он оплакивает его гибель и бросает гневный упрек Свенальду: «Вижь сего ты еси хотел». Но так или иначе в ПВЛ Ярополк выставляется как братоубийца. К тому же он еще и грешник, т. к. женат на плененной гречанке, растриженной монахине. Стало быть, в глазах Летописца война, которую ведет Вла-

дмир против Ярополка, справедливая. «Не я ведь начал убивать братьев, но он», – констатирует автор, оправдывая Владимира.

Владимир – победитель. Младший сын, «робичич», завоевал киевский престол. Он совершил то, что вроде бы и не предназначено было его судьбой. Но Владимир остается язычником, и Летописец еще ярче подчеркивает его языческое начало. Он третий, младший сын Святослава, стало быть, уже в силу своего рождения не имеет права на наследование отцовского престола. К тому же Владимир рожден от ключницы-рабыни, и это еще больше усугубляет его положение. Летописец настойчиво убеждает нас в его низкородном происхождении. Можно ли верить этому известию? По всей видимости, нет, т. к. этот летописный сюжет почти полностью скопирован под «Книгу Бытия» (табл. 3: 1). Прототипами выступают: Святослав – Аврам, Ольга – Сара, Малуша – Агарь, Владимир – Измаил. По «Книге Бытия» Аврам родил Измаила от рабыни Агари, на чем настояла его законная жена Сара, у которой не было детей. Но под конец жизни Сары Господь даровал и ей ребенка, которого назвали Исаак. И вот здесь Сара изменяет характер поведения. Она завидует рабыне и, боясь за своего сына, требует у Аврама изгнать Агарь и ее сына в пустыню: «не наследует сын рабыни...». Но как жестоко она ошибалась. Сара забыла наставления Господа: «от сына рабыни я произведу народ». В пустыне у Измаила, по завету Бога, родилось 12 сыновей: «Сии суть сыны Измаиловы», которые расселились «в селениях их и кочевьях их». Тем временем у Исаака также родилось 12 сыновей. Старшими из них являются Исав и Иаков. Иаков перекупает у брата право первенства и потомки его детей становятся господствующим народом.

«Палея Толковая» поясняет это тем, что сначала людям был дан Закон Моисея – это Исав, а затем уже дарован Новый Завет – это Иаков. «И сказал Господь, что старший будет служить младшему» [Палея Толковая, с. 194].

В ПВЛ Ольга выступает в роли Сары. Она, по версии Никоновской летописи, прогневалась на свою рабыню Малушу и прогнала ее в «пустыню» в село Бутятино, где и родился Владимир. Он сын свободного и рабыни. Он – русский Измаил. Теперь становится понятным,

почему Летописец так рьяно убеждает читателей, что Владимир – «робичич». Владимир не покупает первородство у своих братьев, он его завоевывает в братоубийственной войне.

Но снова вернемся к детству Владимира. Ему достается то, от чего отказываются его старшие братья. Это широко распространенный эпический сюжет содержится и в Библии. «Авимелех, сын Иероваала от рабыни, был поставлен царем в Сихем к братьям матери своей». Именно они уговорили жителей Сихема просить Авимелеха стать царем в их городе. Тот же сюжет и в ПВЛ. Дядя Владимира по матери Добрыня подговаривает новгородцев, как и жителей Сихема, просить себе в князя младшего из сыновей Святослава (Иероваала). Вот как Летописец обыграл пребывание Владимира в Новгороде. Он создает искусственный образ киевского князя из сложнейших комбинаций сюжетов, взятых из народного эпоса, Ветхого и Нового Заветов, житийной литературы.

Таблица 3

№	Образ Воадимира в ПВЛ	Библейские сюжеты
1	2	3
1	«Володимер бо бе от Малуши, <u>ключнице Ользины</u> » [с. 49]	«И сказала Сара Авраму, вот Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать; войди же к <u>служанке моей</u> : может быть и я буду иметь детей от нее. Аврам послушался слов Сары» [Быт. 16.2] «Агарь родила Авраму сына и нарек Аврам имя сыну своему, рожденного от Агари: Измаил» [Быт. 16.15] «И Сара стала притяснять ее, и она убежала от нее» [Быт. 16.6] «И сказала Аврааму: выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни» [Быт. 21.10] «И от сына рабыни Я произведу народ, потому что он семя твое» [Быт. 21.13]
2	«И жряху им, наричюще я боги и привожаху сыны своя и дщери, и <u>жряху бесом</u> и <u>оскверняху землю</u> <u>требами своими</u> » [с. 56]	« <u>Жряху бесом оскверняхуся земля</u> <u>требами своими</u> » [ПС, 105, 34-44]

1	2	3
3	<p>«Бе же Володимер <u>побежен похотью женьскою</u> и быша ему водимья: Рогънед... от грекине... от чехине... а от другое... а от болгарыни» [с. 56, 57]</p> <p>«а наложниц бе у него <u>300</u> Вышегороде, а 300 Белегороде, а 200 на Берестове... бе бо рече, у Соломана <u>жен 700, а наложниц 300</u>» [с. 57]</p> <p>И бе несыть блуда, приводя к себе <u>мужыски жены и девице растьяля</u></p>	<p>«И <u>полюбил царь Соломон</u> многих чужестранных женщин, кроме <u>дочери фараоновой, Моавитянок, Аммонитянок, Идумеянок, Сидонянок, Хеттеянок</u>» [3-я Цар. 11.1]</p> <p>«И было у него <u>семьсот жен и триста наложниц</u>, и <u>развратили жены его сердце его</u>» [3-я Цар. 11.3]</p>
4	<p>«Не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнееть; не ядят бо, <u>ни пьютъ, ни молвят, но суть делани руками в древе</u>» [с. 58]</p>	<p>«И будете там служить богам, <u>сделанными руками человеческими из дерева и камня, которые не видят и не слышат, и не едят и не обоняют</u>» [Втор. 4.28]</p>
5	<p>«Руси есть веселье питье, не можем бес того быти» [с. 60]</p>	<p>«Ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов.</p> <p>Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» [Матф. 26; 28–29]</p> <p>А еще рече «веселе очи его от вина. Вино бо есть кровь Христова, иже преда нам рек: «Пиите, се есть кровь моя, изливаема за вы»: пострада бо Бог плотию, возвеселися божеством» [Палея Толковая, с. 248]</p>
6	<p>«повеле кумиры испровреци (опрокинуть), <u>овы исещи, а другия огневи предати</u>» [с. 80]</p>	<p>«И <u>изрубил Аса истукан ее и сжег у потока Кедрона</u>» [3-я Цар. 15.13]</p>
7	<p>«Бе бо у него <u>сынов 12</u>» [с. 83]</p> <p>...И посади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка в Турове, а Ярослава Ростове» [с. 83]</p>	<p>«Сии суть <u>сыны</u> Измаиловы, и сии имена их, в селениях их, в кочевьях их. Это <u>двенадцать князей племени их</u>» [Быт. 25.16]</p>
8	<p>«Посем же Володимер живяше в законе хрестьянстве <u>помысли</u> создати церковь Пресвятая богородица» [с. 83]</p>	<p>«И вот я (Соломон) <u>намерен построить</u> дом имени Господа, Бога моего» [3-я Цар. 5.5]</p>

1	2	3
9	«И наченшю же здати, и яко <u>сконча зижя, украси ю</u> иконами...» [с. 83]	«И построил он храм и <u>кончил</u> его, и <u>обшил</u> храм кедровыми досками» [3-я Цар. 5.9] «И <u>построил Соломон</u> храм и <u>кончил</u> его» [3-я Цар 5.14] «И <u>обложил</u> Соломон храм внутри чистым золотом» [3-я Цар. 5.21]
10	«Владимер виде в церковь <u>свершену</u> , вшед в ню и помолился богу, глаголя: « <u>Господи боже! Призри с небесе и вижь... Призри на церковь твою си, юже создах, недостойный раб твой, в имя рожьшая тя</u> матере приснодевья богородица. Аже кто помолиться в церквѣ сей, то <u>услыши молитву его молитвы ради пречистыя богородица</u> » [с. 85]	«Так <u>совершена</u> вся работа, которую производил царь Соломон для храма Господа» [3-я Цар. 7.51] «Я <u>построил</u> храм в жилище тебе, чтобы пребывать тебе во веки» [3-я Цар. 8.13] «И сказал: „ <u>Господи, Боже Израилев! Нет подобного Тебе Бога на небесах вверху и на земле внизу</u> ”» [3-я Цар. 8.23] «Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают тебя, тем менее сей храм, который я построил» [3-я Цар. 8.27] «Но <u>призри на молитву</u> раба твоего и на прошение его, Господи, Боже мой; <u>услышь воззвание и молитву</u> , которую раб твой умоляет Тебя ныне» [3-я Цар. 8.28] « <u>Услышь моление</u> раба Твоего и народа Твоего Израиля, когда они будут молиться на месте сем» [3-я Цар. 8.30]
11	« <u>Даю церкви сей святей Богородици от имения моего и от град моих десятую часть</u> » [с. 85]	«И <u>всякая десятина</u> ни земле из семян земли и из плодов дерева принадлежит Господу; это святыня Господня» [Лев. 27.30] «И <u>всякую десятину</u> из крупного и мелкого скота, из всего, что проходит под жезлом десятое, <u>должно посвящать Господу</u> » [Лев. 27.32]
12	«И <u>вдасть десятину Настасу Корсунянину</u> » [с. 85]	«И благословен Бог всевышний, который предал врагов твоих в руки твои. <u>Аврам дал ему (Мелхиседеку священнику Бога всевышнего) десятую часть из всего</u> » [Быт. 14.20; Лев. 27. 30, 32]

1	2	3
13	«Избыв же Володимер сего, постави церковь и <u>створи праздник велик...</u> И съзываше боляры своя, и посадники, старейшины по всем градом, и люди многы» [с. 85]	«И <u>сделал Соломон в это время праздник, и весь Израиль с ним</u> » [3-я Цар. 8.65]
14	<u>Праздновав князь дний 8, и възвращается</u> Киеву на Успенье святыя богородица и ту паки сотворяше праздник велик, съзывая бесчисленное множество народа. Видя же люди хрестьяны суца, <u>радовашеся душею</u> и телом [с. 85]	«В <u>восьмой день</u> Соломон <u>отпустил</u> народ. И благословили царя, и пошли в шатры свои, <u>радуясь и веселясь в сердце</u> о всем добром, что сделал Господь рабу Своему Давиду и народу Своему Израилю» [3-я Цар. 8.66]
15	«Повеле всякому нищему и убогому приходити на двор княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье и от скотъниц кунами... Тем раздаваху на потребу» [с. 86]	«Блажени милостивии, яко ти помилувани будутъ» [Матф. 5, 7; 6, 1–4]
16	«По устроенью отъню и дедню» [с. 87]	«...ходя по уставу Давида, отца своего» [3-я Цар. 3.3.]
17	Поединок отрока Владимира с Печенегом [с. 84–85]	Битва Давида с Голиафом [1-я Цар. 17]
«Се есть новый Константин Великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя: тако и се створи подобно ему» [с. 89].		

В ПВЛ приводится очень яркое сравнение Владимира с Соломоном (табл. 3: 3). Библейский герой брал в жены представительниц тех стран и народов, которые либо были им завоеваны, либо с ними были установлены дипломатические отношения. Отсюда и «география» жен Соломона. Становится понятным, почему Летописец, говоря о женах Владимира, указывает на их национальность. Он не знает имен жен (кроме Рогнеды), да это и не важно. Главное – сопоставить киевского князя с библейским героем. Но и это еще не все. Летописец просто подгоняет количество жен и наложниц Владимира под Соломонову мерку. Соломона развратили его жены и наложницы, то же самое происходит и с Владимиром. Но киевский князь вовремя останавливается, и Летописец восклицает: «Мудр же бе (Соломон), а наконец погибе; се же (Владимир) бе невеголос (язычник), а наконец обрете спасение». Мудрость Соломона не спасла, т. к. он не разглядел путей

спасения. Владимир, став русским Соломоном, через крещение нашел этот путь.

Но путь к крещению лежал через «языческую реформу». Много копий сломано исследователями, пытавшимися за скупыми строками летописи разглядеть всю суть и содержание этой реформы. Эта тема требует особого внимания. Я же обращаю внимание читателя на тот факт, что сама реформа и то, как она описана у Летописца, убедительным образом совпадает с реформой, которую провел Константин Великий. Римский правитель перед тем, как официально сделать христианство государственной религией, так же пытался возродить языческую веру. Он собирает пантеон богов, покоренных народов, пытаясь их приспособить под изменившиеся условия. Но с языческой реформой ничего не получилось, и Константин делает христианскую веру государственной религией. Те же шаги определяет Летописец и

Памятник Владимиру Великому в Киеве

Владимиру. В ПВЛ отмечается, что киевский князь ставит «на холму, вне двора теремнаго» языческих богов, а затем дает гневное осуждение за совершение человеческих жертвоприношений. Летописец-христианин применяет имевшую широкое распространение цитату из Псалтыри: «Жряху бесом оскверняхуся земля требами своими» (табл. 3: 2). И теперь приходится совершенно по-другому посмотреть на языческую реформу Владимира: а была ли она на самом деле? Или все это христианская фантазия Летописца? Попутно отмечу, что исследователи единодушно отмечают отсутствие человеческих жертвоприношений у восточных славян [Кузьмин, с. 9].

И совершенно не случайно в ПВЛ включается рассказ об отце и сыне – варягах. В теологическом споре с язычниками христианин-отец, казалось бы, должен отстаивать собственные убеждения и аргументированные доводы. На самом деле Летописец вкладывает в его уста выдержку из Второзакония: «и будете служить богам, сделанными руками человеческими из дерева и камня...» (табл. 3: 3).

Я не касаюсь здесь темы «выбора веры». Искусственность этих эпизодов не подлежит сомнению. «Речь философа» явно перенесена из других источников и уж никак не принадлежит к действиям Владимира.

Мы уже отмечали, что и в «Выборе вер», и в «Корсуньской легенде» соединены разные концепции крещения Владимира и Руси. Очевидно, на момент завершения создания ПВЛ шла яростная идеологическая борьба за собственную теорию крещения. Победила корсуньская версия, которая на много веков лишь запутала вопрос о крещении князя и извратила понимание сути этого процесса.

По ПВЛ, вернувшись из корсуньского похода, Владимир крещение Руси начинает со свержения языческих богов. В летописи дается очень яркий эпический рассказ о ниспровержении идолов. В нем явно много выдуманного. Сама основа повествования взята из Третьей книги царств (табл. 3: 6): «и изрубил аса истукан ее и сжег у потока Кедрона». В ПВЛ так же часть идолов разрубают на куски, а других сжигают. Перуна, привязав к конскому хвосту, спускают с горы к Днепру, «12 мужа пристави тети (бить) жезльем».

Число «12» явно не случайно упоминается в ПВЛ. В библейской истории оно носит сакральный характер: 12 апостолов – учеников Христа, 12 ворот (по числу колен Израилевых) было в стене небесного Иерусалима. Столько же сыновей было у Иакова и Измаила. «Количеством „колен Израилевых” определялось число камней, поставленных Моисеем у жертвенника перед Синаем, а также количеством драгоценных камней, украшавших ризу первосвященника», – подметил И. Н. Данилевский [Данилевский, 1993; 2004, с. 170].

В двух росписях количества сыновей у Владимира Летописец явно подгоняет их общее число под цифру «12». И хотя в ПВЛ Владимир напрямую не ассоциируется с Иаковом и Измаилом, но все же в контексте читается явная его параллель с библейскими героями. И еще одна любопытная деталь: Владимир уподобляется Иакову на том основании, что и тот, и другой незаконно захватили власть, по праву принадлежащую их старшему брату [Данилевский, 2004, с. 172].

И уж практически скопированы с библейских сюжетов рассказы ПВЛ о строительстве первых христианских храмов и устройстве церковной жизни. Плотниковой О. А. подмечено, что дата начала строительства церкви Пресвятой Богородицы приурочена к 11 мая. Дата символична, т. к. в этот день была заложена церковь Пресвятой Богородицы в Константинополе – «втором Иерусалиме» [Плотникова, с. 5]. Можно предположить, что и само сооружение этой церкви носит сакральный характер: закладываются основы христианского Киева – «третьего Иерусалима». Летописец вновь сравнивает Владимира с Соломоном. И тот, и другой дивятся красоте созданной ими церкви и посвящают ее Богу (табл. 3: 10). Владимир дает десятину Анастасу Корсунянину, как в свое время дал Аврам Мелхиседеку (табл. 3: 12). Да и сам принцип десятины заимствован из Книги Левит (табл. 3: 11).

Наиболее ярко компиляция проявляется в описании завершения строительства церкви Преображения. Владимир закатывает пир на 8 дней. Откуда берется эта цифра? Из Третьей книги Царств (табл. 3: 15). Этот рассказ явно скопирован с описания праздника царя Соломона.

Владимир пытается жить по христианским законам. Наверное, и об этих действиях Летописец имел слабое представление. И вместо реальных событий он погружает читателя в мир Евангелия, где на первый план выходит эпизод нищелюбия. И, по версии автора ПВЛ, устраивает бесплатные обеды всем нуждающимся: «тем раздаваху на потребу» (табл. 3: 15). Ничего, кроме непонимания, не вызывает у исследователей фраза: «и живяще Владимир по устройению отню и дедню». Как так? Владимир – христианин и вдруг стал жить по языческим законам своих отца и деда. Она станет понятной, если принять во внимание, что Летописец чисто механически включил ее в текст из Третьей книги Царств: «И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего» (табл. 3: 16).

*Владимир Святославич на памятнике
«Тысячелетие России» в Великом Новгороде*

Остается сожалеть, что окончание жизнеописания князя Владимира разрушено более поздними редакторами. Очевидно, из первоначального текста ими убрано все, что не соответствовало их концепции установления христианства на Руси. И если языческий мир князя описан довольно ярко, то христианская жизнь нарисована невнятно и достаточно куце. Возникает даже сомнение, а достиг ли Владимир праведной христианской основы? Очевидно, нет. Как любой человек, резко изменивший устои своей жизни, он сохранял в себе и прежние черты, и пытался проявить новые. А уж под пером Летописца он превращается в Символ новой веры, объект поклонения. Ведь недаром повествование в ПВЛ о его жизни заканчивается ярким панегириком, в котором дается сравнение с Константином Великим: «Се есть новый Костянтин великого Рима, иже крестився сам и люди своя: тако и се створи подобно ему» [ПВЛ, т. 1, с. 89].

Заключение

Мысль о том, что Летописец в ПВЛ использовал те или иные библейские сюжеты для описания исторических событий, возникла давно. Еще В. Н. Татищев отмечал, что в рассказах о благородном киевляне, о поединке переяславского юноши с печенегом использован пересказ библейских материалов [Татищев, т. 2, с. 235, 236]. По всей видимости, более менее целенаправленно позицию использования библейских сюжетов для описания летописных материалов сформулировал Г. М. Барац [Барац, 1908]. В своей работе он приводит много примеров и прямого цитирования и непосредственного заимствования древнерусским Летописцем событий библейской истории. На рубеже XIX–XX вв. Е. Е. Голубинский, тонкий знаток церковной истории России, подводит читателя к пониманию того, что большая часть древнерусских известий о времени Владимира не только малоинформативна, но и лишена исторической правды. Он восклицал в порыве полемики с возможными оппонентами: «Прискорбна обязанность посягать на то, относительно чего весьма многие так привыкли и так хотели бы не сомневаться и в чем тщеславие этих весьма многих находит такое себе удовлетворение. Но неуловимый долг историка заставляет нас сказать, что повесть эта (ПВЛ – В. Е.) не заключает в себе ничего истинного, что она есть позднейший вымысел, при этом даже вымысл, по всей видимости, не русский, а греческий» [Голубинский, 1997, с. 105]. Прошло сто лет после этих слов исследователя, а мало что изменилось. Как и в XIX веке летописные сказки выдаются за историческую реальность. Причин этому много. Прежде всего сложившиеся за века стереотипы мышления и отношения к героям собственной истории. Слепая вера в «истинность» исторических событий, зафиксированных в ПВЛ. Особенно это проявляется в учительской среде, где в школьных учебниках чаще всего преобладает пересказ летописных текстов и невозможность в школьной программе представить альтернативные точки зрения. Попробуйте на вопрос ЕГЭ ответить, что Владимир крестился не в Корсуне?! ЕГЭ вообще убивает в школьниках историческое мышление!

Но «неумолимый долг историка» все же заставляет подвергать сомнению, казалось бы азбучные истины. Во многом это касается и событий истории Древней Руси, принципов создания средневековой литературы и, прежде всего, «Повести Временных лет». Благодаря работам Торопова В. Н., Первухина В. Я., Плотниковой О. Л., Никитина А. Л. и, особенно, Данилевского И. Н., тема библейских заимствований в ПВЛ получила новое развитие. Собственно, именно работы И. Н. Данилевского подвигли меня пересмотреть свои взгляды на историю Древнерусского государства и приступить к написанию этой книги.

Эта работа стала для меня необычайно трудной. Сказалось и мое советское, комсомольское воспитание, когда Библия не только не изучалась, но и любое упоминание о ней могло расцениваться как часть идеологической диверсии. В результате я явно чувствую ущербность своего образования, которое с годами тяжелее восполнить. Очевидно, это где-то сказалось и в написании этой книги.

В результате работы я пришел к очень тяжелому и необычайно ответственному для себя выводу, что бóльшая часть того, что описано в ПВЛ времен Ольги, Владимира не есть реальные исторические факты. Вернее, многие события имеют место быть (например, путешествие Ольги в Константинополь или взятие Корсуни Владимиром), но их описание, сюжетная линия всецело выдуманы летописцем, подогнаны под библейские сюжеты, события римской или византийской истории. Получается, что о князе Владимире, Крестителе Руси, мы знаем очень мало, а то, что известно, чаще всего взято, подгоняется под библейскую канву. И уже трудно определить: где реальность, а где миф. У И. Н. Данилевского есть замечательное суждение о князе Александре Невском и, мне кажется, что оно применимо и к Владимиру Святославичу: «просто существуют два Александра. Один – «реальный» сын своего времени, хитрый, властолюбивый и жестокий правитель ... Другой, мифический Александр Невский – герой, созданный с определенными политическими целями. Он живет и действует сегодня, влияя на мысли и поступки множества людей, плохо знакомых с историей своего Отечества (хотя, скорее всего, полагающих, что отлично знают ее). Оба Александра почти «не знакомы» друг с другом»

[Данилевский, 2001, с. 220]. Мне кажется, вот также и с Владимиром. Нами чаще всего руководит миф, подкрепленный сегодня резко возросшими религиозными установками и воззрениями, затмевая Владимира реального, человека X века. «Легенды и мифы окружают почти каждый его (Владимира – *В. Е.*) шаг и за этой завесой очень трудно различить действительное и вымышленное, подлинное лицо князя Владимира и записанный позднейшими красками иконописный лик. А нужно ли различать их – это каждый решает для себя» [Карпов, с. 7]. Я целиком и полностью подписываюсь под цитатами уважаемых историков. Выбор за вами. Кто хочет видеть за историческими деятелями героев эпохи, а кто-то верит, как говорил Е. Е. Голубинский, в сказки о них. Выбор за каждым из нас.

Библиографический список

- Азбелев: *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. – Л., 1982.
- Барац: *Барац Г. М.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. – Киев, 1908.
- Белова, Петрухин: *Белова О. В., Петрухин В. Я.* Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. – М., 2008.
- Богданова: *Богданова Н. М.* О времени взятия Херсонеса князем Владимиром // *Византийский временник.* – М., 1982. – № 47.
- Василевский: *Василевский В. Г.* Труды. – СПб., 1909. – Т. 2.
- Васильев: *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. – М., 1999.
- Голубинский, 1997: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. – М., 1997. – Т. 1, первая половина тома.
- Голубинский, 1998: *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви. – М., 1998.
- Горский: *Горский А. Л.* Древнерусская дружина. – М., 1989.
- Данилевский, 1993: *Данилевский И. Н.* Библия и Повесть временных лет (к проблеме интерпретации летописных текстов // *Отечественная история.* – 1993. – №1.
- Данилевский, 1995: *Данилевский И. Н.* Замысел и название «Повести временных лет» // *Историография, источниковедение, методы исторического исследования.* – М., 1995.
- Данилевский, 2001: *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков. – М., 2001.
- Данилевский, 2004: *Данилевский И. Н.* Повесть Временных Лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. – М., 2004.
- Диакон: *Диакон Лев.* История. – М., 1988.
- Древняя Русь: *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* – М., 2000.
- Елагин, 1997: *Елагин В. С.* «Повесть временных лет»: методическое пособие к семинарским занятиям для студентов исторического факультета. – Новосибирск, 1997.

Елагин, Шаланова: *Елагин В. С., Шаланова И. И.* Духовный мир Киево-Печерского патерика. – Новосибирск, 2000.

Елагин, 2009: *Елагин В. С.* Хрестоматия по истории древнерусского государства. – Новосибирск, 2009.

Каргер: *Каргер М. К.* Археологические исследования Древнего Киева. – Киев, 1950.

Карташёв: *Карташёв А. В.* Очерки по истории русской церкви. – Париж, 1959. – Т. 1.

Карпов: *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. – М., 2004.

Константин: Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М., 1989.

Королюк: *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. – М., 1964.

Кузьмин: *Кузьмин А. Г.* Падение Перуна (становление христианства на Руси). – М., 1988.

Левченко: *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956.

Липец: *Липец Р. С.* Эпос и Древняя Русь. – М., 1969.

Литаврин: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). – СПб., 2000.

Львов: *Львов А. С.* Исследование «Речи философа» / Памятники древнерусской письменности. – М., 1968.

Макарий: *Макарий (Булгаков).* Митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. – М., 1995. – Кн. 2.

Мельникова: *Мельникова Е. А.* К типологии становления государств в Северной и Восточной Европе // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. – М., 1992.

Назаренко: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических отношений IX–XII вв. – М., 2001.

Никитин: *Никитин А. Л.* Основания русской истории. – М., 2001.

НПЛ: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950.

Пашуто: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968.

ПВЛ: Повесть временных лет / под ред. Д. С. Лихачева. – М.; Л., 1950. – Т. 1–2.

Петрухин, 2002: *Петрухин В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X – первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Еевропы на пороге второго тысячелетия. – М., 2002.

Петрухин, 2005: *Петрухин В. Я.* Традиция и исторический факт в средневековой историографии: мотивы и числа (историографические записки) // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 2005.

Плотникова: *Плотникова О. Л.* Сакральный образ князя Владимира в системе средневекового «литературного этикета» // Информационный гуманитарный портал. Знание, понимание, умение. – 2008. – №6.

Поппэ: *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 годах) // Как была крещена Русь. – М., 1988.

Пресняков, 1938: *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. – М., 1938. – Т. 1.

Пресняков, 2014: *Пресняков А. Е.* Киевская Русь. – СПб., 2014.

Присёлков: *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.. – СПб., 1913.

ПСРЛ, т. 1: Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. 1: Лаврентьевская летопись.

ПСРЛ, т. 2: Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. 2: Ипатьевская летопись.

ПСРЛ, т. 9: Полное собрание русских летописей. – М., 2000. – Т. 9: Никоновская летопись.

Рамм: *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV вв. – М., 1959.

Рапов, 1984: *Рапов О. М.* О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами // Вопросы истории. – 1984. – №6.

Рапов, 1988: *Рапов О. М.* Русская церковь в IX – первой трети XV вв. Принятие христианства. – М., 1988.

Рыбаков, 1963: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: сказания, былины, летописи. – М., 1963.

Рыбаков, 1981: *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. – М., 1981.

Рыбаков, 1987: *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. – М., 1987.

Свердлов: *Свердлов М. Б.* Владимир Святославич Святой – князь и человек // Культура славян и Руси. – М., 1999.

Соколова: *Соколова В. К.* Русские исторические предания. – М., 1970.

Торопов: *Торопов В. Н.* О космологических источниках ранне-исторических описаний // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1973.

Татищев: *Татищев В. Н.* История Российская: в 7 т. – М.; Л., 1964. – Т. 1, 2.

Шахматов, 1908: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб., 1908.

Шахматов, 2001: *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. – М., 2001.

Щапов: *Щапов Я. Н.* Государство и церковь в Древней Руси X–XIII вв. – М., 1989.

Янин: *Янин В. Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город (исследования и материалы). – М., 1984. – Вып. 7.

Оглавление

Введение.....	4
<i>Глава 1. Владимир – язычник.....</i>	<i>16</i>
<i>Глава 2. Выбор веры.....</i>	<i>53</i>
<i>Глава 3. «Корсуньская легенда».....</i>	<i>65</i>
<i>Глава 4. Русь, Византия, Болгария в конце X века и крещение Владимира.....</i>	<i>75</i>
<i>Глава 5. Владимир-христианин.....</i>	<i>91</i>
<i>Глава 6. Повесть Временных лет и Библия.....</i>	<i>124</i>
Заключение.....	145
Библиографический список.....	148

Научно-популярное издание

Елагин Виталий Сергеевич

**ВЛАДИМИР КРЕСТИТЕЛЬ
В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ».
ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ**

Монография

В авторской редакции

Компьютерная верстка Т. Ю. Новикова

На обложке: А. М. Кучерявенко «Владимир Креститель»

Подписано в печать 21.06.2017 г. Формат бумаги 60×84/16.
Печать цифровая. Уч.-изд. л. 7,6. Усл. печ. л. 8,9. Тираж 500 экз.
Заказ № 43.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
педагогический университет»

г. Новосибирск. ул. Вилюйская, 28

Тел.: 8 (383) 244-06-62, www.rio.nspu.ru

Отпечатано:

ФГБОУ ВО «НГПУ»